Д21
В261

Ведров, С. В.О денежных пенях по Русской правде сравнительно с законами салических франков. - Москва :Изд-е Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Ун-те,1877. -143 с., [X].

- - МАЙ 2008

Д21
Б261

О ДЕНЕЖНЫХЪ ПЕНЯХЪ ПО РУССКОЙ ПРАВДѢ

СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ЗАКОНАМИ САЛИЧЕСКИХЪ ФРАНКОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

С. В. ВЕДРОВА.

4076

И давъ имъ правду, и оуставъ списавъ, глаголалъ тако: «По сеи грамотѣ ходите, яко же писахъ вамъ, тако же держите.»

Лѣтопись.

Sic inter eis convenit, ut ista omnia, quae constituerunt, starent.

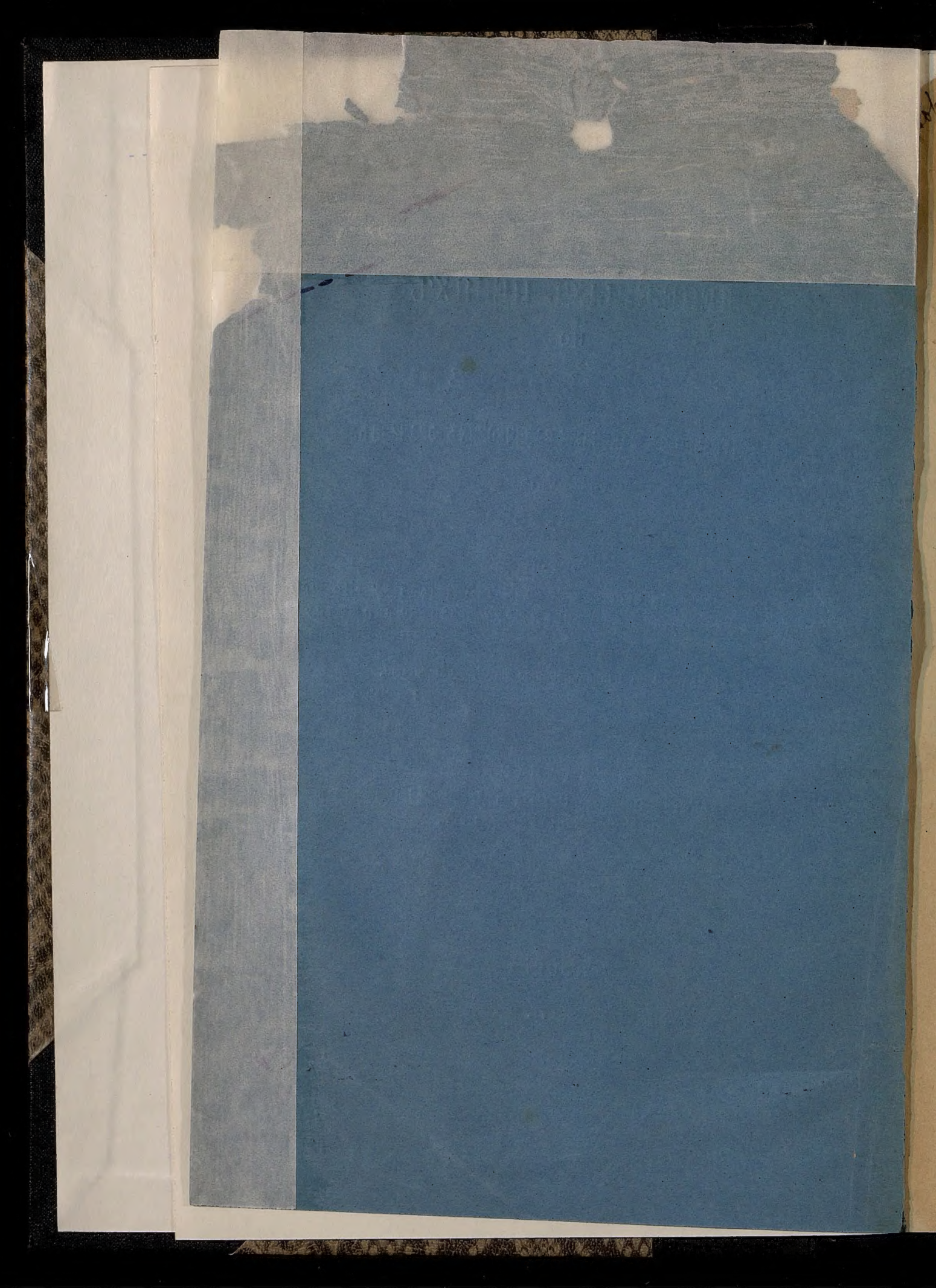
Lex Salica.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

1877.



II.2 + IV.26
В 261
Проверено 19..
БИБЛІОТЕКА М. А. ДЬЯКОНОВА.
2804
ПРОВЕРЕНО 2000 г.

О ДЕНЕЖНЫХЪ ПЕНЯХЪ ПО РУССКОЙ ПРАВДѢ

СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ЗАКОНАМИ САЛИЧЕСКИХЪ ФРАНКОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

С. В. ВЕДРОВА.

И давъ имъ правду, и оуставъ списавъ, глаголалъ тако: «По сей грамотѣ ходите, яко же писахъ вамъ, тако же держите.»

Лѣтопись.

Sic inter eis convenit, ut ista omnia, quae constituerunt, starent.

Lex Salica.

1-ый Ленинградский Юридический Институт
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1877.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1876 г., кн. 1-я.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Русскомъ древнѣйшемъ законодательствѣ различаются обыкновенно три періода, по тремъ важнѣйшимъ памятникамъ того времени: первый, предшествовавшій изданію Русской Правды, второй отъ изданія Русской Правды Великимъ Княземъ Ярославомъ до изданія Судебника Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1497 г., и третій отъ изданія перваго Судебника до изданія Уложенія Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Это внѣшнее дѣленіе, предложенное нашимъ извѣстнымъ правовѣдомъ, Профессоромъ Неволинымъ, во второй половинѣ особенной части его Энциклопедіи Законовѣдѣнія,[1] вполнѣ очерчиваетъ то важное положеніе, которое занимали въ исторіи нашего Законодательства упомянутые три памятника. Дѣйствительно, вся дѣятельность нашего Законодательства до Петра Великаго можетъ быть выражена въ трехъ словахъ: Правда, Судебникъ, Уложеніе. Первый изъ этихъ памятниковъ, Русская Правда, объемлетъ собою весь удѣльный вѣчевой періодъ нашей исторіи и отчасти вліяетъ и на первый Судебникъ. Изданная, по свидѣтельству источниковъ, В. К. Ярославомъ, Правда постоянно дополнялась его преемниками и сохраняла свое дѣйствіе въ разрозненныхъ Удѣльныхъ Княжествахъ до попытки объединенія Руси В. К. Иваномъ Васильевичемъ III. Пора, къ которой относится Правда, принадлежитъ къ наиболѣе темнымъ въ нашей исторіи: ея отдаленность, незначительное количество памятниковъ, уцѣлѣвшихъ отъ того времени, написанныхъ при томъ языкомъ въ высшей степени труднымъ для пониманія, недостатокъ фактическихъ остатковъ,

[1] Полное собраніе сочиненій К. А. Неволина, т. II, стр. 457 и слѣд.

по которымъ можно было бы сдѣлать какія либо археологическія изысканія о бытѣ нашихъ предковъ, все это дѣлаетъ изученіе первыхъ временъ Русской исторіи въ высшей степени затруднительнымъ; съ другой стороны, однако, эта трудность привлекаетъ изслѣдователя, который можетъ надѣяться сдѣлать на этомъ мало затронутомъ поприщѣ много въ высшей степени занимательныхъ открытій. До настоящаго времени всѣ наши изслѣдователи обращали особенное вниманіе на фактическую сторону нашей древнѣйшей исторіи. Благодаря трудамъ Карамзина, Погодина, Соловьева, въ послѣднее время Проф. Бестужева-Рюмина, фактическая сторона древняго періода Русской Исторіи разработана на столько, что едва ли нуждается въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ,[2] Но, въ слѣдствіе богатства данныхъ, касающихся этой фактической стороны, всѣ указанные изслѣдователи не могли обратить достаточнаго вниманія на бытовую сторону, которая до сихъ поръ весьма мало обработана. Исторія быта нашихъ предковъ въ пору Княжескую на столько обширна, что едва ли можетъ быть предметомъ изслѣдованія отдѣльныхъ ученыхъ. До настоящаго времени разработаны въ изслѣдованіяхъ Проф. И. Д. Бѣляева, Сергѣевича, Иловайскаго, О. Миллера, Кавелина, Костомарова, Срезневскаго, и друг. нѣкоторыя стороны государственной и частной жизни нашихъ предковъ. Одною изъ самыхъ важныхъ сторонъ быта какого ни будь народа является его право. Послѣ религіи [3] право представляется наиболѣе вѣрнымъ отраженіемъ всего быта народа. Изученіе же права извѣстнаго народа должно непремѣнно начаться съ изслѣдованій и разбора памятниковъ положительнаго законодательства этого народа. Въ этомъ отношеніи по вопросу объ изученіи нашего древняго права сдѣланы у насъ только пер-

---

[2] Сомнительно. О. Б.

[3] Если мы говоримъ послѣ религіи, это только по тому, что религіозныя ровѣванія и убѣжденія слагаются постоянно ранѣе и въ большинствѣ случаевъ оказываютъ сильное вліяніе на право извѣстнаго народа. Однако, право значительно болѣе, чѣмъ религія, обращаетъ вниманіе на различныя стороны быта, и по тому должно играть болѣе значительную роль въ, такъ называемой, исторіи образованія.

вые шаги. Какъ мы уже упоминали, почти все законодательство удѣльно-вѣчеваго періода сводится къ Правдѣ, которая и является единственнымъ общимъ почти для всей Руси памятникомъ свѣтскаго законодательства. Изученіе Правды необходимо предполагается по этому при изученіи Древне-Русскаго права вообще. Но самое изученіе Правды, столь важное и необходимое для исторіи Русскаго Права, далеко еще не поставлено надлежащимъ образомъ. Труды Нѣмцевъ: Шлёцера, Эверса, отчасти Рейца и Тобина, Поляковъ: Раковецкаго, Кухарскаго и отчасти Мацѣёвскаго, оставили многое невыясненнымъ, по тому что и сами трудившіеся не могли отнестись должнымъ образомъ къ чуждому законодательству, написанному на языкѣ, въ высшей степени неудобопонятномъ.[4] Кромѣ того всѣ указанные изслѣдователи имѣли главнымъ образомъ въ виду возстановленіе текста Правды.[5] Эту же цѣль преслѣдовали и многіе изъ Русскихъ изслѣдователей Правды: Болтинъ, Строевъ, Погодинъ, Дубенскій и друг. Эпохою въ дѣлѣ изученія Правды является изданіе сочиненія Н. В. Калачова въ 1846 г.[6] Н. В. Калачовъ свелъ

---

[4] Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при ученыхъ изслѣдованіяхъ народность играетъ важную роль, по тому что, кромѣ часто случайныхъ условій, какъ, напр., лучшаго знанія родныхъ обычаевъ, родной мѣстности, родного языка и т. п., иностранецъ рѣдко можетъ отнестись къ своему дѣлу съ тою любовью, которая естественно проявляется въ изслѣдованіяхъ своихъ народныхъ учрежденій. Такъ, напримѣръ, изслѣдованіе Салическихъ законовъ Пардессю (Loi, Salique ou recueil contenant les anciennes rédactions de cette loi et le texte connu sous le nom de lex emendata avec des notes et des dissertations par J. M. Pardessus, membre de Institut. Paris, imprimé par l'autorisation du roi à l'imprimerie royal. 1843) стоитъ особенно высоко между прочимъ по тому, что изслѣдователемъ является Французскій ученый, съ особенною любовью принявшійся за свое дѣло.

[5] Въ виду прекраснаго очерка литературныхъ трудовъ, относящихся къ Русской Правдѣ, помѣщеннаго въ сочиненіи Н. В. Калачова, мы считаемъ излишнимъ распространяться о различныхъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ Правды, появившихся до выхода изслѣдованія о Русской Правдѣ сего ученаго въ 1846 г.

[6] Въ 1846 г. появились его предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Правды, а въ 1847 г. издалъ онъ текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій.

въ своемъ трудѣ все, что было сдѣлано до него, и представилъ такое изданіе текста Правды, какого мы не имѣемъ ни для одного другого памятника. Послѣ изданія текста Н. В. Калачова едва ли что ни будь осталось сдѣлать въ этомъ отношеніи послѣдующему изслѣдователю. Н. В. Калачовъ взялъ на свою долю по отношенію къ Правдѣ трудъ, если и не самый тяжелый, то во всякомъ случаѣ наиболѣе скучный и утомительный—сравненіе и сведеніе къ одному 50 списковъ Правды и изданіе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но, какъ то замѣтилъ самъ онъ, труды его имѣютъ значеніе только предварительной работы для объясненія Правды, такъ что послѣдующему изслѣдователю необходимо еще объяснить Правду, и за тѣмъ уже сдѣлать изъ нея свои заключенія о Древне-Русскомъ правѣ. Работа эта тѣмъ болѣе трудна, что изслѣдователю приходится имѣть дѣло не съ одною Правдою, но и со многими другими памятниками нашей старины, изъ которыхъ нѣкоторые значительно менѣе разработаны, чѣмъ сама Правда. Чтобы представить достаточно полное изслѣдованіе о Правдѣ, необходимо разобрать, какъ всѣ памятники, ей предшествовавшіе, такъ и всѣ послѣдующіе, до самаго изданія Уложенія; при этомъ должно имѣть въ виду не только памятники внутренняго законодательства отдѣльныхъ Княжествъ, но и различныя договорныя грамоты Князей между собою, нѣкоторыхъ городовъ съ Князьями (Новгородскія договорныя грамоты) и договоры съ иностранцами (на пр., договоры Олега и Игоря съ Греками, договоръ Смоленскій съ Нѣмецкими городами, различные договоры Новгорода и т. п.); кромѣ того другіе лѣтописные памятники, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о бытѣ нашихъ предковъ, не могутъ быть пренебрегаемы при этомъ. Источники церковнаго законодательства, современнаго Правдѣ, также будутъ служить важнымъ пособіемъ для ея объясненія. Подобное изученіе всѣхъ памятниковъ поры удѣльно-вѣчевой и отчасти, по крайней мѣрѣ, и поры Царской, только и можетъ дать средства къ правильному толкованію Правды на основаніи нашихъ отечественныхъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе и при такомъ изученіи возможно, и даже вѣроятно, что оста-

нутся мѣста необъяснимыя на основаніи только отечественныхъ памятниковъ: въ этомъ случаѣ часто помогаетъ аналогическое сравненіе постановленій нашего закона съ какимъ ни будь иностраннымъ. По тому необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя законодательства Западныя, при чемъ наиболѣе близкими для аналогическихъ сравненій являются законодательства Западныхъ и Южныхъ Славянъ и нѣкоторыхъ изъ другихъ сосѣднихъ намъ племенъ, каковы Литовскіе Статуты, [7] законы Норманскіе. Для аналогическихъ сравненій могутъ послужить и нѣкоторыя другія народныя законодательства народовъ германскаго происхожденія, на пр., Франковъ, Англо-Саксовъ и т. п. Такое вполнѣ удовлетворительное изученіе Правды едва ли по силамъ одному человѣку и во всякомъ случаѣ поглотило бы всю его жизнь. При томъ, для удовлетворительнаго достиженія подобной задачи, необходимо, чтобы археологія и отчасти филологія стали на болѣе твердую почву, и тѣмъ дали средства для полнаго уясненія смысла различныхъ древнихъ памятниковъ; изъ этихъ наукъ преимущественно первая находится у насъ только въ зародышѣ.

Послѣ изслѣдованія Н. В. Калачова изученіе Правды какъ бы теряетъ свою привлекательность, и долгое время мы не встрѣчаемъ ни одного отдѣльнаго труда по этому вопросу, за исключеніемъ немногихъ монографій, затрогивающихъ нѣкоторые частные вопросы. Первою и единственною, къ сожалѣнію, крайне неудачною, попыткою создать нѣчто цѣлое по вопросу объ изученіи Правды, является трудъ Г. Ланге: „Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды“, помѣщенное въ приложеніяхъ къ „Архиву историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи? [8] Сочиненіе это, замѣчательное по задуманному плану представить уголовное право древнѣйшаго памятника свѣтскаго законо-

---

[7] Въ послѣднее время особенно стремится доказать необходимость сравненій съ законодательствами Западныхъ Славянъ и Литвы Проф. Леонтовичъ.

[8] Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Калачова, 1859 г., кн. I, III, V и VI.

дательства, оказывается чрезвычайно слабымъ по его выполненію. Сочинитель, строгій юристъ, относится къ Правдѣ, какъ будто онъ имѣетъ предъ собою уголовные законы 15 Т. Св., или какое ни будь законодательное произведеніе новѣйшаго времени. Мало подготовленный къ изученію древнѣйшихъ памятниковъ (что видно во всемъ его трудѣ), онъ предлагетъ смѣлыя догадки, ни чѣмъ не оправдывая ихъ и часто не провѣряя ихъ по источникамъ; [9] по тому сочиненіе его едва ли можетъ считаться пособіемъ при изученіи Правды, давая во многихъ случаяхъ совершенно ложныя и превратныя понятія о смыслѣ нѣкоторыхъ изъ ея постановленій. Между отдѣльными монографіями о различныхъ вопросахъ, касающихся Правды, особенно выдѣляются въ послѣднее время статьи Проф. Леонтовича, который во многихъ случаяхъ проводитъ весьма вѣрно аналогію между Правдою и Литовскими Статутами; во многихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія пользовались мы, для сравненія Правды съ Статутами, трудами этого ученаго.

Предложенная задача требовала по возможности полнаго изученія Правды по отношенію къ одному особенному вопросу о денежныхъ взысканіяхъ. Но этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ почти все уголовное право Русской Правды, изученіе котораго и составляло такимъ образомъ главную задачу изслѣдователя. Въ связи съ вопросомъ о денежныхъ взысканіяхъ невольно возникаютъ нѣкоторые вопросы государственнаго права, которые не могутъ быть обойдены при разработкѣ задачи; по тому намъ пришлось, хотя въ весьма краткихъ чертахъ, коснуться и вопроса о различныхъ сословіяхъ лицъ, существовавшихъ во времена Правды; для этой цѣли мы пользовались преимущественно замѣчательными трудами Пр. Бѣляева, Сергѣевича и въ нѣкоторыхъ случаяхъ статьями Пр. Леонтовича; впрочемъ, весь нашъ трудъ состоялъ въ объясненіи понятій, выраженныхъ въ Правдѣ извѣст-

---

[9] Намъ придется еще разбирать нѣкоторыя изъ его мнѣній въ самомъ сочиненіи, по чему мы и отлагаемъ подробную критику труда Г. Ланге до этихъ разборовъ.

ными словами: „купецъ, изгой, смердъ, рядовичъ“ и т. п. Нѣсколько болѣе подробно должны мы были коснуться учрежденія верви, неразрывно связаннаго съ понятіями о воровствѣ и объ убійствѣ, двухъ найболѣе важныхъ преступленіяхъ того времени. По отношенію къ изученію верви служилъ намъ главнымъ пособіемъ трудъ Профессора Общественнаго Права въ Московскомъ Университетѣ В. Н. Лешкова; для нѣкоторыхъ же сравненій съ Западными аналогическими учрежденіями служили намъ сочиненія Кембля, Воринген а и статья Проф. Леонтовича.

Предлагаемая задача требовала, наравнѣ съ разборомъ Правды, сравнительнаго изученія Салическаго закона. Салическій законъ, пользующійся огромною извѣстностью въ правѣ государственномъ и международномъ, благодаря одной, невѣрно понятой и весьма трудно объяснимой, статьѣ: „De terra salica,[10] принадлежитъ значительно раннему времени, какъ Русская Правда. Первое изданіе Салическаго закона относится, безъ сомнѣнія, къ первымъ временамъ завоеванія Галліи Франками. По справедливому замѣчанію Пардесю, Франки, разсѣянные по обширной области, занимая всю сѣверную часть современной Франціи до самой Луары, промѣнявъ свою кочевую жизнь на осѣдлую, почувствовали естественную необходимость упрочить свои народные обычаи, которыхъ они не хотѣли покинуть: съ этою цѣлію были изданы законы Салическіе, въ которыхъ еще весьма замѣтна рознь, существовавшая въ эти времена между побѣдителями, Франками, и побѣжденными, Римлянами. Всѣ, дошедшіе до насъ списки, написаны на испорченномъ Латинскомъ языкѣ, но первоначальный текстъ былъ, вѣроятно, написанъ на природномъ языкѣ Франковъ. Салическій законъ постепенно пополнялся, хотя первоначальная его редакція почти не измѣнялась, и послѣднею его редакціею служитъ изданіе этого сборника законовъ съ добавленіями Карломъ Великимъ, совершившееся между

[10] Titulus LXII de alode § 6 legis emendatae.

768 и 798 г.[11] Первыя же редакціи этого закона относятся къ V вѣку. Не смотря на то, что Правда возникла спустя 6 вѣковъ послѣ Салическаго закона, легко замѣтить, что она во всемъ уступаетъ законамъ Салическихъ Франковъ. Франки, судя по дошедшимъ до насъ редакціямъ Салическаго закона, находились на значительно высшей степени развитія, чѣмъ наши предки въ пору Правды. Изученіе Салическаго закона, съ перваго взгляда болѣе трудное, чѣмъ разработка Правды, сдѣлалось для насъ чрезвычайно легкимъ, благодаря добросовѣстному труду Академика Пардесю, который такъ обставилъ примѣчаніями и отдѣльными разсужденіями свое изданіе Салическаго закона, что всякій послѣдующій изслѣдователь можетъ только благоговѣйно преклоняться передъ его сочиненіемъ, но едва ли что ни будь восполнитъ, или исправитъ. Кромѣ изданія Пардесю пользовались мы изданіями Ласпейреса и Вайца. Въ виду малоизвѣстности Салическаго закона въ нашей ученой литературѣ, считали мы не лишнимъ представить сжатый очеркъ взгляда этого закона, по крайней ѣрѣ, по отношенію къ наиболѣе выдающимся преступленіямъ.

Въ видѣ прямаго отвѣта на вопросъ, является у насъ слѣдующая глава о системѣ денежныхъ взысканій Салическаго закона. Такимъ образомъ ученіе о композиціяхъ считали мы необходимымъ выдѣлить, по отношенію къ Салическому закону, изъ общаго очерка главнѣйшихъ преступленій. По отношенію къ Русской Правдѣ держались иной системы, разсматривая денежныя взысканія, ею назначаемыя, по различнымъ группамъ преступныхъ дѣяній. Всѣ преступленія, извѣстныя Правдѣ, старались мы раздѣлить по тѣмъ же отдѣламъ, которыя были нами приняты при разборѣ Салическаго закона.

При изученіи Правды имѣли мы въ виду 4 списка, изданные Н. В. Калачовымъ, его сводный текстъ Правды, изданіе Академ. списка Шлёцера (1787), изданіе Любителей Отеч. Исторіи (Болтина 1799), изд. Тобина (1844), списки Акад. и Карамз., помѣщенные въ 1-мъ вып. Христоматіи Владимирскаго-

---

[11] Lex Salica a Carole Magno, emendata anno DCCLXVIII.

Буданова. Правда представляется сборникомъ законовъ (иногда обычаевъ и судебныхъ рѣшеній, имѣющихъ значеніе закона), различныхъ по времени ихъ изданія. Уже сама Правда указываетъ на то, что въ ея составленіи принимали участіе, кромѣ Ярослава, и сыновья его, и за тѣмъ Владиміръ Мономахъ. Такимъ образомъ, если принять время княженія Ярослава (1019—1054) за періодъ возникновенія Правды, то ея образованіе отъ постепеннаго наслоенія отдѣльныхъ законовъ послѣдующихъ Князей будетъ продолжаться до княженія Владимира Мономаха (1113—1125). По крайней мѣрѣ несомнѣнно вытекаетъ изъ самой Правды, что Мономахъ принималъ участіе въ составленіи ея статей о „рѣзѣ“, но послѣднія статьи, въ особенности о „холопьствѣ,“ по своему изложенію даютъ поводъ предполагать, что они составлены послѣ Владимира Мономаха, такъ что едва ли будетъ ошибочно отнести конецъ образованія Правды къ концу XII вѣка, ко времени нашествія Татаръ. Въ слѣдствіе этого мы и смотрѣли на постановленія Правды, какъ на хронологически послѣдовательныя узаконенія различныхъ Князей, при чемъ большая часть статей Академическаго списка должна быть отнесена къ періоду Ярослава и его сыновей; напротивъ, всѣ постановленія Троицкаго списка, начиная со статьи 48-й: „Оуставъ Володимѣрь Всеволодовича,“—ко времени Владимира Мономаха и его преемниковъ. При изложеніи мы имѣли преимущественно въ виду Троицкой списокъ, который одинаково подробенъ, по отношенію къ уголовному праву, со спискомъ Карамзина, но не имѣетъ при этомъ того мѣстнаго Новгородскаго отпечатка, лежащаго на редакціи Карамзинскаго списка и ясно доказаннаго предпослѣднею статьею его: „О мостехъ.“ Списокъ же Академическій, найболѣе полный по отношенію къ древнему періоду, ставили мы постоянно наравнѣ съ Троицкимъ спискомъ.

Изученіе Правды связано съ такими затрудненіями, преодолѣть которыя едва ли могутъ въ короткое время и не столь неопытныя силы, какъ наши, тѣмъ болѣе, что, стараясь буквально держаться объема заданнаго вопроса, мы, однако, должны были иногда выходить за его предѣлы, прибѣ-

гая къ нѣкоторымъ толкованіямъ и поясненіямъ о вопросахъ, которые, какъ намъ казалось, тѣсно связаны съ денежными пенями по Русской Правдѣ. Разсматривая эти послѣднія, мы опять наталкивались на особые вопросы, которые, однако, могли бы слишкомъ далеко отклонить насъ отъ непосредственной нашей задачи и, быть можетъ, принудили бы неокончить его къ назначенному сроку, а по тому такіе вопросы намъ пришлось оставить безъ разрѣшенія, хотя они и имѣютъ, съ нашей точки зрѣнія, большое значеніе для общаго изслѣдованія Русской Правды.

О
ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВЪ ЛИЧНОСТИ
ПО ЗАКОНАМЪ САЛИЧЕСКИХЪ ФРАНКОВЪ.

Объ убійствѣ.

Loi salique ou recueil contenant les anciennes rédactions de cette loi et le texte connu sous le nom de Lex Emendata, avec des notes et des dissertations par. J. M. Pardessus. Paris, 1843. Dissert. 12.

Das alte Recht der Salischen Franken, von Georg Waitz. Kiel, 1846.

Das Strafrecht der Germanen, von D-r Wilh. Ed. Wilda. Halle, 1842.

Beiträge zur Geschichte des deutschen Strafrechtes, von D-r. F. A. M. v. Woringen. Erster Beitrag. Erläuterungen über des Compositionenwesen. Berlin, 1836.

Cours d'histoire moderne, par M. Guizot. Bruxelles, 1843.

Союзъ родственной защиты у древнихъ Германцевъ и Славянъ. Изслѣд. Сергѣя Шпилевскаго. Казань, 1866.

Убійство и воровство составляютъ тѣ правонарушенія, наиболѣе частыя въ обществѣ той поры, которыми особенно занимаются Салическіе законы.[1] Все ученіе объ убійствѣ можно раздѣлить на два отдѣла: 1, о покушеніи, и 2, о совершеніи. По отношенію къ ученію о покушеніи различаются три отдѣльныхъ случая: 1, нападеніе, сдѣланное на кого ни будь открытою силою

---

[1] Для большаго удобства изложенія мы позволимъ себѣ привести разбросанныя повсюду постановленія объ убійствѣ въ извѣстную систему, употребляя для этой нѣкоторые термины, выработанные въ новѣйшее время наукою уголовнаго права.

съ оружіемъ въ рукахъ; 2, попытка отравить, и наконецъ 3, покушеніе на убійство какимъ ни будь другимъ способомъ.

По Вольфенбютельскому списку за всѣ эти три случая налагалась однообразная пеня въ 62 солида. Однако это однообразіе пени за всякое покушеніе на убійство, которое вполнѣ согласно съ новѣйшимъ ученіемъ о наказаніи оконченнаго покушенія (Салическій законъ знаетъ только оконченное покушеніе), не можетъ быть принято въ виду того, что всѣ прочіе списки, приведенные въ изданіи Пардесю, на значеніе котораго въ этомъ отношеніи мы безусловно полагаемся, противорѣчитъ выше указаннымъ постановленіемъ Вольфенбютельскаго списка, установляя для первыхъ двухъ случаевъ пеню въ 62—63 солида, а для третьяго во 100 солидовъ.

Первый случай покушенія разсматривается въ главѣ о ранахъ, «De vulneribus»; однако изъ всѣхъ, имѣющихся у насъ подъ руками, текстовъ, одинъ Вольф. списокъ упоминаетъ въ началѣ этой статьи [2] о раненіи, какъ бы въ видѣ оправданія ея помѣщенія въ отдѣлѣ о ранахъ; напротивъ, всѣ остальные списки говорятъ только о неудавшемся покушеніи на убійство. [3] Къ этому же разряду относится и слѣдующая статья, которая упоминаетъ о покушеніи на убійство посредствомъ отравленной стрѣлы. [4] Lex emendata V соединяетъ даже оба эти постановленія, раздѣльныя въ первыхъ текстахъ (1 и 2 § главы XVII, I, II и III текста, и гл. XXI, IV; 1 § XIX гл. списка V). За оба эти преступленія установляется пеня въ 2500 динаріевъ, равныя, по обыкновенному счету, 40 динар. въ 1 солидѣ—62 $^1/_2$ сол. (I назначаетъ 63 с., II—62 сол.). Это взысканіе значительно выше назначеннаго за нанесеніе ранъ и ударовъ. Подобное же взысканіе налагается за покушеніе на отравленіе. [5]

Третій случай покушенія, о которомъ говоритъ Салическій законъ, считается, судя по величинѣ пени, особенно важнымъ. Найболѣе о немъ говоритъ Lex emendata (V). Первые два текста

---

[2] «Si quis alterum vulneraverit.»

[3] «Si quis voluerit alterum occidere et colpus ei falluerit.» V.

[4] «Si quis alterum de sagitta toxicata percutere voluerit et praetersclupaverit et ei fuerit adprobatum M. M. D. dinarios, qui faciunt solidos LXIII, culp. jad. (I).

[5] «Si quis alteri maleficium fecerit et ille, cui factum fuerit, evaserit, hoc est M. M. D. dinarios, qui faciunt solidos LXIII culpabilis judicetur» (I).

(I, II) вполнѣ согласно относятъ къ этой категоріи только одинъ случай: если кто броситъ человѣка свободнаго (въ полномъ смыслѣ слова, т. е., «ingenuum)» въ болото, и тотъ оттуда спасется. [6] За тѣмъ третій текстъ (III) прибавляетъ къ этому постановленію другое аналогическое: если человѣкъ будетъ брошенъ въ море. [7]

Текстъ четвертый (IV) содержитъ еще болѣе подробное указаніе по этому вопросу. [8] Такимъ образомъ на основаніи всѣхъ приведенныхъ текстовъ, намъ кажется, можно составить довольно опредѣленное понятіе объ этомъ дѣяніи. Не смотря на то, что, по законамъ Салическимъ, оно составляетъ самостоятельное преступленіе, мы рѣшительно должны отнести его къ категоріи покушенія на убійство, на что указываетъ и общее выраженіе текста IV («vel in periculum mortis»). Для признанія этого дѣянія необходимо, чтобы пострадавшій самъ избавился изъ того опаснаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ виновнымъ, и чтобы онъ не понесъ при этомъ особенно значительныхъ поврежденій, такъ чтобы могъ самъ лично явиться въ судъ истцомъ. Отличительною чертою всѣхъ, дошедшихъ до насъ, списковъ, является требованіе, чтобы пострадавшій былъ «homo ingennus.» Въ сборникѣ же, извѣстномъ подъ названіемъ «Recapitalatio legis Salicae,» мы находимъ аналогическія постановленія о «servus ministerialis» ($12^1/_2$ сол.), «o tributarius Romanus» ($22^1/_2$ сол.»), и о «Romanus possessor» (50 сол.), которыя содержатъ взысканія, равныя половинѣ пени, платимой за совершенное убійство тѣхъ же лицъ. Такимъ образомъ обыкновенно за покушеніе на убійство назначалась половина пени, которая платилась за убійство; исключеніемъ представляются первые два случая покушенія, разобранные нами, за которые назначается $62^1/_2$ сол; по мнѣнію Вильда [9] эта пеня составляетъ остатокъ прежняго болѣе древняго взысканія въ 125 сол., назначаемаго за обыкновенное убійство. Говоря о покушеніи, Салическій законъ имѣетъ въ виду только лицъ свобод-

---

[6] «Si quis hominem ingenuum in puteum jactaverit et vivus inde exierit, hoc est quattuor M. dinarios, qui faciunt solidos C. culpabilis judicetur.»

[7] «Si quis hominem ingenuum in pellago inpinxerit.»

[8] «Si quis hominem in puteum aut in pellago inpinxerit vel in periculum mortis, et ipse exinde vivus evaserit et ipse causam suam possit mallare solidos C. culpabilis judicetur.»

[9] Wilda, S. 85, 417.

ныхъ, какъ субъектовъ этого преступленія и, за исключеніемъ одного случая, не упоминаетъ о какихъ либо сословныхъ различіяхъ по отношенію къ объекту покушенія.[10] Однако, имѣя въ виду этотъ послѣдній случай покушенія, при которомъ прямо требовалось, чтобы пострадавшій былъ «Recapitulationis legis Salicae,» и въ особенности общее направленіе Салическаго закона и его положеніе объ убійствѣ, мы должны признать, что извѣстное общественное положеніе лица пострадавшаго имѣло то же вліяніе на величину пени за покушеніе, какъ и при совершенномъ преступленіи. По отношенію къ этому послѣднему Салическій законъ содержитъ довольно много постановленій, которыя стараются предвидѣть различные отдѣльные случаи убійства.

Убійство составляетъ преступленіе наиболѣе тяжкое и въ то же время довольно распространенное въ эту пору господства грубой силы. По общему правилу денежныя пени назначаются только за убійства лицъ свободныхъ, совершенныя тоже лицомъ свободнымъ. Рабъ считался только движимою собственностью своего господина; за нимъ не признавалось никакой личности, и его убійство считалось только имущественнымъ ущербомъ для хозяина, такъ что за убійство и за кражу раба устанавливалось одинаковое вознагражденіе.[11]

Съ точки зрѣнія Салическаго закона оба эти случая были вполнѣ одинаковы: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, рабъ былъ изъятъ изъ владѣнія своего господина, который терялъ такимъ образомъ извѣстную вещественную цѣнность, за которую и долженъ былъ быть вознагражденъ. За тѣмъ, если рабъ убивалъ раба, то его хозяинъ долженъ былъ, по добровольному соглашенію съ господиномъ убитаго, вознаградить этому послѣднему произшедшій такимъ образомъ ущербъ.[12] Убійство же свободнаго человѣка рабомъ разсматривалось почти одинаково съ убійствомъ, совершеннымъ животнымъ.[13]

---

[10] I и II Cap. XLI, §. 9; III C. XLI, § 10, 12; IV cap. XCVII; V Cap. XLIII, § 10, 11 12 и 13.

[11] «Si quis vasso ad ministerium quod est horogavo, puellam ad ministerium, aut fabrum ferrarium, vel aurifice aut porcario furaverit, aut occiderit, cui fuerit adprobatum, 1.00 dinar., qui faciunt sol. 30, culpabilis judicetur.» Waitz, cap. XXXV, § 6.

[12] «Si quis servus servum occiderit sibi similem, homicida illum domini inter se dividant.» Waitz, cap. XXXV, § 1.

[13] «Si servus (aut letus) hominem ingenuum occiderit, ipse homicida pro medietatem

Въ обоихъ случаяхъ виновный (рабъ, или животное) выдается семейству убитаго въ замѣнъ половины, назначенной за убійство пени. Тѣмъ не менѣе, не признавая за рабомъ личность, законъ признаетъ его разумную волю, и на этомъ основывается все различіе этихъ двухъ постановленій. При убійствѣ, совершенномъ рабомъ, законъ умалчиваетъ о свидѣтеляхъ, предполагая, вѣроятно, или собственное сознаніе раба (о томъ, какія мѣры принимались, чтобы вызвать это сознаніе, мы укажемъ ниже), или публичность факта; напротивъ, въ томъ случаѣ, когда виновникомъ убійства было животное, законъ требуетъ безусловно присутствія свидѣтелей. При убійствѣ, совершенномъ животнымъ, хозяинъ этого животнаго долженъ былъ бы платить, какъ бы въ наказаніе за свою небрежность, половину пени. Напротивъ, когда рабъ, какъ существо разумное, совершалъ убійство, то господинъ его освобождался отъ всякой отвѣтственности, и терпѣлъ только извѣстный имущественный ущербъ въ слѣдствіе утраты виновнаго раба.

Въ томъ же случаѣ, когда, какъ виновный, такъ и потерпѣвшій, были люди свободные, допускалось только денежное вознагражденіе за убійство. Салическій законъ не упоминаетъ нигдѣ о правѣ частной мести, хотя слѣдуетъ предполагать, что это древнее право не было уничтожено съ изданіемъ этого закона; напротивъ, намъ кажется, что родственники убитаго имѣли свободный выборъ между денежнымъ вознагражденіемъ и личною местью. Древнѣйшіе списки Салическихъ законовъ (I, II, III) не заключаютъ никакихъ постановленій по этому поводу; но текстъ IV и Lex emendata содержатъ весьма характерное постановленіе, которое наказываетъ за снятіе головы врага, выставленной на шестѣ. [14] Выраженіе «inimicus» ясно указываетъ, что дѣло идетъ не объ иностранцѣ врагѣ, для котораго существуетъ терминъ «hostis,» и намъ кажется наиболѣе правдоподобнымъ мнѣніе, вы-

---

compositionis hominis occisi parentibus tradatur; dominus vero servi aliam medietatem se noverit solviturum. Si quis homo ex quolibet quadrupedem domesticum fuerit occisus et hoc per testibus fuerit adprobatum, medietatem compositionis dominus ipsius quadrupedis conatur exsolvere. Ipsum vero quadrapedum auctorem criminis pro medietatem compositionis restituat requirenti.» Waitz, cap. XXXV, § 5, и cap. XXXVI.

[14] «Si quis caput hominis, quod inimicus suus in palo miserit, sine permissu judicis aut illius, qui eum posuit, tollere praesumpserit, DC dinarios, qui faciunt solidos XV, culpabilis judicetur.» V C. LXIX, § 33.

сказаное Бѣньономъ и принятое постановленіе имѣетъ въ виду убій высказанное Питу, [15] что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ духлью, не отличается существенно отъ предыдущаго, по тому что месть могла выразиться, какъ въ открытомъ нападеніи на врага, одинъ на одинъ, такъ и въ нападеніи изъ засады, или въ большемъ числѣ.

Первый способъ дѣйствія, кажется, даже болѣе отвѣчаетъ характеру Германцевъ. Во всякомъ случаѣ не только саги и преданія, но и историческія данныя показываютъ намъ, что обычай кровавой мести сохранялся у Германскихъ народовъ весьма продолжительное время даже послѣ принятія Христіянства.

Съ точки зрѣнія Салическихъ законовъ главное значеніе, при опредѣленіи величины пени за убійство, имѣетъ общественное положеніе, полъ и возрастъ жертвы; за тѣмъ уже дѣлается различіе въ наказаніи и по характеру самаго дѣянія, и наконецъ въ одномъ случаѣ время совершенія преступленія получаетъ огромное значеніе (когда убійство совершается во время похода).

Единицею пени, назначенной за убійство, является взысканіе въ 200 сол. или въ 8000 динаріевъ, которое, смотря по обстоятельствамъ дѣла, возвышается, или уменьшается. [16] Это нормальное взысканіе за обыкновенное убійство совершеннолѣтняго Франка, или другого какого ни будь изъ Германскихъ варваровъ, [17] подчиняющихся Салическимъ законамъ. [18] Обстоятельствами, возвышающими отвѣтственность, на первомъ планѣ является скрытность дѣйствія: такъ, если убійца постарался скрыть слѣды преступленія,

---

[15] Pardessus, pag. 404, 658.

[16] «Si quis ingenuo Franco, aut barbarum, qui legem salicam vivit, occiderit, cui fuerit adprobatum, 8000 din., qui faciunt solidos 200, culpabilis jndicetur.» Waitz, cap. XLI, § 1.

[17] Pardessus. Dissert. II Du droit que chacun avait d'être jugé par sa loi d'origine. pag. 436—450.

[18] По отношенію къ Римлянамъ (см. Pardessus, Diss. VI) пеня понижалась до половины, равно какъ для полусвободныхъ: «De Romanis vero occisis vel letis (et pueris) haec lex ex medietate solvatur» (Waitz, cap. XLII, § 4). Это правило остается въ полной силѣ при убійствѣ Римлянъ свободныхъ и обладающихъ поземельною собственностью (Romanus possessor). Напротивъ, весьма сбивчивы постановленія отдѣльныхъ списковъ Салическаго закона относи-

то пеня назначалась втрое большая 24000 д. или 600 солидовъ. [19] Такое же взысканіе назначалось за убійство человѣка свободнаго въ его собственномъ домѣ, если убійца нападетъ съ нѣсколькими товарищами («collecto contubernio»).

Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ предполагалась особенная преступность воли виновнаго, и дѣяніе разсматривалось какъ предумышленное; второй же случай считался квалифицированнымъ, такъ какъ при этомъ преступникъ силою вторгался въ домъ жертвы, нарушалъ домашнюю неприкосновенность и употреблялъ болѣе значительное насиліе, чѣмъ обыкновенно.

Приближенность къ Королю постоянно вліяла на возвышеніе пени. Если убивался Римлянинъ, близкій къ Королю («conviva regis»), то пеня назначалась втрое большая, чѣмъ за убійство Римлянина собственника, и въ полтора раза большая, чѣмъ положенная за убійство свободнаго Франка, или варвара, т. е., въ 300 сол. При убійствѣ же Франка, или варвара, изъ Королевской свиты («qui in truste dominica est»), отвѣтственность, равная 600 сол., возвышается втрое противъ обыкновеннаго взысканія за убійство. Если же убійство лица, близкаго къ Королю, представляется квалифицированнымъ, то налагается взысканіе въ 6 разъ больше обыкновеннаго, т. е., въ 1800 сол., которое втрое превышаетъ взысканіе установленное за аналогическое дѣяніе по отношенію къ лицамъ свободнымъ.

тельно, такъ называемыхъ, «Romani tributarii.» Такъ Вайцъ, въ своемъ изданіи закона, принялъ пеню 62½ сол. за убійство Римлянина изъ податнаго класса, что весьма близко подходитъ къ постановленію текста I, въ которомъ эта пеня назначена въ 63 сол. Списокъ Мюнхенскій (Pard. p. 208, Laspeyres S. 110) опредѣляетъ эту пеню въ 120 сол., что кажется весьма неправдоподобнымъ. Списокъ Вольфенбютельскій (Pard. p. 177, Laspeyres S. 110) и текстъ IV устанавливаетъ эту пеню въ 70 сол., что Пардессю признаетъ, впрочемъ, очевидною ошибкою (p. 387). Наконецъ, какъ Lex emendata, такъ и текстъ III, опредѣляютъ это взысканіе въ 45 сол.; кажется, этой послѣдней цифрѣ слѣдуетъ отдать преимущество, хотя она не вполнѣ подходитъ къ общей системѣ Салическаго закона, гдѣ всѣ взысканія за убійство слѣдуютъ опредѣленной единицѣ въ 200 сол., которая или увеличивается, или уменьшается въ извѣстное число разъ. Предположеніе Вайца (62½ сол.) имѣетъ за себя постановленіе текста I и предположеніе Вильда, что древнѣйшею единицею взысканія за убійство была пеня въ 125 с., но большая часть списковъ противорѣчитъ этому, и по тому кажется болѣе вѣрнымъ принять пеню въ 45 сол.

[19] Waitz, cap XLI, § 1.

По отношенію къ Магистратамъ, какъ Графамъ и Баронамъ («sagibaro, sucebaro»), пеня назначалась одинаковая съ опредѣленной за убійство лицъ, принадлежащихъ къ Королевской свитѣ («qui in truste dominica est»). Только въ томъ случаѣ, если убитый Баронъ былъ «puer regis», [20] назначалась половинная пеня, въ 300 сол. Только одинъ Вольфенбютельскій списокъ назначаетъ за убійство Бароновъ однообразную пеню, въ 300 сол. безразлично, принадлежитъ ли убитый къ «homines ingenui», или къ «pueri regis». Это слѣдуетъ считать очевидной ошибкой, во первыхъ, по тому, что все законодательство Салическихъ Франковъ проводитъ рѣзкую грань между свободными (ingenui) и полусвободными («puer regis, litus»), и за убійство послѣднихъ постоянно назначаетъ только половинныя пени; во вторыхъ, само помѣщеніе этихъ двухъ постановленій въ 2 отдѣльные §§ указываетъ на ихъ различіе, и терминъ «puer regis» въ первомъ § и «ingenuus» во второмъ составляетъ какъ бы противоположеніе, которое и обусловливаетъ различіе пеней; и въ третьихъ, это постановленіе опровергается всѣми остальными списками. Кромѣ того, самъ Вольфенбютельскій списокъ содержитъ въ этомъ случаѣ такое противорѣчіе, которое очевидно доказываетъ, вмѣстѣ съ прочими доводами, что здѣсь произошла ошибка въ счетѣ солидовъ. [21] Если убійство было совершенно во время похода («in hoste»), то отвѣтственность тоже значительно возвышалась. Общимъ правиломъ въ этомъ отношеніи было, высказанное въ Lex emendata тройное вознагражденіе. [22] Согласно съ этимъ большинство списковъ [23] постановляетъ взысканіе въ 600 сол. за убійство свободнаго во время похода; съ этимъ соглашается и Вайцъ (стр. 268). Но этому противорѣчитъ глава LXV Вольф. списка и текстъ IV, которые полагаютъ за

---

[20] По мнѣнію Pardessus освобожденный рабъ, находящійся подъ покровительствомъ Короля.

[21] «Si quis sacerborone, qui ingenuus est et sacceborne, occiderit, 24000 dinarios, qui faciunt solidos 300, culpabibis judicetur.» Такимъ образомъ ясно, что въ опредѣленіи этой пени, согласномъ въ счетѣ динаріевъ со всѣми прочими, произошла ошибка въ счетѣ солидовъ.

[22] «Si quis hominem in hoste occiserit, t r i p l i c e compositione componat, sicut in patria componere debuit.» § 1, глава LXVI.

[23] I, II, III, одно постановленіе Вольф. списка сар. XLVI, списк. Мюнх. и списокъ Герольда, сар. LXVI, § III.

убійство человѣка свободнаго во время похода обыкновенную пеню въ 200 сол. Такое разногласіе, намъ кажется, можно приписать только опискѣ переписчика, тѣмъ болѣе возможной, что обѣ цифры DC и CC довольно сходны въ своемъ начертаніи. Никакой же разумной причины для этого не имѣется. Вѣрность же первой цифры въ 600 сол. подтверждается и постановленіемъ § 27 Recapitulationis legis salice, которое назначаетъ за убійство человѣка полусвободнаго, «litus,» находящагося въ походѣ, 300 сол.

По отношенію къ лицамъ изъ Королевской свиты имѣло силу тоже правило, хотя Lex emendata какъ будто и противорѣчитъ этому, замѣчая, въ концѣ выше указаннаго § глава LXVI: «excepto si ex truste regale non fuerit ille homo;» но за тѣмъ, въ слѣдующемъ § (2) той же главы мы находимъ и объясненіе этого выраженія: «nam si ex truste regale fuerit, eandem compositionem, quam infra patriam facere debuit, culpabilis judicetur, hoc sunt, dinariis 72000, qui faciunt solidos 1800.» Это постановленіе содержитъ нѣкоторое противорѣчіе въ самомъ себѣ: за обыкновенное убійство лица изъ Королевской свиты назначалась пеня въ 600 сол., и, слѣдовательно, если принять постановленіе 2 §, какъ исключеніе изъ правила, выраженнаго въ § 1, то пеня должна бы равняться 600 сол. Но убійство во время похода всегда считается квалифицированнымъ, и по тому разбираемое постановленіе Legis emendatae слѣдуетъ принять въ томъ смыслѣ, что назначаемое за убійство во время похода взысканіе равно налагаемому за квалифицированное убійство въ обыкновенное время. [24] Доказательство этого можно отчасти вывести изъ постановленія сборника, извѣстнаго подъ названіемъ: «Hoc sunt septem causas.» Въ 8 главѣ этого сборника de solidis—MD CCC мы читаемъ: «Si quis hominem ingenuum in hoste occiserit et in mortridam mittitur, solidis 1800 culpabilis judicetur.» Здѣсь встрѣчается впервые выраженіе «in mortridam mittere,» однозначащее съ выраженіемъ «in mordrem mittere,» которое не находится въ тѣкстѣ самаго закона. Слово «mortrida,» изъ котораго въ послѣдствіи произошло Нѣмецкое «Mord,» указы-

---

[24] Homo ingenuus:
простое убійство 200 с.
скрытное убійство 600 с.
простое во время похода 600 с.
скрытное во время похода 1800 с.

Ex truste dominica:
простое 600
скрытное 1800
простое во время похода 1800
скрытное во время похода 5400 с.?

ваетъ на совершеніе тайнаго убійства со скрытіемъ трупа жертвы. Но мы уже указывали, что за тайное убійство свободнаго человѣка полагалась пеня въ 600 сол., т. е., отвѣтственность возвышалась втрое, между тѣмъ при тайномъ убійствѣ во время похода пеня равнялась 1800 сол., и отвѣтственность была такимъ образомъ возвышена въ 9 разъ. Ясно, что были два повода къ квалификаціи дѣянія: скрытность убійства («mortrida») и время совершенія (во время похода). Кажется, что пени выше 1800 сол. не зналъ Салическій законъ, такъ что за скрытное убійство лица изъ Королевской свиты во время похода налагалось вѣроятно то же взысканіе въ 1800 сол., а не въ 5400, какъ бы это слѣдовало [25] Этого случая совсѣмъ не касаются наши источники.

По отношенію къ убійству взрослыхъ находится въ Салическомъ законѣ еще одно довольно странное постановленіе объ убійствѣ лица, изувѣченнаго своими врагами и брошеннаго ими на произволъ судьбы. [26]

Въ этомъ довольно загадочномъ случаѣ наказаніе смягчается только въ виду того положенія, въ которомъ находился убитый. Съ современной точки зрѣнія, когда наказывается въ извѣстныхъ случаяхъ неподанія помощи, безпомощное состояніе жертвы могло бы только возвысить наказаніе, но Салическій законъ смотритъ на все съ извѣстной, если можно такъ выразиться, утилитарной точки зрѣнія. Не говоря уже о томъ, что увѣчье такого рода, о какомъ говоритъ разбираемое постановленіе, можно считать безусловно смертельнымъ, человѣкъ, который бы его перенесъ, дѣлался почти совершенно безполезнымъ членомъ общества: вотъ причина, по чему пеня уменьшалась на половину. По всей вѣроятности въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о жертвѣ чьей нибудь частной мести, на что указываетъ выраженіе «quem inimici sui demiserunt») (въ нѣкоторыхъ текстахъ прибавлено: «quem detruncatum»; при этомъ самый законъ признавалъ такого человѣка «detruncatum» т. е., умерщвленнымъ, какъ бы уже убитымъ). При такомъ взглядѣ

---

[25] Въ представленной нами выше сравнительной таблицѣ старались мы показать отношеніе пени за убійство лицъ, приближенныхъ къ Королю, къ обыкновеннымъ пенямъ, и по этому соотношенію можно было бы заключить и о существованіи пени въ 5400 сол.

[26] «Si quis hominem invenerit in quadruvio sine manus et sine pedes, quem inimici sui demiserunt, et eum perocciderit, cui fuerit adprobatum 4000 dinarios, qui faciunt solidos 100, culpabilis judicetur.» Waitz, XLI, § 8.

на дѣло является непонятнымъ, по чему же наказывался нанесшій ему послѣдній «coup de grâce»? Намъ кажется, это можно объяснить тѣмъ, что въ настоящемъ случаѣ важно было открыть виновниковъ этого дѣянія: пока въ жертвѣ были признаки жизни, оставалась надежда на открытіе преступниковъ, по тому что самъ пострадавшій могъ еще сообщить ихъ имена. Если же его убивали, то этимъ уничтожалась надежда на открытіе виновниковъ. Это подтверждается и указаніемъ на мѣсто преступленія: «Quadruvium» («ubi quattuor viae conveniunt») представляло мѣсто пересѣченія четырехъ дорогъ, такъ что нельзя было даже открыть слѣдовъ преступниковъ. Между тѣмъ законъ видимо обращаетъ вниманіе на этотъ признакъ, по тому что требованіе, чтобы изувѣченный былъ оставленъ своими врагами «in quadruvio», повторяется во всѣхъ текстахъ. Въ этомъ случаѣ, убивая лицо, такъ изувѣченное, убійца дѣлается какъ бы сообщникомъ съ тѣми «inimici», которые изувѣчили и бросили на произволъ судьбы, тѣмъ, что помогаетъ имъ такимъ образомъ избѣгнуть достойнаго возмездія за ихъ поступокъ; но, съ другой стороны, убійца въ этомъ случаѣ только предупредилъ смерть, неизбѣжную (съ точки зрѣнія закона) въ слѣдствіе понесенныхъ поврежденій; отъ чего и пеня назначается въ половину меньше обыкновенной. Это единственный случай, когда за убійство человѣка полноправнаго назначалась половинная пеня въ 100 сол. Но, кромѣ указаннаго случая, мы имѣемъ еще одинъ, гдѣ также означается половинная пеня, но онъ стоитъ тоже особнякомъ, имѣетъ совершенно особое вліяніе: убійство зародыша или новорожденнаго, не имѣющаго имени, влечетъ за собою туже пеню во 100 сол. [27] По поводу этого случая мы встрѣчаемъ въ источникахъ нѣкоторыя разногласія. Одни изъ списковъ (II, IV, Herold) упоминаютъ только объ убійствѣ плода, еще не рожденнаго («infantem in utero matris»), при чемъ выраженіе «infans» указываетъ на то, что въ въ этомъ случаѣ по закону требуется значительная зрѣлость плода, когда уже младенецъ вполнѣ сложился. Остальные списки прибавляютъ къ этому еще случай убійства ребенка уже родившагося, но не получившаго имени: «infra IX noctes,» прибавляетъ текстъ III и Lex emendata; наказаніе налагается при этомъ тоже самое.

---

[27] Мы принимаемъ въ этомъ случаѣ взысканіе во 100 сол. по тому, что всѣ тексты: I, II, III, IV, V, Вольфенб. и Мюнхенскій, кромѣ списка Герольда, (который полагаетъ 200 сол.) назначаютъ эту пеню.

Случай, разобранный нами, неразрывно связанъ съ другимъ аналогическимъ—убійствомъ беременной женщины. Наказаніе за это преступленіе опредѣляется большинствомъ списковъ въ 28000 динаріевъ или въ 700 сол.—расчетъ самый простой: за убійство женщины, способной къ зачатію, взысканіе равно 600 сол.; за убійство же плода пеня равнялась 100 сол.[28] Законъ явно оказываетъ во всѣхъ этихъ постановленіяхъ особое покровительство беременой женщинѣ, но различія взысканій, смотря по полу плода, рѣшительно необъяснимы.

Вообще же по отношенію къ убійству женщины, смотря по возрасту убитой: за убійство дѣвушки, не достигшей двѣнадцати лѣтъ,[29] налагалась обыкновенная пеня 200 сол.; такое же взысканіе назначалось и за убійство женщины преклонныхъ лѣтъ, послѣ 600.[30] Убійство женщины «postquam infantes coeperit habere,» влекло за собою утроенную пеню въ 600 сол. Замѣчательно при этомъ, что законъ положительно требуетъ, чтобы убитая имѣла дѣтей; слѣдовательно, для возвышенія пени было мало одного предположенія, что жертва могла бы имѣть дѣтей; напротивъ требовалось чтобы положительно было доказано, что она уже имѣла дѣтей,

---

[28] Совершенно непонятными являются послѣ этого постановленія текстовъ III и IV, которыя налагаютъ въ этомъ случаѣ взысканіе въ 300 сол.,; скорѣе всего это можно объяснить ошибкой переписчика. Особенно замѣчательно весьма подробное постановленіе списка Герольда (Tit. LXXV, § 1): «Si quis mulierem gravidam occiderit, XXDVM din., qui faciunt solidos DC, culpabilis judicetur, et si probatum fuerit, quod partus ille puer fuerit, simili conditione pro ipso puero DC sol. culpabilis judicetur.» Между тѣмъ въ § IV той же главы назначается пеня въ 700 сол. за смерть беременной, послѣдовавшей отъ побоевъ. Сомнѣніе возбуждаетъ здѣсь вторая половина разбираемаго §. Ни въ одномъ спискѣ мы не находимъ подобнаго постановленія, которое при томъ противорѣчитъ только что разобраннымъ постановленіямъ. Только въ «Capita extravagantia» находимъ мы аналогическія постановленія во главѣ XI, гдѣ предвидятся различныя случаи побоевъ, нанесенныхъ беременной. Если въ слѣдствіе побоевъ происходилъ выкидышъ, но женщина оставалась въ живыхъ, пеня равнялась 600 сол.; если выкидышъ былъ женскаго пола, пеня равнялась 2400 сол.; если же при этомъ умирала сама женщина, взысканіе равнялось 900 сол. Эти послѣднія постановленія весьма трудно объяснимы; по отношенію же къ выкидышу-дѣвочкѣ цифра пени кажется намъ преувеличенной. Если же женщина была «in virbo regis,» то пеня возвышалась до 1200. сол.

[29] По списку Герольда T. LXXV, § 2: «antequam infantes possit habere» (Lex emendata XXVI, § 6).

[30] «Postquam infantes non potest habere.»

на это прямо указываетъ выше приведенное выраженіе. Списокъ Герольда высказываетъ при этомъ и ту предѣльную грань, послѣ чего женщину, имѣвшую дѣтей, слѣдуетъ считать неспособною къ произведенію потомства. [31]

Убійство мальчиковъ наказывалось также возвышенной пеней въ 600 сол.; при этомъ въ источникахъ существуетъ небольшое разногласіе относительно перваго возраста: въ текстѣ I прямо опредѣляется этотъ періодъ въ 10 лѣтъ; [32] текстъ II колеблется въ этомъ опредѣленіи между постановленіями текста I и остальныхъ: «Si quis puerum infra XII annos usque ad decem annos».....; всѣ остальные списки опредѣляютъ этотъ періодъ въ 12 лѣтъ. Вайцъ принимаетъ, какъ наиболѣе древнее, постановленіе, текстъ I; впрочемъ, это можетъ имѣть значеніе только для опредѣленія совершеннолѣтія; по отношенію же къ пени за убійство несомнѣнно принимался возрастъ 12 лѣтній. Выраженіе: «non tonsoratus,» которое иногда прилагается къ мальчикамъ этого возраста, однозначаще съ выраженіемъ «crinitus», которое употребляется въ аналогическихъ случаяхъ, такъ что постановленія объ убійствѣ мальчиковъ моложе 12 лѣтъ и мальчиковъ «crinitos» вполнѣ совпадаютъ. Возвышеніе пени, довольно значительное въ случаяхъ убійства несовершеннолѣтнихъ, объясняется тѣмъ покровительствомъ, которое Салическій законъ оказываетъ всемъ слабымъ.

По отношенію къ рабамъ законъ представляетъ одинъ случай, не имѣющій особеннаго значенія, отвѣтственности за смерть, происшедшую въ слѣдствіе какого либо другого преступленія. [33]

Болѣе важнымъ представляется случай смерти при поджогѣ. Постановленія о поджогѣ являтся вообще довольно запутанными и различные списки представляютъ много разнообразія; наиболѣе опредѣленно выражается Lex emendata (T. XVIII, § I.). Эту статью можно раздѣлить на двѣ части: въ первой опредѣляется вознагражденіе убытковъ хозяина того дома, который былъ подожженъ; во второй вознагражденіе прочихъ пострадавшихъ лицъ. Такимъ образомъ въ пользу хозяина сгорѣвшаго дома присуждались 62½

---

[31] Usque ad sexagesimum annum.» T. LXXV, § 3.

[32] «Si quis puerum infra decem annos usque ad decimum plenum.»

[33] «Si servus cum ancilla aliena mechatus fuerit, et ex ipso crimine ancilla mortua fuerit, servus ipse aut 240 dinar., qui faciunt solidos 6, domino ancillae redat, aut castretur, dominos vero servi capitale ancille in locum restituat.»

сол., «excepto capitale et delatura»; за тѣмъ всѣ, бывшіе въ томъ домѣ, могли (по выраженію закона должны были «debent») искать въ судѣ противъ поджигателя, и каждый изъ нихъ могъ получить съ него 62½ сол. и вознагражденіе за всѣ убытки, которые они потерпѣли отъ пожара. Если же кто ни будь изъ бывшихъ въ домѣ сгорѣлъ, родственники, его имѣли право требовать обыкновенной пени за убійство въ 200 сол. Въ видѣ ограниченія, въ другихъ текстахъ прибавлено, что искать въ судѣ («mallare») противъ поджигателя могутъ только бывшіе въ домѣ «ingenui.» За поджогъ нежилыхъ строеній, житницъ, или помѣщеній для скота («spicarium machalum, sutem scuria») назначалось тоже взысканіе въ 62½ сол. съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы житницы были съ хлѣбомъ, а помѣщеніе для скота съ тѣми животными, для которыхъ они предназначены. [34]

Объ увѣчьяхъ, раненіяхъ и реальныхъ и словесныхъ обидахъ вообще.

Всѣ увѣчья были раздѣлены на нѣсколько категорій и оцѣнены, причемъ законъ старался предусмотрѣть всѣ возможные случаи этого рода. Наиболѣе замѣчательнымъ является списокъ кастрацій. Древнѣйшіе списки (I, II) назначаютъ за это преступленіе пеню въ 200 сол., равную обыкновенному взысканію за убійство; списки III, IV и V различаютъ двѣ стороны этого преступленія, назначая при этомъ и два различныхъ взысканія: I. «Si quis ingenuus ingenuum castraverit, aut virilia truncaverit, ut mancus fiat, IVM dinariis, qui faciunt solidos C, culpalis judicetur; 2. si vero, ad integrum tulerit, VIIIM dinariis, qui faciunt solidos CC, culpalilis judicetur.»

Списокъ Герольда прибавляетъ при этомъ, что за кастрацію человѣка изъ свиты Короля («antrussio») назначается тройная пеня въ 600 сол. [35] Это преступленіе замѣчательно еще по тому, что при немъ упоминается о вознагражденіи за лѣченіе («medicatura»). Спи-

---

[34] Преступленіе поджога относится, безъ сомнѣнія, къ разряду преступленій имущественныхъ, но для краткости, такъ какъ Салическій законъ обращаетъ особенное вниманіе на поджогъ, имѣвшій послѣдствіемъ смерть, мы считаемъ возможнымъ окончить весь вопросъ въ отдѣлѣ объ убійствѣ.

[35] «Si quis antrussionem castraverit, XXIVM dinariis, qui faciunt solidos DC culpabilis judicetur »

ски Герольда, Мюнхенскій и Вольфенбютельскій, опредѣляютъ прямо плату врача 9 сол. [36] За опасныя поврежденія и за обезображеніе лица назначалась пеня въ 100 сол., именно: за лишеніе руки, или ноги, глаза, носа, или уха.

Всѣ пальцы на рукѣ были оцѣнены, при чемъ, однако, большая часть списковъ расходятся въ своихъ показаніяхъ. Наибольшая пеня отъ 30 до 65 сол. (Мюнхенскій) полагается за отсѣченіе большаго пальца; кажется, наиболѣе вѣрнымъ признать постановленія списковъ II, III, IV, V, которыя опредѣляютъ это взысканіе въ 45 сол. Вайцъ, согласно своему обыкновенному правилу, принимаетъ опредѣленіе списка I (50 сол.). Относительно втораго пальца, («qui est unde sagitatur») всѣ списки опредѣляютъ взысканіе въ 35 сол. За три остальные пальцы полагалась пеня въ 45 сол. (50 по первому тексту), если они были отрублены съ одного удара; за каждый изъ этихъ пальцевъ въ отдѣльности назначалось большинствомъ списковъ 15 сол.—пеня, которая, по нашему мнѣнію, должна быть принята; только текстъ II постановляетъ за лишеніе четвертаго пальца 9 сол.; кромѣ того текстъ I имѣетъ совершенно особое постановленіе по этому поводу, назначая пеню въ 35 сол. за лишеніе двухъ пальцевъ, и въ 30 сол. за лишеніе одного.

Объ этихъ случаяхъ увѣчья только и говорятъ списки I, II, списокъ же III значительно расширяетъ перечень преступленій, принадлежащихъ къ этой категоріи, такъ что, вмѣсто 9 §§, на которые раздѣлена глава «De debilitatibus,» въ первомъ текстѣ мы находимъ въ III спискѣ 19 параграфовъ. Текстъ IV представляетъ только неполную редакцію третьяго (въ немъ 14 парагр.). Lex emendata содержитъ буквально тоже число парагр. (19), съ тѣмъ же содержаніемъ, какъ текстъ III. Ясно, что это позднѣйшая распространенная редакція текста I, при чемъ сохранились и остатки прежней болѣе древней редакціи, которые попали въ оба эти списка, вѣроятно, по недосмотру редакторовъ.

Постановленія § 1, нами уже разобранныя, одинаковыя во всѣхъ спискахъ, принадлежатъ безспорно къ древнѣйшей редакціи, какъ то признаетъ и Вайцъ; между тѣмъ всѣ эти постановленія опровергаются послѣдующими параграфами, которые установляютъ нѣсколько разнообразныхъ взысканій за тѣ же самыя преступленія, которыя влекутъ за собою по § 1 пеню въ 100 сол. Такъ

[36] «Medico — novem solidos.»

за отсѣченіе руки § III (III и V тексты) назначаетъ 61 сол, за отсѣченіе ноги § 12 тоже $62^1/_2$, за лишеніе глаза § 13 тоже $62^1/_2$ сол. за лишеніе носа § 14 опредѣлятъ пеню въ 45 сол., за отсѣченіе § 15 въ 15 сол. За тѣмъ текстъ III вводитъ еще два новыхъ примѣра увѣчья, которые не были въ двухъ первыхъ текстахъ: отрѣзаніе языка («ut loqui non possit») влечетъ за собою, по § 16, пеню въ 100 сол.; за выбитый зубъ назначалось по § 17 15 сол. Кромѣ техническаго опредѣленія увѣчья, Салическій законъ посвящаетъ еще цѣлую главу понятію ранепія, подъ которое подведены и побои. Обыкновенная рана острымъ оружіемъ влекла за собою пеню въ 15 сол. [37]

Постановленіе это повторяется во всѣхъ текстэхъ, которые представляютъ только различную редакцію. Въ виду большей опасности для жизни, раны въ голову видѣлены изъ ряда прочихъ. Это выдѣленіе головныхъ ранъ въ особые параграфы замѣчается во всѣхъ спискахъ, по отношенію же къ размѣру пени, за эти раны назначенной, всѣ тексты представляютъ замѣчательное разногласіе, которое объясняется только тѣмъ, что переписчики, вѣроятно, перепутали сходныя постановленія; можетъ быть также что въ изданіи Legis emendatae и другихъ позднѣйшихъ списковъ вошли нѣкоторыя новыя постановленія; которыя и смѣшались съ древними. Замѣчательно, что древній текстъ I указываетъ только на одинъ особенно опасный случай раны въ голову («ut cerebrum appareat et exinde tria ossa, quae super ipso cerebro jacent, exirent»), [38] назначая за это взысканіе въ 30 сол. Слѣдующіе списки отчасти раздѣляютъ это постановленіе на два, опредѣляя при этомъ и различныя пени за каждое, отчасти же смѣшиваютъ это постановленіе съ выше разобраннымъ и назначаютъ за него обыкновенное взысканіе въ 15 сол. Это, кажется, спутало Вайца, который, на основаніи показаній всѣхъ списковъ (находящихся въ изд. Pardessus) принимаетъ два рода взысканій за упомянутыя раны: одно въ 15 сол., другое въ 30 сол. Намъ кажется, что это предположеніе не можетъ быть принято, по тому что показанія текстовъ II и III [39] списковъ Вольфенбютельскаго [40] и Мюнхенскаго [41] основаны, какъ

---

[37] Waitz, cap. XVII. § 3.
[38] I cap. XVII, § 3.
[39] II, cap. XVII, § 4; III, cap. XVII, § 3.
[40] Cap. XVI, § 4.
[41] Cap. XIV, § 4.

намъ кажется, на очевидной ошибкѣ писца, который повторилъ, по отношенію къ легкому раненію головы, сказанное выше по отношенію къ обыкновенному раненію; иначе трудно было бы объяснить, по чему два, рядомъ помѣщенные, параграфы говорили объ одномъ и томъ же преступленіи и назначали при этомъ одинаковое взысканіе. Въ обоихъ постановленіяхъ требуется, чтобы рано была «ut sanguis ad terram cadat»; если бы при этомъ за рану въ голову назначалось высшее взысканіе, можно было бы предположить, что это раненіе, хотя по наружному виду и вполнѣ сходное съ обыкновеннымъ, считается особено тяжкимъ; но такъ какъ въ разбираемомъ случаѣ величина пени вполнѣ одинакова, какъ въ томъ случаѣ, когда нанесена обыкновенная рана, такъ и въ томъ, когда нанесена легкая головная рана, то остается только предположить, что это простая описка. Это подтверждается еще тѣмъ, что въ другихъ случаяхъ законъ совершенно иначе опредѣляетъ тяжесть головныхъ ранъ, требуя, чтобы вышли кости («ut ossa exirent»), или даже была обнажена часть мозга («ut cerebrum appareat»), и назначая при этомъ значительно большія пени. По этому мы полагаемъ, что можно принять только взысканія при раненіяхъ головы: первое (древнѣйшее) въ 30 сол., и второе, вѣроятно позднѣйшаго происхожденія, въ 45 сол. Послѣ ранъ головныхъ особенно опасными считались по закону Салическихъ Франковъ раны въ бокъ («intra costas»), которыя проникали до внутренности, «usque ad intrania;» пеня за это преступленіе равнялась 30 сол. Текстъ I прибавляетъ къ этому за лѣченіе («de medicatura») 5 сол. текстъ же II, назначая за это раненіе 45 сол., опредѣляетъ «de medicatura vero sunt dinarii 320, qui faciunt solidos VIII.» Это второй случай, когда встрѣчается «medicatura;» замѣчательно только, что объ ней упоминаютъ не всѣ тексты. Позднѣйшіе тексты, начиная съ III, прибавляютъ еще особый случай раненія: «Si plaga ipsa semper currit et ad sanitatem non pervenerit», за который назначается высокая пеня во $62\frac{1}{2}$ сол. Кромѣ того, при этомъ случаѣ постоянно прибавляется «et in medicaturas solidos IX.» Здѣсь предполагается такое раненіе, которое требуетъ особенно продолжительнаго и тщательнаго лѣченія, по чему и назначается довольно значительная «medicatura». За каждый ударъ палкой законъ назначаетъ по 3 сол; при этомъ весьма замѣчательна редакція этого постановленія, которая почти не потерпѣла измѣненій въ позднѣйшихъ спискахъ, такъ что опредѣленіе текста I почти буквально повторяется въ V: «Si quis ingenuus ingenuum de fuste

1-ый Ленинградский Юридический Институт

percusserit, ut sanguis non exeat, usque tres colpus semper per unum quisquo jecto hoc est 120 dinarios, qui faciunt solidos III culp. jud.» [42] Хотя всѣ постановленія Салическихъ законовъ, въ которыхъ прямо не указано, что они говорятъ о полусвободныхъ, или о рабахъ, имѣютъ въ виду лицъ свободныхъ («ingenuos»); но при этомъ преступленіи требованіе «ingenuitatis» особенно выставляется на первый планъ, по тому что здѣсь дѣло идетъ главнымъ образомъ объ оскорбленіи чести. Страннымъ является въ этомъ случаѣ постоянно встрѣчающееся указаніе на число ударовъ «usque ad tres colpos», при чемъ въ спискѣ Герольда приведено даже вычисленіе, что за три удара, по 3 сол. за каждый, слѣдуетъ 9 сол. пени. Это указываетъ прежде всего на ту особенность Салическихъ законовъ, которую они раздѣляютъ почти со всѣми древнѣйшими кодексами, что ихъ постановленія носятъ отпечатокъ отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній. Подобное же постановленіе мы встрѣчаемъ за ударъ «clausa manu» и «clausa pugno», когда также за каждый отдѣльный ударъ назначается пеня въ 3 сол., а за три удара въ 9 сол. Если же отъ удара палкой было кровеизліяніе, взысканіе назначалось одинаковое, какъ и въ томъ случаѣ, если рана была сдѣлана рѣжущимъ оружіемъ, т. е., 15 сол. Прямымъ доказательствомъ того, что какъ ударъ палкою, такъ и ударъ мечомъ въ пожнахъ, или кулакомъ, разсматривался, какъ оскорбленіе, служитъ глава о словесныхъ обидахъ «de convitiis», гдѣ почти за каждое словесное оскорбленіе назначается таже пеня въ 3 сол. Эта глава имѣетъ, по древнѣйшей своей редакціи (I) 7 параграфовъ, изъ которыхъ 6 относятся къ словеснымъ обидамъ (и къ клеветѣ) лицъ мужескаго пола. Здѣсь сперва перечисляются различные виды оскорбленій (названіе какого ни будь «cinitum, concatum, vulpem, leporem etc.»), за которыя, по тексту первому, назначается однообразная пеня въ 3 сол. По отношенію къ первому изъ пречисленныхъе преступленій названію кого ни будь «cinitum» (cinaedum), какъ нѣкоторые объясняютъ, всѣ остальные списки, кромѣ I, назначаютъ въ 15 сол., что заставило и Вайца, не смотря на то, что оно не имѣетъ, по видимому, особаго разумнаго основанія, поправить показаніе текста I, принявъ пеню въ 15 сол. Трудно представить, какое особенное значеніе имѣло слово «cinitus», чтобы за него опредѣлялось столь высокое взысканіе, хотя, кажется, необходимо при-

[42] I cap. XVII, § 6.

нять показаніе большинства списковъ; можетъ быть древнѣйшая пеня въ 3 сол. была возвышена въ послѣдствіи. Два послѣдніе параграфа говорятъ объ обидахъ, которыя отчасти подходятъ подъ понятіе клеветы. Въ первомъ изъ нихъ упоминается объ одной извѣстной чертѣ Германскихъ правовъ: если кто безъ доказательно обвинялъ другого въ томъ, что онъ бѣжалъ съ поля битвы, бросивъ свой щитъ, виновный долженъ былъ уплатить пеню въ 3 сол. Слѣдующій параграфъ наказываетъ за ложное названіе кого ни будь доносчикомъ (лжецомъ, воромъ, согласно съ нѣкоторыми комментаріями «delatorem», или «falsatorem;» пеня въ этомъ случаѣ равняется 15 сол. Въ обоихъ параграфахъ прибавлена оговорка: «et non potuerit adprobare,» такъ что въ этомъ случаѣ отвѣтчикъ можетъ доказывать вѣрность своего обвиненія лица въ трусости, или лживости. Эта черта обоихъ сихъ преступленій дастъ имъ характеръ клеветы, такъ какъ при простой обидѣ подобнаго условія быть не можетъ.

Оскорбленіе женщины наказывалось значительно строже, такъ же какъ и преступленія противъ ея чести. Женщина пользовалась у Германцевъ особеннымъ уваженіемъ, которымъ и объясняется большая часть постановленій, ея касающихся. Въ разбираемой главѣ объ оскорбленіяхъ особенно высокое взысканіе установлено за оскорбленіе женщины. Мы уже говорили, что, хотя по заглавію эта статья имѣетъ въ виду личныя обиды на словахъ, однако нѣкоторыя постановленія ея касаются такихъ случаевъ, которые подходятъ подъ повѣйшее понятіе клеветы. Выраженія закона вполнѣ указываетъ на эту черту разбираемаго преступленія въ видѣ словеснаго оскорбленія женщины и, какъ намъ кажется, даютъ даже больше основанія назвать его клеветою, нежели обидою: «Si quis mulierem ingenuam scuvir seu mulier, alteram meretrice clamaverit (vocaverit по I) et non potuerit adprobare, 1800 din., qui faciunt solidos 45 culp. jud.» (Waitz, cap. 30, § 3). Всѣ списки, въ которыхъ находится это постановленіе, кромѣ списка Герольда (15 сол.), передаютъ его почти одинаково; взысканіе вездѣ назначается одно и то же, между тѣмъ надо замѣтить, что это взысканіе было чрезвычайно высоко; объяснить его можно только тѣмъ, что въ этомъ случаѣ нарушалось доброе имя женщины. При этомъ замѣчательно и то, что законъ прямо указываетъ, что женщина можетъ быть также виновницей этого преступленія; въ другихъ случаяхъ законъ не дѣлаетъ подобнаго указанія.

Второю особенностью этого преступленія является еще то,

что виновный можетъ доказывать справедливость своего обвиненія, какъ это допускается въ другихъ случаяхъ клеветы, о которыхъ мы говорили. Это постановленіе не находятся въ III и, по-замѣчанію Пардесю, [43] не встрѣчается ни въ одной изъ рукописей Legis emendatae. Вмѣсто того Lex emendata содержатъ, въ одной изъ послѣднихъ главъ, [44] нѣсколько подобное постановленіе, выражающее, однако, совершенно другой взглядъ законодателя на это преступленіе: «Si quis mulierem ingenuam striam clamaverit, aut meretricem, et convincere non potuerit, VIIMD dinariis, qui faciunt solidos 186 ½ culp. jud.» Здѣсь къ понятію «meretrix» прибавлено новое «stria (sercière); взысканіе, назначенное за это преступленіе, не имѣетъ ничего общаго со всѣми, разсмотрѣнными до сихъ поръ; наконецъ самое мѣсто, на которомъ помѣщено это постановленіе, указываетъ, что въ этомъ случаѣ законодатель имѣлъ въ виду клевету на женщину, имѣвшую цѣлью возбудить противъ нея или народную ненависть, или даже преслѣдованія. Главное, на что напираетъ законъ, это обвиненіе въ колдовствѣ; наименованіе «meretrix», указывающее на занятія постыднымъ ремесломъ, вошло въ этомъ § только, какъ остатокъ древняго права, и законъ видимо не придаетъ ему значенія. Дѣйствительно, 1 § этой главы говоритъ о названіи кого ни будь «hereburgium» (понятіе, соотвѣтствующее отчасти колдуну, отчасти отравителю («veneficus»); 3-й же § указываетъ на наказаніе колдуньи, о которой было доказано, что она съѣла человѣка. Ясно, что разбираемый 2-й § имѣетъ въ виду ложное обвиненіе въ колдовствѣ, а не простую брань, или клевету, чѣмъ объясняется отчасти и возвышенная пеня. Это подтверждается и тѣмъ, что такое постановленіе встрѣчается во всѣхъ спискахъ, хотя почти въ каждомъ назначается особое взысканіе за разсматриваемое преступленіе, и только въ III текстѣ упоминается о выраженіи «mererix.» Разнообразіе пени, замѣчаемое въ этомъ преступленіи, объясняется, вѣроятно, различными воззрѣніями на него въ разныя времена. Текстъ III высказываетъ въ этомъ случаѣ такое общее правило, что за ложное названіе женщины колдуньей назначается втрое большее взысканіе, чѣмъ за подобное преступленіе противъ мужчины (62½), т. е., 187 сол.; эта пеня является, по видимому, наиболѣе вѣрною.

---

[43] Note, pag. 381, № 362.

[44] LXVII, § 2.

Кромѣ этихъ случаевъ оскорбленія женщинъ законъ предвидитъ еще нѣсколько. Въ древнѣйшихъ спискахъ (I, Вольфен., Мюнх.) мы находимъ три случая этого рода: 1. «Si quis ingenuus homo ingenue muliere manum vel brahio aut digito extrinxerit et... hoc est solidos XV culp. jud.» 2. «Si brahium presserit, sol. XXX componat.» 3. «Si super cubitum manum miserit..... solid XXV culpab. jud.» (I) Позднѣйшіе списки прибавляютъ еще четвертый случай: «Si ergo mamillam strinxerit.... sol. XLV culp. jud.»

Эти постановленія замѣчательны тѣмъ, что указываютъ на тотъ совершенно особый взглядъ, который имѣли Франки на неприкосновенность женщины, и на то высокое уваженіе, которымъ женщина пользовалась въ то время. Въ «Capita extravagantia» мы находимъ еще аналогическія постановленія, которыя назначаютъ за срываніе головнаго убора женщины пени отъ 15 до 30 солидовъ. Въ этомъ случаѣ, кажется, обращали особое вниманіе на ту степень неуваженія, которое выказывалъ подобнымъ образомъ по отношенію къ женщинѣ свободный человѣкъ. Слѣдующій § XI главы «Capita extravagantia» назначаетъ пеню въ 5 солод., замѣняющую отсѣченіе руки въ томъ случаѣ, если это преступленіе было совершено рабомъ.[45]

Преступленія противъ нравственности.

По отношенію къ преступленіямъ противъ нравственности мы встрѣчаемъ довольно строгія постановленія. Всѣ списки распадаются въ этомъ случаѣ на два разряда: къ 1-му относятся древнѣйшіе, принадлежащіе до-Христіянской порѣ; ко 2-му новѣйшіе, на которыхъ ясно видно отраженіе Христіянства. Въ спискахъ второго рода (III, IV, Heroldi) встрѣчаются постановленія о незаконныхъ бракахъ между родственниками, заимствованныя, по словамъ Пардесю (pag. 35) изъ объясненій кодекса Аларина II конституцію 12 титула 3-й книги кодекса Ѳеодосія.

Найболѣе частымъ является преступленіе насильственнаго похищенія женщинъ («raptus»), которымъ по тому особенно зани-

---

[45] Однако ни въ одномъ изъ другихъ списковъ это постановленіе не встрѣчается, такъ что его достовѣрность не можетъ быть вполнѣ доказана.

мается законъ. [46] Похищеніе свободной дѣвушки, сдѣланное тремя лицами (или менѣе, вѣроятно), влекло пеню въ 30 сол. съ каждаго изъ виновныхъ; если же было болѣе трехъ лицъ, то каждый изъ остальныхъ участниковъ долженъ былъ уплатить 5 сол. А если похищеніе было произведено вооруженною рукою, [47] то каждый изъ виновныхъ долженъ былъ уплатить, сверхъ обыкновенной пени, 3 солида. Главный же виновникъ («raptor, въ нѣкоторыхъ случаяхъ «raptores») уплачивалъ взысканіе въ 62½ солида. [48]

Эти постановленія сохраняли силу и въ томъ случаѣ, если похищеніе было произведено съ особеннымъ насиліемъ, если можно такъ выразиться, со взломомъ («de intro clave, aut de screuna»). Если похищенная была («in verbo regis»), взысканіе возвышалось на 62½ сол. Если похититель былъ человѣкъ полусвободный («puer regis, litus»), то его преступленіе влекло для него болѣе значительное наказаніе, которое, въ случаѣ его несостоятельности, могло превратиться въ смертную казнь. [49] Въ томъ случаѣ, если свободная добровольно слѣдовала за однимъ изъ этихъ лицъ («puer regis, aut litus»), она теряла свою свободу («ingenuitatem suam perdat»). Текстъ I и III прибавляютъ при этомъ, что и свободный («ingenuus»), женившійся на чужой рабынѣ, подвергался этой же участи («similiter paciatur» I); текстъ III выражается яснѣе: «cum ea in ipso servitio permaneat.» Это постановленіе попало какъ будто ошибкой въ эту главу «De rapto ingenuorum vel mulierum.» Всѣ списки относятъ этотъ параграфъ вполнѣ основательно въ главу «De adulteriis ancillarum» и оба выше помянутые текста также повторяютъ его въ главѣ «De adulteriis.» Судя по выраженію памятниковъ: «sibi in publice junxerit,» слѣдуетъ полагать, что въ этомъ

---

[46] Cap. XIII; II c. XIII; III cap. XIII; IV cap. XIV; V c. XIV; Волф. CXIII; Мюнх. c. XIII; и Heroldi c. XIV.

[47] «Cum sagitas; въ этомъ случаѣ намъ кажется болѣ правдоподобнымъ мнѣніе Пардесю (p. 370, № 157), что sagitta означаетъ стрѣлу, или вообще оружіе, а не лодку, какъ полагалъ Еккардъ.

[48] По нѣкоторымъ спискамъ 62, по другимъ 63; намъ кажется правдоподобнымъ указанное число, по тому что цифра динаріевъ остается вездѣ одинаковою — 2500 din. 40—62 сол.

[49] Выраженіе «de vita componat» мы понимаемъ, согласно объясненію Пардесю (p. 482 и 664), какъ выраженіе пени, равной платимой за убійство того лица, которое должно «de sua vitan componere.»

случаѣ законъ имѣетъ въ виду законный бракъ, тѣмъ болѣе, что за простое «adulterium» съ чужой рабынею была назначена, въ пользу ея господина, пеня въ 15 сол. За похищеніе чужой невѣсты («sponsa aliena») съ цѣлью брака назначалась довольно возвышенная пеня, въ $62^1/_2$ сол. По спискамъ позднѣйшей редакціи (III, V, Heroldi) женихъ похищенной получалъ сверхъ того 15 сол. Въ этихъ же спискахъ мы находимъ еще особое постановленіе о незаконныхъ бракахъ,[50] на которомъ ясно видно вліяніе Римско-каноническаго права. При этомъ перечислены, какъ недозволенные, браки съ дочерью сестры, или брата («sororis, aut fratris filiam, aut certe ulterius gradus consobrinae»), или съ женою брата, или дяди. Это перечисленіе далеко неполно; въ немъ недостаетъ ближайшихъ степеней родства, но, вѣроятно, законъ хотѣлъ выставить только такіе браки, которые прежде были дозволены; браки между ближайшими кровными родственниками, кажется, не были дозволены у Германцевъ и въ древнѣйшую, до-Христіянскую пору.[51]

Все разбираемое постановленіе до такой степени чуждо духу всего Салическаго закона, что является съ перваго взгляда совершенно посторонней вставкой. Наказаніе, налагаемое за подобный бракъ, встрѣчается въ первый разъ въ Салическомъ законѣ: онъ совершенно не подходитъ подъ его общую систему; напротивъ, по всему видно, что оно заимствовано изъ Римскаго Права: браки подобнаго рода расторгаются, а дѣти (filii), отъ нихъ происшедшія, подвергаются гражданскому безчестью, т. е., считаются незаконными («infamia sint notati»). Похищеніе чужой жены отнесено уже къ другой категоріи и разсматривается, какъ «adulterium». Когда мы говорили о похищеніи дѣвушки, или вдовы, то имѣлось въ виду похищеніе съ цѣлью брака, какъ это часто бывало у древнихъ Германцевъ. При этомъ было оскорблено лицо, имѣющее «mundium» надъ похищенной, и въ томъ случаѣ, если похищенная была чужая невѣста, ея женихъ, вѣроятно дѣло оканчивались большею частью пиромъ, по тому что похищеніе невѣстъ было въ обычаѣ у Франковъ; и законъ старается, по всей вѣроятности охранить своими постановленіями родительскій «mundium», который могъ быть нарушаемъ чрезмѣрнымъ распространеніемъ этого обычая. Совершенно иначе смотритъ законъ на

[50] III c. XIII, § 16; Heroldi c. XIV, § 12.

[51] Wilda, S. 855.

похищеніе чужой жены: это преступленіе считалось столь вѣрнымъ, что за него назначалась пеня, одинаковая съ пеней за убійство, 200 солид. [52] Напротивъ, прелюбодѣяніе съ незамужнею дѣвушкой наказывалось гораздо слабѣе; замѣчательно при этомъ, что согласіе, дѣвушки вліяло на уменьшеніе наказанія. [53] Эти положенія имѣли силу только по отношенію къ свободнымъ; по отношенію къ рабамъ постановленія закона существенно отличаются отъ предыдущихъ. Рабыня, по отношенію къ своему господину, не имѣла личностей, такъ что наказывались только сношенія съ чужой рабынею. [54] Назначаемая при этомъ пеня шла въ пользу хозяина оскорбленной рабыни, и самое дѣйствіе считалось только какъ бы нарушеніемъ его права собственности. За оскорбленіе «ancillae regis» назначалась двойная пеня, въ 30 сол. Для предохраненія правъ хозяина существовало выше изложенное правило, что свободный, женившійся на чужой рабѣ, дѣлался рабомъ, пока была жива эта рабыня; подобный союзъ могъ бы нарушить права рабыни, по тому что жена находилась подъ «mandeburdium» мужа. Мы уже разсматривали тотъ случай, если отъ прелюбодѣянія раба съ чужой рабынею происходила смерть рабыни. Здѣсь также играетъ главную роль имущественный ущербъ хозяина рабыни. Если же рабыня не умирала, то виновный рабъ или получалъ 300 ударовъ, или долженъ былъ уплатить 3 солида «prodorsum suum», по выраженію нѣкоторыхъ списковъ. Наконецъ за бракъ раба съ чужой рабынею, безъ согласія на то ея господина («sine voluntate domini») назначалась та же пеня, въ 3 солида.

Въ законодательствѣ о преступленіяхъ противъ нравственности легко замѣтить такимъ образомъ рѣзкое различіе между постановленіями о женщинахъ свободныхъ и о рабыняхъ. Ревниво охраняя чистоту правовъ по отношенію къ свободнымъ, законъ вполнѣ безразлично относится къ нравственности рабы, обращая на нихъ только на столько вниманія, на сколько это было необходимо для охраненія правъ собственности ихъ хозяина. По отно-

---

[52] «Si quis hominem ingenuum oxiderit, aut uxorem alienam tulerit a vivo marito, hoc est 8000 din., qui faciunt sol. 200, culp. jud.»

[53] «Si quis cum ingenua puella spontanea voluntate, ambis convenientibus, moechati fuerint..... sol. 45, culp. jud.»

[54] Si quis ingenuus cum ancilla aliena moechatus fierit, et ei fuerit adprobatum, domino ancillae 600 dinarios, qui faciunt solidos, XV culp. jud.»

шенію къ своему хозяину рабыня была вполнѣ безправнымъ существомъ, и памятники даже прямо упоминаютъ о рабынѣ, которая («genitium domini sui tenuerit»), назначая за ея убійство болѣе высокое взысканіе, въ 160 солид. и 1 динарій.

О преступленіяхъ имущественныхъ.

Грабежъ и разбой.

Переходя къ преступленіямъ имущественнымъ, которыя занимаютъ наиболѣе мѣста въ Салическомъ законѣ, мы начнемъ съ наиболѣе грубаго изъ нихъ, наиболѣе тѣсно связаннаго съ преступленіями противъ личности, грабежомъ; за тѣмъ мы займемся, особенно распространеннымъ въ то время, судя по количеству главъ, посвящаемыхъ этому преступленію, воровствомъ, отъ котораго перейдемъ къ незаконному пользованію чужой собственностью, и въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о намѣренномъ истребленіи чужаго имущества.

Грабежъ былъ преступленіемъ довольно распространеннымъ у Франковъ и, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ памятниковъ, производился въ огромныхъ размѣрахъ. О простомъ грабежѣ законъ упоминаетъ два раза: въ началѣ главы «De superventis vel expoliationibus», и въ концѣ главы «De vulneribus». Постановленія этой второй главы довольно разнорѣчивы и сбивчивы въ разныхъ спискахъ. Текстъ ясно говоритъ въ этомъ случаѣ только о покушеніи на грабежъ (cap. XVII, § 9), назначая за это пеню въ 63 сол. [55] Текстъ III (c. XVII, § 11 и 12) также упоминаетъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ о покушеніи на грабежъ, опредѣляя за него пеню въ $62^1/_2$ сол. Но онъ прибавляетъ еще новое постановленіе, которое, какъ намъ кажется, является непослѣдовательнымъ. Это послѣднее назначаетъ за оконченный грабежъ («si vero cum rauba verit») пеню въ 30 сол. Ясно, что здѣсь какое-то недоразумѣніе,

---

[55] Capita extravagantia c. XI, § 10.

[56] «Si quis alterum in via expoliare temptaverit et ei perfuga vasserit, cui fuerit adprobatum, hoc est MMD dinarios, qui faciunt solidos LXIII (въ этомъ текстѣ постоянно вмѣсто пени въ $62^1/_2$ сол., назначается пеня въ 63 сол.), culpabilis judicetur.»

которое списки позднѣйшихъ редакцій, въ томъ числѣ и Lex emendata объясняютъ, назначая за покушеніе на грабежъ пеню въ 30 сол., а за оконченное преступленіе 62½ что, конечно, гораздо правдоподобнѣе.

Общимъ же правиломъ по отношенію къ грабежу является пеня въ 62 ½ сол. (63 с.) При этомъ законъ снова, какъ и при убійствѣ, указываетъ на подчиненное положеніе Римлянъ, назначая за ихъ ограбленіе меньшее взысканіе. Какъ бы для большей противуположности, законъ сперва прямо указываетъ, что въ случаяхъ ограбленія Франка Римлянином, «causa superius comprehensa convenit osbervare,» т. е., платить штрафъ въ 62½ с. [57], и за тѣмъ назначаетъ за оскорбленіе Римлянина Франкомъ только 30 с.

Законъ отдѣльно разсматриваетъ случай нападенія «contubernio» на чей ни будь домъ («villa aliena») съ цѣлью грабежа. Первые два текста назначаютъ за это преступленіе пеню въ 63 с. (по I), 62 с. (по II) съ каждаго ихъ соучастниковъ; текстъ III и слѣдующіе, подтверждая это правило, занимаются подробнѣе этимъ преступленіемъ. Такъ, если кто ни будь, пословамъ текста III-го (IV, Herold. V), напалъ на чужой домъ, сломалъ ворота, убилъ собакъ, или ранилъ людей (слѣдовательно, если нападеніе было сдѣлано особенно стремительно) и награбилъ на столько, что вывезъ въ телѣгѣ («in carro»), то назначалась высшая пеня въ 200 сол. Кромѣ того все награбленное должно было быть возвращено законному владѣльцу, и всѣ соучастники этого грабежа подлежали денежной пенѣ въ 62½ сол. Это взысканіе имѣетъ большое сходство съ назначаемымъ за поджогъ, что доказываетъ, что оба эти преступленія считались одинаково опасными и одинаково по тому преслѣдовались закономъ. Салическій законъ знаетъ еще одинъ случай грабежа безъ особеннаго насилія со стороны преступника въ виду безсознательнаго состоянія жертвы—ограбленіе спящаго. Это преступленіе, о которомъ не упоминаютъ первые два текста, наказывалось сильнѣе, чѣмъ открытое наказаніе; за него назначалась пеня въ 100 сол. [58]

Въ этотъ же отдѣлъ помѣщено и ограбленіе мертвыхъ, которое, во времена Христіянскія, получило особое значеніе. Текстъ I совершенно не упоминаетъ объ этомъ преступленіи; въ тек стѣ I

---

[57] По тексту II с. XIV, § 1-й 2—72.

[58] III cap. XIV; XV cap. IV, § 5; V с. XV, § 5.

мы находимъ только одно коротенькое постановленіе по этому поводу (с. XIV, § 7). Напротивъ, текстъ IV посвящаетъ правонарушенію цѣлую главу (XVII), озаглавленную совершенно неправильно: «De homine occiso et expoliato antequam in terram mittatur.» Lex emendata особенно занимается этимъ преступленіемъ, которое получаетъ уже церковный характеръ (с. XVII и сар. LVII). По общему правилу, высказанному еще въ текстѣ II, за ограбленіе мертваго: «antequam in terram mittatur,» назначалась пеня въ 100 сол. Текстъ IV замѣняетъ это взысканіе пеней въ 62½ сол., чего держится и вторая редакція текста этого постановленія въ текстѣ V (titulus LVII, § 1), тогда какъ первая редакція этого текста (tit. XVII, § 1) подтверждаетъ пеню въ 100 солид. Если же мертвое тѣло было вырыто изъ могилы и ограблено, то пеня удвоивалась, т. е., равнялась въ этомъ случаѣ 200 сол. По поводу этого случая мы встрѣчаемъ крайнюю запутанность редакціи. По § 5 главы 57-й Legis emendatae преступникъ объявлялся «wargus» (это похоже на Древне-Римское «aquae et ignis interdictio») и, слѣдовательно, подвергался изгнанію, и только послѣ примиренія съ родственниками покойнаго могъ быть, по ихъ просьбѣ, возвращенъ въ отечество. [59] Это наказаніе представляетъ нѣчто совершенно новое въ общей системѣ наказаній Салическаго закона. При этомъ замѣчательно, что списокъ Герольда прямо указываетъ на древнее происхожденіе этого постановленія словами «et antiqua lege,» которыми онъ начинаетъ изложеніе этого правила. Судя по тому, что оно не встрѣчается ни въ одномъ изъ первыхъ древнѣйшихъ списковъ, можно предположить, что оно сохранилось какъ обычай, и было потомъ занесено въ позднѣйшія редакціи Салическаго закона. За другія оскорбленія могилы, какъ за разрытіе могильнаго холма («tumulus») и т. п., назначалась пеня въ 15 солид.

Наконецъ послѣдніе тексты, на которыхъ отразилось вліяніе Христіянства, упоминаютъ объ ограбленіи часовни, постановленной надъ могилою, назначая за то пеню въ 30 сол. [60]

---

[59] «Si quis corpus jam sepultum effodierit, aut expoliaverit, wargus sit, hoc est expulsus de eodem pago, usquedum cum parentibus defuncti conveniret, ut ipsi parentes rogati sint pro eo, ut liceat ei infra patriam esse. Et qui eamque antea panem, aut hospitalitatem ei dederit, etiam si uxor ejus hoc fecerit, 600 dinariis, qui faciunt solidos XV, culpabilis judicetur.»

[60] Ограбленіе церкви, равно какъ и ея поджогъ, влекло за собою взысканіе въ 200 солидовъ.

Воровство.

Разсмотрѣвъ особенно подробно постановленія объ убійствѣ, какъ наиболѣе важныя, на которыхъ основывается вся система денежныхъ взысканій, мы считаемъ возможнымъ посвятить значительно меньше мѣста изслѣдованію о воровствѣ. Хотя это преступленіе и встрѣчается особенно часто въ Салическомъ законѣ, но большая часть его постановленій по поводу воровства не содержитъ въ себѣ общихъ началъ, но имѣетъ въ виду только частные случаи этого правонарушенія. Этой же системѣ слѣдуетъ и наша Правда, и по тому мы считаемъ возможнымъ разсматривать нѣкоторыя изъ постановленій законовъ Салическихъ совмѣстно съ аналогическими постановленіями Правды, другія же, отчасти невозможныя по самому своему существу въ нашемъ отечествѣ въ пору Правды, отчасти ею не предусмотрѣнныя и не указанныя, мы оставимъ безъ вниманія, если они они не заключаютъ въ себѣ какихъ либо общихъ основъ.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ указать на нѣкоторыя общія начала, выработанныя Салическимъ закономъ по отношенію къ воровству. Воровство, какъ по новѣйшимъ понятіямъ объ этомъ преступленіи, такъ и по воззрѣніямъ той поры, которая подлежитъ нашему разсмотрѣнію, содержитъ въ себѣ непремѣнно понятіе о тайномъ похищеніи: главною его чертою является тайна, скрытность дѣйствія. По справедливому замѣчанію Вильда (S. 860 und folg.), этотъ характеръ воровства дѣлалъ его особенно отвратительнымъ въ глазахъ тогдашняго общества. Дѣйствительно, легко замѣтить, на сколько вліяла эта скрытность дѣянія по отношенію къ убійству; но по отношенію къ воровству, дѣянію, по самому своему существу, отличающемуся скрытностью, мы не можемъ сказать вполнѣ того же самаго. Напротивъ, воровство съ только что разсмотрѣнными насильственными преступленіями противъ имущества, гдѣ, въ большинствѣ случаевъ, преступникъ дѣйствуетъ открыто, но съ большимъ, или меньшимъ, насиліемъ, мы находимъ, что всѣ взысканія за воровство сообразуются только съ предметомъ преступленія, не квалифицируя этого дѣянія за его скрытность, такъ что обыкновенно взысканія за воровство значительно ниже взысканія за преступленія имущественныя, сопряженныя съ насиліемъ. Общимъ правиломъ по отношенію къ воровству является то, что взысканіе вполнѣ сообразуется съ предметомъ преступленія и, смотря по его боль-

шей, или меньшей, цѣнности, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ по его важности (на пр., поросенокъ, посвященный для жертвоприношенія, maiale votivus, или быкъ, принадлежащій тремъ селеніямъ, «trespillius» и т. п., оплачивались дороже), назначается и болѣе, или менѣе, высокое взысканіе. По предметамъ можно раздѣлить это преступленіе на кражу рабовъ, животныхъ и вещей.

По количеству статей воровство занимаетъ безспорно первое мѣсто въ Салическомъ законѣ: въ особенно полномъ текстѣ V насчитываемъ мы болѣе 160 статей, собственно касающихся воровства; наиболѣе при этомъ обращаетъ законъ вниманіе на кражу животныхъ.

Статьи о воровствѣ даютъ историку богатый матеріялъ для объясненія внутренней жизни Салическихъ Франковъ, указывая на многія стороны ихъ быта, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ вдаваться въ эти подробности; замѣтимъ только, что общій смыслъ статей о воровствѣ даетъ намъ поводъ, независимо отъ такихъ, либо другихъ, данныхъ, заключить, что Салическіе Франки занимались преимущественно охотою и земледѣліемъ. Мы уже упоминали, что главнымъ мѣриломъ для опредѣленія величины пени являлся украденный предметъ: законъ обращалъ вниманіе на всѣ качества этого предмета и соразмѣрялъ съ ними размѣръ взысканія, но, сверхъ того, онъ имѣлъ въ виду, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и другія обстоятельства дѣла, которыя также могли вліять на наказанія. Преимущественно вліялъ на возвышеніе наказанія способъ совершенія кражи, на пр., кражи со взломомъ («effractura»), или вообще кража изъ закрытаго помѣщенія.

Салическій законъ преслѣдуетъ особенно строго кражу со взломомъ, назначая даже за одно дѣло взлома, если вору и не удалось ничего украсть, пеню въ 30 сол.

По отношенію къ рабамъ законъ назначаетъ за всякое воровство, ими совершенное, тѣлесное наказаніе, которое могло быть обыкновено замѣнено денежнымъ взысканіемъ съ хозяина раба, если онъ не желалъ подвергнуть своего раба установленному тѣлесному наказанію. По отношенію къ рабамъ, обвиненнымъ въ воровствѣ, дѣйствовала въ законѣ цѣлая система пытокъ, которыми вынуждалось ихъ сознаніе.

Относительно свободныхъ подобной возможности доказать дѣло воровства не было, и по тому требовались естественно другія доказательства, которыя иногда могли быть представлены только съ большимъ трудомъ. Въ слѣдствіе этого законъ относится

иногда особенно строго къ тѣмъ случаямъ, когда преступникъ упорно запирается и не хочетъ сознаться, а тѣмъ не менѣе былъ уличенъ.

При воровствѣ постоянно имѣютъ мѣсто, кромѣ полной композиціи, «capitale» и «delatura,» такъ что потерпѣвшій получаетъ обыкновенно значительно большее вознагражденіе, чѣмъ простую цѣнность украденной вещи. О средствахъ отысканія и возвращенія украденной вещи говорятъ главы 39 и 49 (по тексту V; 37 и 47 по тексту I), которыя описываютъ преслѣдованіе вора по слѣду, подобно тому, какое существуетъ и по Правдѣ; и законныя средства къ возвращенію вещи, хотя починъ всего движенія процеса о воровствѣ и самый ходъ его и зависитъ отъ лица пострадавшаго, который одинъ вчинаетъ и доказываетъ искъ, но частное самоуправство является значительно ограниченнымъ, такъ какъ все дѣло рѣшается народнымъ собраніемъ («mallum publicum»), которое разсматриваетъ самый искъ. При описаніи преслѣдованія вора по слѣду (возможномъ, впрочемъ, по замѣчанію закона, только при воровствѣ скота), Салическій законъ различаетъ, настигнетъ ли вора преслѣдующій хозяинъ вещи въ продолженіи трехъ ночей послѣ похищенія, или позднѣе: если преслѣдователь настигалъ вора «infra tres noctes,» то самъ истецъ долженъ былъ «res suas per tertiam manum adhramire,» т. е., представить свою вещь на сохраненіе въ руки третьяго, и за тѣмъ отыскивать ее судебнымъ порядкомъ; если же, напротивъ, со времени похищенія уже протекли три ночи, обвиняемый могъ самъ «adhramire», т. е., защищать на судѣ свое право собственности въ вещи, какъ имъ купленной, или вымѣненной; если при этомъ истецъ позволялъ себѣ насильственное отнятіе вещи, не прибѣгая къ суду, то за подобное самоуправство назначалась закономъ пеня въ 30 сол. [61] Правила, дѣйствовавшія при отысканіи вещи ея хозяиномъ (ст. 49 текста V), безусловно требуютъ на первомъ планѣ передачи спорной вещи въ третьи руки, за тѣмъ дальнѣйшій ходъ процеса слѣдовалъ общимъ правиламъ о вызовѣ въ судъ, представленіе въ судъ свидѣтелей и т. д.

---

[61] Въ указанномъ случаѣ платилась эта пеня за самоуправство истца; подобное же самоуправство видитъ Правда въ убійствѣ связаннаго вора, за которое она взыскиваетъ продажу въ 12 гривенъ.

Противузаконное истребленіе чужой собственности.

Объ истребленіи и порчѣ чужихъ вещей упоминаетъ Салическій законъ весьма мало. Зажигательство, которое является особенно опаснымъ изъ правонарушеній этого рода, разсматриваетъ Lex Salica главнымъ образомъ съ точки зрѣнія опасности, возникающей изъ этого преступленія для жизни людей, находящихся, въ подожженномъ строеніи, по чему мы и разбирали в статьи, сюда относящіяся, въ отдѣлѣ объ убійствѣ.

Остальные виды истребленія чужой собственности подведены большею частью подъ понятіе воровства и разсматриваются совмѣстно съ нимъ. Особенно выдѣляются случаи порчи, или уничтоженія, чужихъ посѣвовъ скотомъ: если эта порча была произведена намѣренно, такъ что, если кто ни будь съ цѣлью повредить другому («propter inimicitiam aut propter superbiam») открывалъ его плетень и впускалъ животныхъ въ его поле, виноградникъ, или садъ, то виновный подвергался пени въ 30 сол. и кромѣ того долженъ былъ вознаградить за всѣ происшедшіе убытки («damni aestimationem reddat»); если бъ животныя случайно попали въ чужой участокъ, и этимъ причинили вредъ хозяину земли, то этотъ послѣдній могъ требовать вознагражденія съ хозяина животныхъ, но ни въ какомъ случаѣ не долженъ причинять ему вреда. За всякое увѣчье, причиненное чужому животному, виновникъ долженъ былъ, въ случаѣ своего сознанія, только уплатить «capitale», т. е., стоимость животнаго и взять испорченное животное себѣ; въ этомъ случаѣ законъ не видитъ преступленія, и по тому назначаетъ одно, гражданское вознагражденіе истца; но когда виновный не сознавался въ своемъ поступкѣ, и былъ въ немъ въ послѣдствіи уличенъ, законъ видѣлъ въ самомъ дѣлѣ порчи чужого животнаго дѣяніе предумышленное, соединенное съ желаніемъ нанести имущественный вредъ истцу, какъ въ слѣдствіе отказа вознаградить истца, такъ и въ слѣдствіе упорнаго запирательства виновника; въ этомъ случаѣ назначалъ законъ пеню въ 15 сол., «excepto capitale et delatura.»

Законъ предвидитъ еще нѣсколько подобныхъ случаевъ истребленія чужого имущества «malo ingenio,» т. е., съ дурнымъ умысломъ причинить вредъ другому. Сюда относится истребленіе чужихъ изгородей и заборовъ, за которое полагалась пеня въ 15 сол.; порча чужихъ посѣвовъ проѣздомъ по нимъ безъ дороги

въ телѣгѣ: пеня колебалась въ этомъ случаѣ отъ 3 до 15 сол., смотря по тому, въ какомъ положеніи находился посѣвъ, недавно ли онъ поднялся, «postquam levaverit», или уже колосился, «jam palpitans.»

Такимъ образомъ главное вниманіе Салическаго закона обращено на истребленіе чужой земледѣльческой собственности; о другихъ же видахъ этого правонарушенія упоминаетъ Lex Salica или совмѣстно съ воровствомъ, или же оставляетъ ихъ совсѣмъ безвниманія

По отношенію къ послѣднему виду имущественныхъ правонарушеній, самовольному пользованію чужою собственностью, упоминаетъ Салическій законъ только объ одномъ видѣ такого пользованія—объ употребленіи чужой лошади безъ дозволенія ея хозяина. Глава 23 текста I назначаетъ за пользованіе чужою лошадью пеню въ 30 сол. Текстъ II измѣняетъ это взысканіе, вѣроятно, въ слѣдствіе ошибки, въ 35 сол.

Текстъ III раздѣляетъ выше упомянутое взысканіе на два, каждое по 15 сол.; первое, за пользованіе лошадью, второе «quando discendit», т. е., какъ бы за то, что слѣзъ съ лошади, какъ указываетъ текстъ V, «pro eo, quia discenderit.» Пардесю вполнѣ понятно объясняетъ это выраженіе въ примѣчаніи 251 (p. 375): онъ полагаетъ, что въ первомъ случаѣ законъ назначаетъ пеню въ 15 сол. только за пользованіе чужою лошадью, при чемъ пользователь возвращалъ лошадь ея законному собственнику; во второмъ же случаѣ законъ возвышаетъ пеню за то, что пользователь бросилъ за тѣмъ лошадь на произволъ судьбы, не отведя ее обратно къ хозяину.

О денежныхъ взысканіяхъ по закону Салическихъ Франковъ [62]

Вся система наказаній Салическаго закона построена на денежныхъ взысканіяхъ, назначаемыхъ, какъ мы уже видѣли, за каждое преступленіе. Начало этой системы денежныхъ пеней вы-

---

[62] Wilda. Das Strafrecht der Germanen. 1842, S. 314—484.—D-r v. Woringen. Erläuterungen über das compositionenwesen. 1836. — Lehrbuch des deutschen Strafrechts. I B, S. 165 und folg.—Waitz. Das alte Recht der Salischen Franken. S. 185—202.—Pardessus. Dissertation XII.

текаетъ изъ древнихъ обычаевъ кровавой мести, которая иногда замѣнялась, по добровольному соглашенію, извѣстнымъ вознагражденіемъ оскорбленной стороны лицами виновными. Съ точки зрѣнія древняго права всякое преступленіе разсматривалось, какъ частное оскорбленіе, которое смывалось путемъ частной мести. По словамъ Велея Патеркула и Помпонія Мелы, свидѣтельство которыхъ приводитъ Пардесю, даже гражданскіе споры рѣшались оружіемъ. Этотъ порядокъ вещей, естестественно не могъ долго существовать. Еще до появленія положительнаго законодательства, которое могло бы сдержать и ограничить необузданное самоуправство, самъ обычай смягчалъ это суровое право мести, давая возможность обиженному иначе вознаградить себя. Уже Тацитъ, говоря о частной мести, упоминаетъ, что даже убійство (слѣдовательно, преступленіе наиболѣе тяжкое, по поводу котораго и послѣдующій законъ признавалъ возможность мщенія) можетъ быть искуплено «certo armentorum ac pecorum numero.» [63] Изъ этой основной точки зрѣнія исходитъ и вся система наказаній Салическаго закона.

По отношенію къ лицамъ свободнымъ («ingenui») этотъ законъ знаетъ только денежныя взысканія. Никакая власть не могла унизить человѣка свободнаго до тѣлеснаго наказанія, и даже смертную казнь законъ никогда не произноситъ иначе, какъ съ оговоркой: «de vita componat aut se redimat,» о значеніи которой мы уже говорили. Кажется, что назначая денежныя пени за различныя преступленія, законъ въ то же время оставлялъ за оскорбленнымъ и возможность частной мести, хотя это нигдѣ прямо не высказано. Къ этому мнѣнію приводитъ естественная невозможность принудить такой свободный народъ, какимъ являются первобытные Германцы, отказаться отъ своихъ обычаевъ. По этому законъ повсюду подтверждаетъ эти обычаи и изъ нихъ выводитъ большую часть своихъ постановленій. Такъ объясняется и вполнѣ самостоятельный независимый характеръ этого закона. По этому законъ не могъ совершенно уничтожить всѣ случаи примѣненія частной мести и самоуправства, но старался только по возможности сократить эти случаи. Достигнуть этого законъ желаетъ, назначая весьма

---

[63] «Nec implacabiles durant. Licitur enim etiam homicidium certo armentorum ac pecorum numero, recipitque satisfactionem univers a domus; utiliter in publicum, quia periculosiores sunt inimicitiae juxta libertatem» (c. XXI). Pardessus, p. 651.

высокія пени за такія преступленія, которыя могли особенно оскорбить нравственное чувство, такъ что если обиженный былъ человѣкъ менѣе могущественный, чѣмъ оскорбитель, то прямая выгода заставляла его прибѣгнуть къ покровительству закона. Между тѣмъ законъ указываетъ еще на другую сторону денежныхъ взысканій—на ихъ выгоду для фиска, которая получаетъ особенное значеніе въ позднѣйшихъ его редакціяхъ.

Такимъ образомъ главными составными частями каждаго взысканія были: а) часть, которая шла въ пользу оскорбленнаго, или его родственниковъ, для того, чтобы вознаградить его за понесенный ущербъ и успокоить ихъ раздраженіе; б) часть, которая шла въ пользу фиска. Съ появленіемъ этой второй части законодатель долженъ былъ еще болѣе стараться сократить случаи частной мести, которая у него отнимала этотъ доходъ.

Въ законѣ мы находимъ, въ видѣ общаго названія денежныхъ взысканій терминъ«compositio»,за тѣмъ встрѣчаются выраженія «caditale, delatura, fredum, faida.» Чтобы правильно смотрѣть на эти взысканія, необходимо объяснить всѣ эти термины и случаи ихъ примѣненія. Выраженіе «compositio» употребляется съ двоякимъ значеніемъ: во 1-хъ, какъ общее названіе всякаго взысканія вообще, и въ этомъ смыслѣ оно дало поводъ къ Нѣмецкимъ выраженіямъ: «Compositionen-Recht—System» etc., и во 2-хъ какъ синонимъ «faida,» т. е., какъ названіе части взысканія, присуждаемой оскорбленному. Принимая слово «compositio» въ обширномъ смыслѣ, мы находимъ въ немъ двѣ составныя части: а) часть присуждаемую лицу, пострадавшему отъ преступленія, или лицу, оскорбленному преступленіемъ—«faida,» и б) часть, идущую въ пользу фиска «fredus.» Выраженіе «faida» принадлежитъ, по мнѣнію Проф. Мюленгофа, къ словамъ Нѣмецкаго происхожденія, и происходитъ отъ корня, feianfái, fijum, что значитъ враждовать, нападать, откуда, вѣроятно, происходитъ и новѣйшее «Fehde.»

Этимологическій смыслъ этого слова объясняетъ и его значеніе: это была часть, предназначаемая для успокоенія оскорбленнаго, чтобы прекратить ту вражду, которая возникала между пострадавшимъ отъ преступленія и преступникомъ. Слово «fredus,» также Нѣмецкаго происхожденія, является по значенію синонимомъ Латинскаго «pax,» но означаетъ обыкновенно то взысканіе, которое виновный долженъ уплатить какъ бы для возстановленія нарушеннаго имъ мира (Friedensgeld).

Оба эти слова иногда соединяются, какъ однозначащія, на-

примѣръ, какъ приводитъ Проф. Мюленгофъ «de fêda «fracta vel «freda (de frêda fracta vel feda); но по закону Салическому слѣдуетъ ихъ строго различать, какъ два противупоставляемыя понятія. Законъ Салическихъ Франковъ въ своихъ редакціяхъ, которыя дошли до насъ, вездѣ назначаетъ одну пеню, исключая изъ нея иногда только «capitale» и «delatura.»

«Faida» и «fredus» являются такимъ образомъ всегда слитыми. По свидѣтельству Вильда и Ворингена, который болѣе всего занимался разборомъ «fredus», въ другихъ Германскихъ законодательствахъ встрѣчается обыкновенно указаніе на величину «fredus,» и только законы Салическихъ и Рипуарскихъ Франковъ составляютъ исключеніе изъ этого общаго правила. Исключеніе это можно, кажется, объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Lex Salica «fredus» находился въ опредѣленномъ, неизмѣняемомъ, отношеніи ко всей «композиціи.»

Прямое указаніе на это отношеніе находится въ главѣ 52-й (Legis emendatae), гдѣ законъ упоминаетъ о величинѣ «fredus.»[64] Вопросъ объ томъ, какого рода было то взысканіе, о которомъ говоритъ глава 52-я: взысканіе ли не уплаченнаго въ срокъ долга, на основаніи грждянскаго иска, какъ это признаетъ Пардесю или взысканіе не уплаченной пени, присужденной за какое ни будь преступленіе, какъ то предполагаетъ Вильда? Намъ кажется слѣдуетъ оставить вопросъ этотъ открытымъ, тѣмъ болѣе, что вѣроятнѣе всего эта статья могла относиться къ обоимъ этимъ случаямъ, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію Воринген (S. 118), «композиція» составляла, такой же частный долгъ, какъ и всякій другой. Кромѣ того процесъ о взысканіи частнаго долга почти ни чѣмъ не отличался отъ процеса взысканія пеней, назначенныхъ за какое либо преступленіе.[65] На основаніи этой статьи слѣдуетъ признать, что «fredus» составлялъ одну треть цѣны иска и, слѣдовательно, и треть пени. Это потверждаютъ и другіе источники, хотя единственное мѣсто закона, гдѣ величина «fredus» опредѣлена (I. cap. XXXV, § 7), противорѣчитъ этому, вѣроятно, въ слѣдствіе ошибки.

Въ древнѣйшей редакціи (I) закона находится, въ главѣ объ

---

[64] «Etsi fredus antea de ipsa causa non fuerat datus, duas partes ille, cujus causa est, a se revocet, et grafio tertiam partem obtineat.» Cap. 52 Leg. emend.

[65] Der Process des lex salica. V. D-r R. Sohm, S. II und folg., 163 etc.

убійствѣ слуѣъ (Cap. XXXII, § 7) упоминаніе о «fredus и faida.» [66] Въ этомъ случаѣ ни какъ нельзя найти настоящей величины «fredus» согласно съ выше приведеннымъ правиломъ; если $^1/_3$ 45-ти, то получится 15 сол., которые, вмѣстѣ съ 45 сол., составили бы 60 сол.; если же принять, какъ предполагаетъ Пардесю, согласно съ Савиньи, $^1/_3$ всей суммы, т. е., 75 с., то сумма будетъ 45+25=70.

Вайцъ даетъ этой статьѣ совершенно особое объясненіе и полагаетъ возможнымъ поколебать и общепринятое мнѣніе, что въ законѣ Салическихъ Франковъ указывается постоянно цѣльная пеня, заключающая, какъ вознагражденіе лица пострадавшаго («faida»), такъ и штрафъ, налагаемый государственною властью за нарушеніе мира и идущій въ казну («fredus»). Вайцъ желаетъ опровергнуть мнѣніе Пардесю, по поводу разбираемой статьи, и доказываетъ: во 1-хъ, что статья эта не составляетъ комментарія (глоссы) переписчика, но заключается въ 4-хъ древнѣйшихъ спискахъ, какъ часть самаго закона, и во 2-хъ, что всѣ числовыя данныя этой статьи вполнѣ вѣрны и не заключаютъ ошибки. Относительно перваго его предположенія, что Пардесю упустилъ изъ виду, что эта статья содержится въ 4-хъ (а не въ одной 4404) рукописяхъ, и по тому не можетъ быть простымъ комментаріемъ переписчика, мы не можемъ ничего сказать, не имѣя возможности провѣрить его показанія по самымъ рукописямъ, хотя за вѣрность мнѣнія Пардесю говоритъ замѣчательная добросовѣстность работъ этого ученаго, которую неоднократно признаетъ и самъ Вайцъ. Намъ кажется, что если даже разбираемая статья и содержится въ четырехъ спискахъ одной фамиліи, то это не можетъ еще служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что она составляетъ часть первоначальнаго текста закона, а не является объяснительною вставкою переписчика. Напротивъ, за это послѣднее мнѣніе говоритъ одно весьма важное обстоятельство—содержаніе этой статьи противорѣчитъ общему направленію Салическаго закона. При самомъ внимательномъ изученіи этого закона мы не встрѣчаемъ болѣе подобной, такъ сказать, объяснительной статьи. Такой характеръ разбираемой статьи прямо бросается въ глаза и дѣлаетъ ее подобной извѣстнымъ въ Римскомъ правѣ «glossis interlinearіis.» Весьма трудно объяснить иначе ея исключитель-

---

[66] «Inter freto et faida sunt 1800 din., qui faciunt sol. 45. excepto capitale et lelatura; in summa sunt simul sol. 75.»

ный характеръ. Вайцъ тоже не даетъ намъ этого объясненія, но приступаетъ прямо къ разбору этой статьи, употребляя при этомъ довольно своеобычный пріемъ. Нѣсколько выше (S. 192) онъ самъ доказывалъ, что, на основаніи выраженій уже приведенной нами статьи 52-й, вѣроятнѣе всего слѣдуетъ предположить, что законъ указывалъ полную цифру взысканія, треть которой и составляла «fredus;» опроверженіе этого мнѣнія онъ находитъ отчасти въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ «fredus» взимался отдѣльно, а иногда исключался изъ пени, что, намъ кажется, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія для вопроса, заключало ли назначаемое по закону взысканіе въ себѣ «fredus» или нѣтъ. [67] Разборъ же этой статьи онъ начинаетъ съ предположенія, что въ предыдущей статьѣ 6-й указана одна «faida». Такимъ образомъ то, что онъ желаетъ доказать на основаніи этой статьи, онъ считаетъ уже доказаннымъ для ея объясненія. Вайцъ полагаетъ, что опредѣленная въ статьѣ 6-й пеня въ 30 сол. составляетъ только часть, назначенную въ пользу оскорбленнаго, въ разбираемомъ случаѣ хозяина украденнаго, или убитаго, раба, т. е., «faida.» Изъ этого легко вывести дальнѣйшія заключенія: если 30 сол., назначенныя, по статьѣ 6-й, представляютъ «faida» или статья 7-я имѣетъ непосредственную органическую связь съ предыдущей, служитъ какъ бы ея продолженіемъ, то естественно, что «fredus,» равный половинѣ «faida,» равняется 15 сол., что составитъ, вмѣстѣ съ «faida» (30 с.) 45 сол. Такимъ образомъ Вайцъ доказываетъ, что цифра въ 45 сол., по выраженію статьи, обозначаетъ всю пеню, а не разницу между «fredus» и полною пенею, какъ то полагаетъ Пардесю. За тѣмъ, естественно, допустивъ, что 45 сол. составляютъ полную пеню Вайцъ приходитъ къ тому заключенію, что въ выставленной въ концѣ суммѣ въ 75 сол. находится не только пеня (45 сол.), но и

---

[67] Мы нигдѣ не находимъ, во 1-хъ, указанія на величину пени, платимой малолѣтнимъ (съ котораго не взыскивался «fredus») за совершеніе какого либо преступленія, а разобранная ниже статья 24 просто говоритъ «fretus ei nulla tenus requiratur», что дастъ полное основаніе предположить, что изъ взысканія, назначеннаго для взрослыхъ, вычитывалась въ этомъ случаѣ соотвѣтствующая часть, равная «fredus»; во 2, въ тѣхъ случаяхъ, когда взимался одинъ «fredus», также легко было его вычислить, на основаніи пени, назначенной за подлежащее преступленіе, тѣмъ болѣе, что законъ видимо ставитъ въ этомъ случаѣ пеню мѣриломъ величины «fredus,» указывая: «fredus grafioni solvat, tanquam si de ipse causa convictus fuisset.»

capitale» и «delatura.» Это свое предположеніе онъ доказываетъ очень остроумно, опредѣляя величину «delatura» по сближенію съ «Lex Angliorum et Verinorum,» въ 15 сол., т. е., равной величинѣ «fredus», цѣну же раба онъ считаетъ тоже, по Григорію Турскому, приблизительно равной той же величинѣ, и выводитъ такимъ образомъ, что 75 сол. представляютъ сумму композиціи (45 с.) + «delatura?» (15 с.) и + «capitale» (15 с.).

Представленное мнѣніе Вайца, которому, впрочемъ, и онъ самъ не даетъ рѣшающаго значенія, кажется намъ невѣрнымъ по выше указаннымъ соображеніямъ. При томъ, если оно и объясняетъ довольно удовлетворительно статью, иначе не понятную, то оно разрушаетъ всю, принятую вполнѣ основательно, систему денежныхъ пеней Салическаго закона.

Лучшимъ же опроверженіемъ этого объясненія статьи 35 § 7 служитъ та нерѣшительность, съ которою его высказываетъ самъ Вайцъ. Выставляя сперва общепринятыя правила о томъ, какого рода пеня, указываемая постоянно закономъ, онъ находитъ противорѣчіе этому правилу въ разбираемой статьѣ. Намъ же кажется, какъ это мы и старались доказать, что и противорѣчія тутъ нѣтъ никакого, а просто существуетъ ошибка переписчика относительно числовыхъ данныхъ, какъ это признаетъ Пардесю.

Однако, величина «fredus,» назначаемая главою 52 Legis emendatae, подтверждается, по словамъ Пардесю, и эдиктомъ Хлодвига III, отъ 693 г. Выраженіе «fredus» замѣняется иногда въ другихъ Германскихъ законодательствахъ словами «mulcta, poena», и дѣйствительно эта часть композиціи и составляла собственно наказаніе преступника: она была возмездіемъ за нарушеніе правовыхъ нормъ. Древне-Германское «fredus» обладаетъ такимъ образомъ многими элементами нашего современнаго понятія о наказаніи. Это подтверждается особенно тѣмъ указаніемъ, которое встрѣчается даже въ самыхъ древнихъ текстахъ, что иногда «fredus» не взимался, по тому что преступникъ признавался дѣйствовавшимъ безъ злаго умысла. Это было въ одномъ случаѣ, когда преступникъ былъ малолѣтнимъ. Законодательство, находящееся въ младенчествѣ, разумѣется, не могло предвидѣть тѣ разнообразные оттѣнки злой воли, которые обращаютъ на себя вниманіе современныхъ законодательствъ; но то единственное постановленіе по этому вопросу, которое мы встрѣчаемъ, ясно указываютъ на то, что дѣтей извѣстнаго возраста считали дѣйствовавшими

безъ разумѣнія, если можно употребить это выраженіе нашего Уложенія, и по тому ихъ не подвергали наказанію.[68] Это постановленіе ясно указываетъ намъ характеръ самаго «fredus;» гдѣ не было злой воли (а предполагается, что въ дѣяніи малолѣтнихъ ея не могло быть), тамъ нѣтъ и наказанія, нѣтъ и «fredus.»

О «faida» этого не говорится, и предполагается, что во всякомъ случаѣ сторона, пострадавшая отъ преступленія, должна быть вознаграждена. Выраженіе «culpa» также доказываетъ справедливость мнѣнія о «fredus,» какъ о наказаніи: для бытія «fredus» требуется безусловно существованіе «alicujus culpae:» нѣтъ вины («culpae»), не можетъ быть и «fredus.» Этотъ характеръ «fredus» подтверждается и тою главою Салическаго закона, которая говоритъ о возможности откупиться отъ испытанія кипяткомъ.[69] Законъ позволяетъ откупаться обвиненному отъ этого рода ордаліи, но назначаетъ извѣстную таксу въ 3, 9, 15 и 30 сол., смотря по роду преступленія, въ которомъ лице обвиняется, и по вѣроятности самого обвиненія, за этотъ выкупъ руки. При этомъ законъ постоянно замѣчаетъ, что въ томъ случаѣ, когда обвиняемый уплачиваетъ за выкупъ своей руки болѣе этой законной таксы: «fredus grafionis alvatur, tamquam si de ipsa causa convictus fuisset.» Предполагая, что въ то время вѣра въ непреложность Суда Божія существовала въ полной силѣ, легко объяснить причину этого постановленія. Лицо, чувствовавшее себя виновнымъ, охотно давало значительно большую законной таксы сумму, чтобы откупиться отъ мучительной ордаліи и могущаго послѣдовать за ней обвиненія.

Лицо обвинявшее, соглашаясь на выкупъ, тѣмъ самымъ отказывалось отъ своихъ правъ и, посредствомъ частнаго соглашенія, вознаграждало себя. Обвиняемый между тѣмъ избѣгалъ наказанія въ видѣ «fredus» и фискъ терялъ соотвѣтственную выгоду. Чтобы не оставить преступника въ этомъ случаѣ безъ наказанія, равно какъ и для того, чтобы не утратить слѣдующую фиску часть взысканія, законъ и требуетъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ «fredus» былъ уплаченъ Графу, завѣдывающему судомъ. Такимъ образомъ двумя постоянными частями всякой композиціи

---

[68] «Si vero puer infra XII annos aliqua culpa committat, fretus ei nullatenus requiratur» (I cap, XXIV, § 5).

[69] «De manu ab aeneo redimendam,» V, cap. LV.

являлись «faida» — часть, слѣдующая оскорбленному и прекращающая его право мести, и «fredus,» часть, идущая въ казну (во время Салическихъ законовъ въ казну Королевскую) и возстановляющая то правовое положеніе, въ которомъ прежде находился виновный и котораго онъ лишался въ слѣдствіе своего преступленія.

Но «faida» имѣла въ виду только прекращеніе этой вражды, которая возникала въ слѣдствіе преступленія: она уплачивалась для успокоенія того чувства раздраженія, которое могло вызвать мщеніе со стороны пострадавшаго; въ большей же части случаевъ преступленія былъ еще извѣстный матеріяльный ущербъ («damnum»), который долженъ былъ быть вознагражденъ. Естественно, это вознагражденіе за убытокъ отъ преступленія возникало прежде всего въ преступленіяхъ имущественныхъ. Въ началѣ второй главы о воровствѣ поросятъ, которая открываетъ рядъ статей о воровствѣ вообще, мы встрѣчаемъ еще въ первомъ текстѣ выраженіе «excepto capitale et delatura», которое слѣдуетъ за присужденіемъ композиціи. Въ текстѣ I это выраженіе повторяется нѣсколько разъ, хотя и не въ каждомъ §, такъ что ясно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это не указано, оно должно подразумѣваться. Въ текстѣ же V это выраженіе повторяется въ каждомъ параграфѣ, относящемся до преступленій имущественныхъ.

Слово «capitale» [70] повсюду въ законѣ Салическихъ Франковъ обозначаетъ вознагражденіе за ущербъ, происшедшій въ слѣдствіе преступленія. Это подтверждается въ особенности сравненіемъ съ законами Рипуарскихъ Франковъ. Въ законѣ Рипуарскихъ Франковъ повсюду выраженіе «excepto capitale et delatura» замѣняется выраженіемъ «et insuper capitalem et delaturam restituat.» Въ главѣ о пожарахъ [71] законъ Рипуарскихъ Франковъ опредѣляетъ, что преступникъ, кромѣ взысканія въ 600 сол., долженъ вознаградить за вредъ и убытки («insuper damnum et delaturam restituat»).

Слово «damnum» вполнѣ замѣняетъ въ этомъ случаѣ выраженіе «capitale» и ясно указываетъ на то значеніе слова «capitale», о которомъ мы говорили. Вопросъ о томъ, что было на практикѣ это «capitale,» вознагражденіе ли за вещь, или возвращеніе самой вещи, трудно рѣшить окончательно; кажется, что слѣдуетъ принять мнѣніе Ворингена, что вездѣ, гдѣ говорится о «capitale,» слѣ-

---

[70] По объясненію Диканжа—«aestimatio rei furatae aut ablatae.»

[71] Cap. XVIII Legis emendatae, Cap. XVIII Legis Ripuariorum.

дуетъ предполагать одно вознагражденіе за вещь. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ выше указанномъ при поджогѣ, это несомнѣнно, такъ какъ сама вещь не могла быть возвращена. Въ другихъ же случаяхъ самъ законъ указываетъ, что, вмѣсто «capitale» должна быть возвращена сама вещь, напримѣръ, въ главѣ 64 Legis emendatae, «De charoena» законъ требуетъ, чтобы преступникъ «rem pro capitale restituat.»

«Capitale» вполнѣ вознаграждало за утраченную вещь, такъ что за его уплатою вещь оставалась въ полной собственности уплатившаго «capitale.» На это указываютъ постановленія, говорящія о вознагражденіи за вредъ, причиненный домашнему скоту: такъ если [72] кто ни будь случайно испортилъ чужое животное, то онъ долженъ отдать хозяину животнаго «capitale» и взять испорченное животное себѣ. Страннымъ образомъ этому правилу противорѣчитъ постановленіе объ украденныхъ рабахъ; [73] статья эта говоритъ объ томъ наказаніи, которому подлежитъ лицо, похитившее раба послѣ того, какъ рабъ былъ возвращенъ своему хозяину и указалъ на похитителя. Въ этомъ случаѣ, не смотря на то, что похищенный рабъ вернулся къ своему хозяину, законъ требуетъ отъ похитителя не только уплаты пени въ 35 сол., но и «capitale» и «delatura.» [74] Рабы составляли такой же предметъ вещнаго права, какъ и всѣ вообще «res,» если слѣдовать терминологіи Римскаго права, и по тому при воровствѣ раба, или рабыни, полагалась уплата такого же «capitale,» какъ и при воровствѣ животныхъ и вещей. Статья же 41-я требуетъ «capitale» тогда, когда уже самый украденный предметъ находится въ рукахъ законнаго хозяина; слѣдовательно, когда, по общему правилу Салическаго закона, «capitale» не можетъ быть уплачено.

Въ связи съ этимъ вопросомъ Ворингенъ ставитъ вопросъ о похищеніи свободныхъ дѣвушекъ, приводя при этомъ текстъ Герольда, въ которомъ (cap. XIV), при опредѣленіи наказанія за похищеніе дѣвицъ, повсюду прибавлено выраженіе «excepto capitale

---

[72] «Si quis animal vel quodlibet pecus, per suam negligentiam nocuerit, et hoc domino ejus confessus fuerit, capitale in locum restituat, et illud debile ad se recolliget.» Cap. X, § 6 Legis emendatae.

[73] «Sic postea qui eum plagiavit 1800 din., qui faciunt sol. 35, culpabilis judicetur, excepto capitale et delatura.»

[74] По статьѣ «de servis vel mancipiis furatis,» cap. XI Legis emendatae.

et delatura;» на основаніи этого Ворингенъ выводитъ, что и при похищеніи свободныхъ дѣвушекъ существовало «capitale.» Кажется, что этого нельзя вывести на основаніи только одного указаннаго имъ мѣста изъ текста, при томъ довольно сомнительнаго. Ни въ одномъ изъ пяти текстовъ изданія Пардесю, ни въ одномъ изъ двухъ приведенныхъ тамъ же текстовъ, Вольфенбютельскомъ и Мюнхенскомъ, нѣтъ этого постановленія; какъ въ самыхъ древнѣйшихъ редакціяхъ, такъ и въ позднѣйшихъ, говорится только о наказаніи виновныхъ, но ни о «capitale,» ни о «delatura.» Все же направленіе Салическаго закона указываетъ на выше изложенное значеніе слова «capitale,» которое примѣняется только къ «res;» по этому намъ кажется невозможнымъ объяснить употребленіе «capitale» вмѣсто «pretium» по отношенію къ лицамъ свободнымъ, простымъ словоупотребленіемъ. [75]

Обыкновенно къ словамъ «excepto capitale» прибавляется «et delatura» (иногда «dilatura»). Вопросъ о томъ, что такое это «delatura,» до настоящаго времени занимаетъ ученыхъ и не можетъ быть разрѣшенъ окончательно въ виду неясности источниковъ. Это выраженіе встрѣчается весьма часто въ Салическомъ законѣ, почти всегда въ связи съ «capitale,» но объ немъ говорится, какъ о чемъ-то извѣстномъ, и по тому нигдѣ не объясняется ближе его характеръ. Ворингенъ указываетъ въ своемъ разборѣ этого выраженія на множество существующихъ по этому поводу мнѣній, отчасти другъ другу противуположныхъ. Большая часть этихъ мнѣній сводится къ двумъ главнымъ группамъ, изъ которыхъ каждая основываетъ свои доказательства преимущественно на словопроизводствѣ и на правописаіи этого слова. Считая правильнымъ писать это слово чрезъ e—«delatura,»—ученые первой группы производятъ его отъ слова «delatio,» и въ этомъ случаѣ «delatura» является вознагражденіемъ за открытіе виновника преступленія. Ученые же, защищающіе мнѣніе втораго рода, производятъ это слово отъ

---

[75] Въ текстѣ же Герольда это постановленіе вошло, по нашему мнѣнію, по ошибкѣ: въ текстѣ V cap. XI, § 6, мы находимъ постановленіе о кражѣ дѣтей рабовъ («puerum aut puellam de ministerio dominorum»), и въ этомъ § заключается, разумѣется, обычная фраза о «capitale». Въ текстѣ Герольда этого постановленія въ соотвѣтствующей главѣ нѣтъ; очень возможно, что оно случайно попало въ главу о похищеніи свободныхъ, и такимъ образомъ правило, примѣняемое къ дѣвушкамъ, рабынямъ, было приложено и къ свободнымъ.

«dilatio», и пишутъ «dilatura,» такъ что при такомъ правописніи это выраженіе обозначаетъ вознагражденіе «propter dilationem vel moram.»

Кромѣ этихъ главныхъ мнѣній существуетъ еще нѣсколько другихъ менѣе замѣчательныхъ, изъ которыхъ наиболѣе важнымъ является опредѣленіе «delatura,» какъ судебныхъ расходовъ. Это послѣднее мнѣніе поддерживалъ въ первыхъ трехъ изданіяхъ своего труда Ейхгорнъ, который, однако, въ послѣдствіи отказался отъ него принялъ, въ послѣдующихъ своихъ изданіяхъ, предположеніе, что «delatura» составляетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, вознагражденіе открывшаго виновника преступленія. Намъ кажется, что, не смотря на многочисленныя возраженія противъ этого мнѣнія, оно наиболѣе правдоподобно; предположеніе же, что «delatura» служитъ вознагражденіемъ за «lucrum cessans,» т. е., за убытки, понесенные хозяиномъ вещи въ то время, когда онъ не могъ ею пользоваться въ слѣдствіе преступленія, которую высказываетъ и горячо защищаетъ Ворингенъ, кажется намъ слишкомъ сложнымъ, и по тому непримѣнимымъ. Напротивъ, второе его предположеніе поддерживаемое также Профессоромъ Гейбомъ, [76] что «delatura» составляетъ пеню, налагаемую на обвиненнаго за то, что онъ тянулъ дѣло, т. е., или медлилъ явиться на судъ, или, по замѣчанію Гейба, упорно запирался на судѣ, и тѣмъ задержалъ судопроизводство, имѣетъ уже значительно больше за себя, хотя тоже едва ли можетъ быть принято, по тому что пени за неявку въ судъ описываются еще въ первыхъ главахъ Салическаго закона («De mannire»), и въ нихъ не упоминается о «delatura,» и трудно предположить, чтобы описанныя въ этой главѣ пени носили это именно особенное названіе. Предположеніе же Гейба о замедленіи процесса въ слѣдствіе упорнаго запирательства отвѣтчика, не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ въ самомъ законѣ. Какъ бы то ни было «delatura» составляла въ большинствѣ случаевъ одну изъ частей полнаго взысканія и прибавлялась къ композиціи наравнѣ съ «capitale.» О величинѣ ея мы не можемъ ничего сказать съ достовѣрностью [77].

---

[76] Geib. Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, 1 B.

[77] Въ текстѣ Герольда (cap. 79) находится слѣдующее опредѣленіе: I «Si quis hominem occiderit, et quod lex habuit pro ea dederit, solidos XXX pro delatura componat. II. De puero, aut liberto, solidos XV. III. De furtibus vero aliis, VII solidos. IV. Caussae vero dominicae in triplo componuntur.» Это единственное опредѣленіе размѣра «delatura,» сдѣланное въ спискѣ, значительно расходящемся съ прочими текстами, не даетъ намъ права заключить, что цифры, здѣсь представленныя,

Намъ остается еще разсмотрѣть: кто получалъ эти пени, и кто ихъ уплачивалъ? Оба эти вопроса, отчасти разрѣшенные уже предыдущими объясненіями, представляютъ нѣсколько особенностей, которыя здѣсь необходимо указать. Обыкновенно при большей части преступленій пеню (здѣсь мы говоримъ только о тѣхъ частяхъ взысканія, которыя идутъ въ пользу истца, оставляя въ сторонѣ части, составляющія доходъ казны) получаетъ лицо, непосредственно пострадавшее отъ преступленія. За лицъ, находящихся подъ чьей либо опекою («mundium»), получало взысканіе лицо, имѣющее опеку надъ ними. Наиболѣе затруднительнымъ являлся, разумѣется, вопросъ кто получалъ композицію за убійство. Въ этомъ случаѣ самъ законъ опредѣляетъ лицъ, которые имѣютъ право на композицію: композиція не составляла части наслѣдства («haereditas») лица; всѣ члены семьи, въ обширномъ смыслѣ слова, обязанные въ древнее время мстить, имѣли право на композицію, которая такимъ образомъ и раздѣлялась между ними. Наиболѣе близкими родственниками, на которыхъ лежала прямая обязанность отомстить за убитаго, были его сыновья, и они получали половину всей композиціи («medietatem compositionis»); за тѣмъ прочіе родственники, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской, стороны, дѣлили между собою остальную половину пени, при чемъ, кажется, дѣлежъ производился не поголовно, но родственники каждой стороны получали по $^1/_4$ всей композиціи, и за тѣмъ дѣлили ее между собою. Въ томъ случаѣ, если, съ одной стороны, не было родственниковъ, то часть ихъ шла въ пользу казны, или тому, кому назначалъ ее фискъ (Ш, V и Герольдъ). Это опредѣленіе, повторяющееся во всѣхъ спискахъ, кажется намъ наиболѣе правильнымъ и заслуживаетъ болѣе довѣрія, чѣмъ, нѣсколько разногласное съ нимъ, постановленіе главы XV «Cap. extravagantia». Что же касается способа уплаты композиціи, то, по Салическому закону, пеня далеко не всегда уплачивалась самимъ виновнымъ: такъ мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенія преступленій рабами пеня за нихъ уплачивалась ихъ владѣльцами, какъ того требуетъ самъ законъ, но и при совершеніи преступленій лицами свободными пеня не всегда могла быть уплачена ими самими въ большей части случаевъ по недостатку средствъ.

были бы безусловно вѣрны для всѣхъ временъ, когда Салическій законъ имѣлъ полную силу.

Дѣйствительно, пени были такъ высоки, что часто средства одного лица были недостаточны для ея покрытія, и по тому въ этомъ случаѣ всѣ родственники виновнаго должны были оказывать ему помощь. Это имѣло мѣсто при убійствѣ. Въ Салическомъ законѣ находится по этому поводу особая глава «De chrenecruda», [78] которая подробно опредѣляетъ порядокъ передачи обязанности уплаты этой пени родственникамъ преступника. Эта глава, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ въ законѣ Салическихъ Франковъ, рисуетъ намъ чрезвычайно картинно всю процедуру такой передачи, которая имѣла громадное значеніе, какъ для самаго преступника, такъ и для его семейства. Убійца, отдавшій все свое имущество, котораго, однако, не хватило, чтобы покрыть назначенную по закону пеню, долженъ былъ засвидѣтельствовать, чрезъ посредство двѣнадцати свидѣтелей, что у него ничего болѣе не осталось ни на землѣ, ни подъ землею. За тѣмъ несостоятельный преступникъ входилъ въ свой домъ, бралъ изъ четырехъ угловъ горсть земли, становился на порогѣ своего жилища лицомъ, обращеннымъ во внутрь его, и лѣвой рукой бросалъ чрезъ голову землю чрезъ ближайшаго изъ своихъ родственниковъ, на котораго и переходила вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность доплатить пеню. Здѣсь является весьма важнымъ вопросъ: кто считался ближайшимъ родственникомъ? Источники даютъ на это отвѣтъ нѣсколько различный, смотря по редакціямъ. Такъ текстъ первый у Пардесю считаетъ

---

[78] По отношенію къ этому слову имѣется нѣсколько толкованій, довольно разнообразныхъ; такъ Гизо (Cours d' histoire moderne. Brux., 1845, p. 208) переводитъ это выраженіе «grüneskraut,» зеленая трава, полагая, что эти два слова, чрезвычайно сходные по созвучію, «chrene—grün«, Англійское «grun,» и gruda—Kraut,» вполнѣ отвѣчаютъ другъ другу; подобное же объясненіе, хотя уже съ большимъ основаніемъ, даетъ этому выраженію Гриммъ (Die deutschen Wörter der lex salica, v. pr. K. Müllenhoff, Beilage zum werke «Das alte Recht der salischen Franken v. G. Waitz»); онъ переводитъ его, какъ «reines Kraut» (graminis herba puta). Не разбирая это объясненіе съ точки зрѣнія чисто филологической, какъ это дѣлаетъ Проф. Мюленгофъ, мы должны только замѣтить, что въ данномъ случаѣ, какъ переводъ этихъ словъ Гизо, такъ и ихъ объясненія Гримма, не соотвѣтствуетъ тексту статьи, озаглавленной подобнымъ образомъ по тому что въ ней ясно говорится «o terra collecta de quattuor angulis domus, legaliter in aliquem projecta», какъ объясняетъ это выраженіе, по замѣчанію Пардесю, одна изъ глоссъ. Это послѣднее объясненіе, наиболѣе соотвѣтствующее содержанію статьи, подтверждаетъ, по словамъ Проф. Мюленгофа, филологическое толкованіе этого выраженія Лео, который производитъ его съ Кельтическаго «cruinneach—collectus и criudh—terra.»

ближайшими родственниками отца и братьевъ, о которыхъ, по этой редакціи, предполагается, что уже они оказали вспомоществованіе («jam solserunt») и прежде описанной церемоніи, за ними слѣдуютъ «sui,» т. е., вѣроятно, сыновья преступника, какъ это прямо указано въ другихъ текстахъ, и наконецъ родственники отца и родственники матери, тѣ самые, которые, какъ мы видѣли, получаютъ часть пени за убійство, но въ этомъ случаѣ число ихъ ограничено тремя ближайшими. Второй текстъ, вѣроятно, по ошибкѣ, не упоминаетъ объ отцѣ, но за то говоритъ объ обязанности матери и сестры матери; это постановленіе о двухъ ближайшихъ родственницахъ, которыя обязаны были оказывать помощь преступнику, повторяется и во всѣхъ остальныхъ редакціяхъ. Послѣ этой церемоніи бросанія земли преступникъ въ одной рубашкѣ («in camisia»), не препоясанный, съ обнаженной головой, съ палкой въ рукѣ, прыгалъ чрезъ заборъ. Тогда остающаяся недоплаченной сумма дѣлилась пополамъ, и одну половину должны были уплатить родственники отца, а другую родственники матери. Если же одинъ изъ нихъ оказывался несостоятельнымъ для этого, то онъ могъ такимъ же образомъ перебросить «chrenecruda» чрезъ болѣе богатаго, который тогда доплачивалъ всю недостающую сумму. Если же, не смотря на все, пеня не могла быть уплачена, то преступникъ, находящійся, вѣроятно, подъ надзоромъ своихъ вѣрителей, т. е., родственниковъ убитаго, четыре раза долженъ былъ быть представляемъ въ народное собраніе, и если никто изъ его близкихъ («nullus suorum», по выраженію закона) не выкупалъ его «per compositionem», т. е., уплатою пени, или ея недостающей части, то онъ присуждался къ смертной казни, или дѣлался рабомъ родственниковъ убитаго, если они это предпочитали. Этотъ обычай былъ на столько тягостенъ для родственниковъ, что, вѣроятно, главнымъ образомъ въ слѣдствіе этого, допускался по закону отказъ отъ родства. Мы находимъ особую главу, помѣщенную тотчасъ послѣ главы о наслѣдствѣ («De alodis»), слѣдующей за разобранной «De chrenacruda,» въ которой описана церемонія этого отказа и его послѣдствія. Въ этой главѣ [79] замѣчается, что отказавшись отъ родства не получаетъ никакихъ выгодъ отъ своихъ родственниковъ, т. е., ни наслѣдства, въ случаѣ естественной смерти родственника (его собственное насильство шло

[79] «De cum qui se de parentilla tollere vult.» 1 cap. 60?

въ пользу казны), ни части композиціи, въ случаѣ его убійства, но, разумѣется, отказавшійся отъ родства не несъ и тягости его въ видѣ только что описанной «chreuecruda.» По замѣчанію Пардесю (pag. 663), обычай, «chrenecruda» былъ уничтоженъ эдиктомъ Хильдеберта II, въ 595 г.[80] Такимъ образомъ, согласно съ этою отмѣною, несостоятельный преступникъ отвѣчалъ головою, не имѣя возможности прибѣгнуть къ помощи своей родни.

О денежныхъ взысканіяхъ по Русской Правдѣ.

О пеняхъ за убійство.

Одинаковыя причины вызываютъ повсюду одинѣ и тѣ же послѣдствія. Народы, находящіеся на одной ступени развитія, одинаково образованые, имѣютъ обыкновенно сходныя постановленія права. Это сходство всѣхъ первобытныхъ постановленій права было подмѣчено еще Римскими правовѣдами и вызвало знаменитое ученіе объ «jus naturale gentium, seu divinum,» которое поддерживалось и развивалось средневѣковыми учеными, въ особенности учеными поры возрожденія («renaissance»). Но развитіе постановленій права тѣсно связано съ общимъ ходомъ образованія; подобно ему находится въ прямой зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ и племенныхъ условій. Такимъ образомъ объясняюся и тѣ особенности, которыя замѣтны, не смотря на все ихъ общее сходство, въ отдѣльныхъ древнѣйшихъ кодексахъ, и которыя прямо зависятъ отъ мѣстныхъ, или климатическихъ, условій племенныхъ различій.

Въ исторіи развитія народовъ легко замѣтить нѣкоторыя явленія, которыя встрѣчаются неизбѣжно повсюду. Однимъ изъ такихъ явленій, постоянно встрѣчающихся у народовъ, находящихся въ младенческомъ періодѣ, можно признать постановленій частной мести. Это установленіе, существующее и въ настоящее время у нѣкоторыхъ народовъ, коренится въ самой природѣ человѣка

---

[80] Въ одномъ изъ позднѣйшихъ кодексовъ Салическихъ законовъ (Герольда) находится въ концѣ главы «de chrenecende» указаніе на эту отмѣну: «at praesentibus temporibus, si de suis propriis rebus non habuerit, unde transsolvere aut se de lege defensare possit, omnis causa superius comprehensa ad caput suum pertinet observare.»

и по тому, являясь первоначально въ формѣ обычая, сохраняетъ иногда довольно долго свое значеніе даже и послѣ появленія письменнаго законодательства въ странѣ. Древнѣйшіе памятники законодательства основываются обыкновенно на этомъ постановленіи и изъ него выводятъ большую часть своихъ постановленій. Мы уже указали, какъ вытекаетъ изъ этого обычая частной мести вся система денежныхъ вознагражденій Салическаго закона. По отношенію къ другому, подлежащему нашему изслѣдованію, памятнику нашего отечественнаго законодательства, мы должны сказать то же самое. Система наказаній нашей Руской Правды можетъ быть выведена, во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ и подробностяхъ, изъ права личной мести, существовавшей и узаконяемой нѣкоторыми редакціями Правды. Самое изложеніе Правды убѣждаетъ насъ въ этомъ. Начальная ея статья во всѣхъ спискахъ говоритъ объ этомъ правѣ частной мести, которое только въ послѣдствіи законъ старался смягчить и уничтожить. По Академическому списку, безспорно древнѣйшему, мы читаемъ: «Оубьеть моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сыновi отца, любо отцю сына, или братоуч адоу, любо сестриноу сыновi; аще не боудетъ кто мьстя, то 40 гривенъ за головоу.»

Вотъ постановленіе закона: только при отсутствіи частныхъ мстителей выступаетъ государственная власть и наказываетъ убійцу пеней въ 40 гривенъ. Эта глава составляетъ краеугольный камень Русской Правды; изъ нея вытекаетъ все дальнѣйшее содержаніе этого памятника. Частная месть, сохранившая, весьма понятнымъ образомъ, свое значеніе наиболѣе долго при насиліяхъ противъ личности, существовала первоначально даже при гражданскихъ спорахъ, если слѣдовать новѣйшей терминологіи. Разумѣется, при такомъ порядкѣ вещей, могли быть, и нерѣдко бывали, частныя соглашенія, когда обиженная сторона довольствовалась, не прибѣгая къ самоуправству, какимъ ни будь вознагражденіемъ, добровольно ей предлагаемыхъ лицомъ виновнымъ, для избѣжанія распри. Съ появленіемъ болѣе правильной власти такой порядокъ вещей естественно не могъ продолжаться, и первоначально законодательство стремится его уничтожить. Это явленіе, подмѣченное нами въ законѣ Салическомъ, повторяется и по отношенію къ Русской Правдѣ. Но постановленіе, столь глубоко пустившее корни въ обществѣ, не можетъ быть быстро искоренено, и вотъ по чему законодательство, выступая на борьбу съ частнымъ самоуправствомъ, начинаетъ съ того, что узаконяетъ частную месть

за убійство. Но уже эта статья, узаконяющая обычай мщенія, сокращаетъ случай его примѣненія, ограничивая довольно тѣснымъ кругомъ ближайшихъ родственниковъ число мстителей. Первая часть этой статьи подтверждаетъ такимъ образомъ прежній порядокъ вещей, придавая ему только нѣсколько болѣе правильную форму; вторая же часть той же главы выставляетъ уже совершенно новое начало, не совмѣстное съ правомъ частной мести: это принципъ наказанія. Такимъ образомъ, если за убитаго нѣтъ мстителей, то государство беретъ на себя задачу отомстить за его смерть, т. е., наказать убійцу. Но такъ какъ государство не имѣетъ тѣхъ побужденій, которыя заставляютъ родственниковъ убитаго искать удовлетворенія въ убійствѣ преступника, то оно удовлетворяется извѣстнымъ денежнымъ взысканіемъ, уплата котораго какъ бы примиряетъ преступника съ обществомъ. Очень можетъ быть, что основаніемъ для этого взысканія послужила средняя норма вознагражденія, которое выплачивалось по добровольному соглашенію убійцею, или его родственниками, родственникамъ убитаго. Такое предположеніе кажется намъ возможо сдѣлать, примѣняясь къ одной статьѣ договоровъ Олега и Игоря съ Греками, говорящей объ убійствѣ По всей вѣроятности это взысканіе и соотвѣтствовало средней цифрѣ того вознагражденія, которое платилось въ подобныхъ случаяхъ при частномъ соглашеніи.

Принципъ, выраженный во 2-части 1-й статьи Русской Правды, былъ развитъ въ послѣдующихъ статьяхъ различныхъ ея редакцій. Такимъ образомъ это частное самоуправство все болѣе и болѣе стѣснялось. Кромѣ того законодатель скоро понялъ ту фискальную выгоду, которую можно извлечь изъ примѣненія этого начала и, главнымъ образомъ, ради этой выгоды начинаетъ сокращать случаи самосуда и дѣлаетъ заботу о правосудіи доходною статьею, дающею значительную прибыль Княжеской казнѣ.

Уголовная реформа, замѣчаемая въ Правдѣ, отличается главнымъ образомъ фискальнымъ характеромъ, и это отражается на всѣхъ ея постановленіяхъ. Мы уже видѣли, что первоначально при убійствѣ государство вступало въ свои права только при отсутствіи родственниковъ-мстителей, но за тѣмъ мы видимъ, что и самое право мести отнимается у родственниковъ убитаго, а дозволяется только взиманіе извѣстнаго денежнаго вознагражденія съ преступника, при которымъ фискъ постоянно получалъ свою неизмѣнную часть. Въ спискѣ Троицкомъ мы находимъ это постановленіе во 2 главѣ, которое отмѣняетъ обычай кровавой мести

и указываетъ «купами ся выкупати». Замѣчательно, что Русская Правда почти исключительно заботится о выгодѣ фиска, и въ большинствѣ случаевъ указываетъ только сумму взысканія, идущаго въ пользу Князя, не опредѣляя обыкновенно точно величины вознагражденія лица пострадавшаго. Въ этомъ отношеніи Русская Правда рѣзко отличается отъ закона Салическихъ Франковъ, гдѣ постоянно указывается часть лица пострадавшаго, совмѣстно съ частью фискальнаго взысканія. Русская же Правда по преимуществу предоставляла опредѣленіе величины вознагражденія обиженнаго или обоюдному соглашенію истца и отвѣтчика или, при ихъ разногласіи, усмотрѣнію суда. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, гдѣ это вознагражденіе указано въ законѣ, оно опредѣляетъ, вѣроятно, только высшій размѣръ подобнаго вознагражденія по суду, въ случаѣ если не послѣдуетъ соглашенія сторонъ. Замѣчательно то обстоятельство, что, судя по этимъ статьямъ (21, 22, 24, 61, 74, 75, и нѣкоторыя другія Троицкаго списка) величина этого вознагражденія была значительно ниже пени, установленной въ пользу Князя. Такъ по ст. 21 за отсѣченіе, или раненіе, руки, ноги, или глаза, слѣдовало въ пользу Князя полувирье, т. е., 20 гривенъ, самъ же пострадавшій получалъ «за вѣкъ» только 10 гривенъ; эта непропорціональность еще болѣе замѣтна въ слѣдующей 22 статьѣ, гдѣ за отсѣченіе пальца назначалось 3 гривны продажи, въ пользу же пострадавшаго взыскивалась только 1 гривна кунъ; такое же отношеніе мы находимъ и въ постановленіи 24 ст. Это положеніе дѣла прямо противоположно тому, какое мы видѣли въ Салическомъ законѣ, гдѣ, напротивъ, всѣ пени дѣлятся такимъ образомъ, что обиженный получаетъ двѣ трети всего взысканія, а государственная власть только треть. Изъ этого, намъ кажется, можно вывести, что, хотя оба кодекса преслѣдовали одну цѣль—сократить по возможности, или даже вовсе уничтожить случаи самосуда, частную месть, но средства къ достиженію этой цѣли были неодинаковы, и что законодатель Русской Правды чувствовалъ себя значительно сильнѣе, имѣлъ болѣе возможности предупредить случаи запрещаемаго самоуправства, чѣмъ законодатель Салическаго закона. Отъ того первый и не особенно старается привлечь истца къ возбужденію дѣла, какъ это дѣлаетъ второй, но назначаетъ болѣе высокія взысканія въ пользу Князя, чѣмъ для вознагражденія потерпѣвшаго. Это обстоятельство указываетъ, что государственная власть въ Россіи была значительно развита въ этотъ періодъ и имѣла перевѣсъ надъ

правами отдѣльной личности, тогда какъ, напротивъ, на Западѣ у Салическихъ Франковъ была наиболѣе развита индивидуальная свобода. Отъ того мы видимъ, что личность вообще болѣе уважается на Западѣ: такъ мы знаемъ, что свободный Франкъ никогда не могъ быть униженъ до тѣлеснаго наказанія, и самая смертная казнь примѣнялась крайне рѣдко; между тѣмъ въ Русской Правдѣ мы знаемъ отдѣльное наказаніе за разбой, которое соединялось съ непосредственнымъ нападеніемъ не только на личность преступника, но его жены и его дѣтей—выдача на потокъ и разграбленіе. Проф. Кавелинъ находитъ объясненіе этого малоразвитаго понятія личности въ семейномъ бытѣ Славянъ до прибытія Варяго-Руссовъ. Благодаря этой слабости Славянъ, Княжеская власть и могла получить болѣе сильный, менѣе зависимый, характеръ. Это преобладаніе Князя видно во всей Русской Правдѣ, которая представляетъ сборникъ отдѣльныхъ постановленій и судебныхъ рѣшеній различныхъ Князей, имена которыхъ и передаются самою Правдою. Вліяніе же другого важнаго элемента Русской жизни—вѣча, почти совершенно незамѣтно въ разбираемомъ Сборникѣ. Имена собственныя составителей, приводимыя въ началѣ такъ называемой, Правды сыновей Ярослава и Правды Владимира Мономаха, относятся къ мужамъ Княжеской дружины, какъ это прямо указано въ Троицкомъ спискѣ: «и мужи ихъ.»... Такимъ образомъ Русская Правда кажется намъ исключительно памятникомъ Княжескаго законодательства, ближайшею цѣлію котораго было установленіе извѣстныхъ пеней за уголовныя преступленія и проступки въ пользу Князя; за тѣмъ если она занимается вопросами гражданскаго права, то, главнымъ образомъ, также съ точки зрѣнія пользы Князя. [81] Напротивъ, въ законѣ Салическомъ личность Короля болѣе отходитъ на задній планъ, хотя его прерогативы тоже не упускаются изъ виду, но, наравнѣ съ ними играетъ важную роль народное собраніе. Между тѣмъ у насъ, если бы мы не имѣли достовѣрныхъ свѣдѣній изъ другихъ источниковъ о существованіи и дѣятельности нашего народнаго собра-

[81] Если въ Карамзинскомъ спискѣ мы и находимъ, такъ называемый Уставъ, «о мостехъ,» на которомъ ясно видны слѣды вѣчеваго законодательства, и при томъ разновременнаго, какъ то признаетъ и исключительный изслѣдователь этого памятника, Г. Красовъ: «О мѣстоположеніи древняго Новгород» (Новгородъ, 1851 г.), то этотъ Уставъ слѣдуетъ считать только припискою къ Правдѣ, не состоящую съ ней въ органической связи.

нія—вѣча, то изъ Русской Правды мы бы ничего объ немъ не узнали, а между тѣмъ въ предѣлы вѣдомства нашего вѣча входить и судъ въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ.[82]

Покойный Профессоръ Московскаго Университета, И. Д. Бѣляевъ, находилъ въ Русской Правдѣ одно изъ доказательствъ, подтверждающихъ его излюбленную теорію объ общинномъ бытѣ древней Руси. Мы лично слышали отъ него на лекціи, что лучшимъ доказательствомъ того, что на Руси дѣйствовало между земцами общинное устройство, служитъ Русская Правда во всѣхъ ея редакціяхъ; что она показываетъ, что община была постоянною исключительною формою на Руси. Свои доказательства почтенный Профессоръ раздѣлялъ на два отдѣла: къ первому относились доказательства, встрѣчаемыя въ уголовномъ правѣ Русской Правды, ко второму доказательства, основанныя на гражданскомъ правѣ этого памятника. Первыя можно было бы назвать положительными: они сводятся къ существованію верви; вторыя, по преимуществу отрицательныя, такъ какъ они доказываютъ несуществованіе рода, заключаются въ законахъ гражданскихъ о наслѣдствѣ, завѣщаніяхъ и опекѣ.

Мы не имѣемъ возможности подробнѣе остановиться на развитіи взглядовъ нашего даровитаго изслѣдователя Русской старины, которые намъ кажутся въ этомъ случаѣ нѣсколько односторонними; но позволимъ себѣ замѣтить, что заключенныя въ Русской Правдѣ указанія на существованіе общины по отношенію къ уголовнымъ преступленіямъ, имѣютъ только весьма ограниченное значеніе, и что эти постановленія, какъ мы постараемся доказать ниже, имѣли исключительно полицейскій характеръ. Напротивъ, именно политическаго-то значенія мы и не находимъ въ Русской Правдѣ.

Единственное постановленіе государственнаго права, которое существуетъ болѣе, или менѣе, самостоятельно, независимо отъ Князя, въ постановленіяхъ Правды, составляетъ семья, которая и получаетъ главное первенствующее значеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Если право мести, по Русской Правдѣ, предоставлено не исключительно союзу родителей и дѣтей или семьѣ въ тѣсномъ смыслѣ, а распространено и на дядей съ племянниками, то въ законахъ

---

[82] Проф. Сергѣевича, Вѣче и Князь. 1867 г., стр. 84.

о наслѣдствѣ и объ опекѣ семья въ значеніи настоящаго времени играетъ первенствующую роль.

Мы уже указали на главную цѣль Русской Правды — пресѣченія случаевъ самоуправства и установленія болѣе правильнаго суда.

По этому главное содержаніе древнѣйшихъ списковъ Русской Правды чисто уголовнаго свойства; только позднѣе къ этимъ уголовнымъ постановленіямъ примѣшиваются чисто гражданскія. Въ Русской Правдѣ мы находимъ слѣды трехъ народностей, имѣвшіе важное вліяніе на образованіе Русскаго Государства въ разсматриваемый періодъ. Наиболѣе важную роль играетъ въ Русской Правдѣ элементъ Славянскій; хотя она и составляетъ памятникъ законодательства Князей Варяго-Русскихъ (въ томъ случаѣ, если держаться теоріи призванія Варяго-Руссовъ, сильно расшатанной возраженіями Ю. И. Венелина, С. А. Гедеонова, Д. И. Иловайскаго), но они брали свои постановленія, главнымъ образомъ, изъ существовавшихъ уже обычаевъ Славянскихъ, такъ что Русскую Правду можно безошибочно назвать законодательствомъ народнымъ. Кромѣ того мы находимъ въ ней нѣкоторыя черты сѣверныхъ Норманскихъ законодательствъ, которыя могутъ быть отчасти объяснены тѣмъ сходствомъ, которое замѣчается во всѣхъ первобытныхъ законодательствахъ, отчасти же зависятъ отъ непосредственнаго вліянія Норманскаго элемента на Славянъ, котораго отрицать не возможно. Наконецъ, въ разбираемомъ памятникѣ можно найти слѣды, хотя и довольно незначительные, законодательства Византійскаго, основаннаго на началахъ Римскаго права. Византійское право получило особенное значеніе въ Россіи со времени принятія Христіанства; при томъ, принятое вмѣстѣ съ религіей, оно до послѣдняго времени носило обыкновенно характеръ почти исключительно церковный, хотя и вліяло отчасти и на свѣтское законодательство. Мы имѣемъ отъ древнѣйшаго періода нашей исторіи памятникъ свѣтскаго законодательства, цѣликомъ заимствованный изъ Византійскаго права: это «Судный уставъ Владимира Св.», который, однако, кажется, почти не примѣнялся на дѣлѣ. Въ Русской Правдѣ мы находимъ только одно постановленіе Византійскаго права, чуждое нашему древнему обычному — учрежденіе сыщѣтелей — видоковъ. Разсматривая денежное взысканіе Русской Правды, мы находимъ, что всѣ они раздѣляются на два вида: 1 взысканія, идущія въ пользу Князя, носящія въ большей части случаевъ характеръ уголовныхъ наказаній, и 2 возна-

гражденіе лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія. Этотъ второй видъ, къ которому должно отнести и лѣчебное или «лѣтцю мзда», можно назвать гражданскими взысканіями, подобно тому, какъ мы это дѣлали по отношенію къ «faida» и «capitale» Салическаго закона.

Взысканія перваго рода носятъ въ Правдѣ два техническія названія: вира» и «продажа;» иногда употребляется выраженіе «за обиду», которое означаетъ тоже взысканіе въ пользу Князя. Вира является взысканіемъ за убійство; обыкновенная величина ея въ 40 гривенъ, что подтверждается статьями, говорящими о полувирьѣ, которое постоянно указываетъ въ 20 гривенъ (на примѣръ, ст. 21-я по Троицкому списку).

Иногда вира возвышалась до 80 гривенъ, въ другихъ же случаяхъ, при убійствѣ лицъ менѣе значительныхъ, она понижалась до 5 гривенъ, и въ этихъ послѣднихъ случаяхъ такое взысканіе выше приведеннаго наименованія по Русской Правдѣ не носило, а просто говорилось: «а въ сельскомъ тивунѣ Княжѣ... 12 гривенъ, а въ рядовичѣ 5 гривенъ.»

Убійство составляетъ то преступленіе, которое нарушаетъ самое важное право человѣка—право на существованіе; оно наиболѣе оскорбляетъ человѣческое чувство, и по тому месть за него сохранилась повсюду наиболѣе долго. На нашемъ древнѣйшемъ законодательствѣ любопытно преслѣдить, какъ это право мести за убитаго постепенно вымирало. Первоначально, при господствѣ родового быта у Славянъ, по всей вѣроятности, месть принадлежала цѣлому роду, что мы можемъ вывести, не имѣя никакихъ положительныхъ свѣдѣній изъ той поры, не оставившей никакихъ письменныхъ памятниковъ, изъ сравненія съ другими народами, у которыхъ этотъ бытъ уцѣлѣлъ болѣе продолжительное время и вошелъ въ періодъ историческій. Въ договорѣ Олега съ Греками, въ этомъ первомъ письменномъ памятникѣ изъ уцѣлѣвшихъ отъ времени первыхъ Князей Русскихъ, мы находимъ уже, что кругъ мстителей ограниченъ предѣломъ семьи, по тому что, по тексту этого договора, мстителями являются «ближніи» убитаго. Такимъ образомъ по договору Олега [83] можно заключить, что въ

[83] Мы берёмъ договоръ Олега, какъ памятникъ международнаго законодательства, на которомъ, однако, отразилось почти исключительно вліяніе Русское, такъ какъ въ этомъ договорѣ Олегъ и Русскіе, сторона побѣдившая, предписывали побѣжденнымъ Грекамъ свои условія; совсѣмъ обратное видимъ мы, на примѣръ, на договорѣ Игоря, гдѣ Греки, пользуясь своимъ превосходствомъ,

эту пору мстителями являлись родственники (но не родичи) убитаго. Относительно этого значенія слова «ближній» мы можемъ заключить изъ того же договора Олега, гдѣ, по поводу наслѣдства Русскаго, умершаго въ Византіи безъ завѣщанія, предписывалось отсылать его имѣніе «малымъ ближникомъ» его, оставшимся въ Россіи; въ этомъ случаѣ ясно, что подъ «ближними подразумѣваются дѣти умершаго. Но въ эту пору нѣтъ точнаго опредѣленія о томъ, кто долженъ считаться этими «ближними,» и такимъ образомъ число мстителей было ограничено только весьма обширнымъ и эластичнымъ понятіемъ семейства въ обширномъ смыслѣ слова.

За тѣмъ, какъ мы уже видѣли, въ Правдѣ Ярослава I, точно опредѣляются родственники, могущіе мстить убійцѣ, число которыхъ значительно сократилось, а Правда сыновей Ярослава окончательно уничтожаетъ это право мести, указывая «купами ся выкупати.»

Говоря о вирахъ въ 40, 80 гривенъ, мы легко можемъ за-

стараются, по возможности, видоизмѣнить въ свою пользу всѣ статьи договора Олега. Такъ, на примѣръ, по договору Олега было постановлено, по отношенію къ убійству, что бѣжавшій убійца «аще будетъ неимовитъ,» могъ быть убитъ безнаказанно во всякое время, «аще да обрящется.» Постановленіе это дѣйствовало, разумѣется, главнымъ образомъ противъ Грековъ, которые считали весьма тягостнымъ для себя подобное варварское правило. Въ договорѣ Игоря они весьма искусно въ корень измѣнили это постановленіе, сдѣлавъ только весьма небольшую вставку въ соотвѣтствующей статьѣ Олегова договора: «аще убіеть Христіанинъ Русина, или Русинъ Христіанина: да держимъ будеть сотворивый убійство отъ ближнихъ убіеннаго, да убьють и;» дополненіе къ соотвѣтствующей статьѣ договора Олега состоитъ въ словахъ: «да держимъ будеть.» Договоръ Игоря требуетъ такимъ образомъ, чтобы убійца былъ задержанъ самыми родственниками убитаго, которые могли тогда убить его (добавленіе, впрочемъ, лишнее, такъ какъ само собою разумѣется, что раздраженные родственники погибшаго убивали убійцу, какъ скоро могли его захватить), между тѣмъ Греки тѣмъ самымъ значительно ограничивали случаи примѣненія мести и могли всегда, на основаніи этой статьи, отказаться отъ выдачи бѣжавшаго преступника, особенно при наличности той статьи Игорева договора (также новой, не заключающейся въ договорѣ Олега), которая постановляла: «Аще ли ключится проказа нѣкая отъ Грекъ, сущихъ подъ властію Царства нашего, да не имать власти казнити я....» Договоръ Игоря по этому мы не можемъ принять за основаніе для какихъ либо выводовъ объ обычаяхъ Русскихъ, такъ какъ въ немъ первоначальный текстъ Олегова договора, служившій образцомъ, былъ видоизмѣненъ и искаженъ подъ вліяніемъ Грековъ.

мѣтить изъ самой Русской Правды, что это была пеня весьма высокая, какъ то свидѣтельствуетъ существованіе верви, помогающей въ нѣкоторыхъ случаяхъ головнику платить это взысканіе. Мало того, Правда предполагаетъ, что иногда одна или двѣ виры (трудно думать, чтобы, при тогдашнемъ безправіи, могло накопиться въ верви большее количество неуплаченныхъ дикихъ виръ) взыскиваются весьма продолжительное время, и устанавливаетъ по этому подробное росписаніе, сколько долженъ получать въ это время вирникъ—лицо, взыскивающее эту пеню. По этому мы считаемъ необходимымъ указать, на сколько это возможно, относительную величины этой виры, съ тѣмъ, чтобы въ то же время опредѣлить ту точку зрѣнія, съ которой мы будемъ далѣе смотрѣть на денежныя цѣнности Русской Правды.

Вопросъ о денежныхъ цѣнностяхъ Русской Правды возбудилъ множество споровъ и имѣетъ довольно обширную литературу. Почти всѣ изслѣдователи, занимавшіеся Русскою Правдою, старались такъ, или иначе, рѣшить этотъ вопросъ. Особенно спорнымъ и до настоящаго времени не вполнѣ яснымъ представляется вопросъ о томъ: изъ какого матеріяла были наши древнія деньги въ пору Русской Правды. Въ этомъ отношеніи въ новѣйшее время мы имѣемъ главнымъ образомъ два мнѣнія. Согласно съ первымъ, которое поддерживаютъ Каченовскій, Погодинъ, Бѣляевъ, а въ послѣднее время Д. И. Прозоровскій, изслѣдованіе котораго: «Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія,» послужило для насъ ближайшимъ источникомъ для ниже слѣдующихъ сравненій, вся система денегъ въ разбираемый періодъ была металлическая.[84] Другого рода воззрѣнія[85] о томъ, что кун-

---

[84] За исключеніемъ, по мнѣнію Г. Прозоровскаго, развѣ одного вида цѣнности «бѣлъ» или «бѣлкъ,» которая является цѣнностію мѣховою. Бѣлы, имѣя въ Русской Правдѣ мѣстный характеръ (Новгородской), могли весьма легко войти въ этотъ памятникъ, какъ общеупотребительный товаръ въ извѣстной области, изобилующей извѣстнаго рода мѣхами, гдѣ эти послѣдніе могли получить характеръ опредѣленной мѣховой цѣнности, подобно тому, какъ это мы встрѣчаемъ въ послѣдствіи въ уставной Двинской грамотѣ 1398 г., гдѣ, на ряду съ металлическими деньгами (а самосуда 4 рубл.) встрѣчаются и мѣховыя цѣнности (по куницѣ шерстью).

[85] Изъ прежнихъ защитниковъ этой системы особенно замѣчателенъ Баронъ Шодуаръ (Aperçu sur les monnaies russes par S. de Chaudoir. I partie. S-Pétersbourg, 1836).

ная система Русской Правды есть система, основанная на деньгахъ мѣховыхъ, поддерживается и особенно усердно защищается въ новѣйшее время Г. Ланге въ его «Изслѣдованіи объ уголовномъ правѣ Русской Правды.» Мы не имѣемъ возможности подробно развивать различіе той, или другой, системы, и тѣ доводы, которые приводятся различными писателями за, или противъ, извѣстной системы, но мы замѣтимъ только, что намъ кажется болѣе правильнымъ держаться, по отношенію къ Русской Правдѣ, воззрѣнія И. Д. Бѣляева, что всѣ наименованія денегъ по, такъ называемой, куньей системѣ, суть не болѣе, какъ переводъ на монету цѣнности шкуръ различныхъ звѣрей, которые первоначально, при мѣновой торговлѣ, дѣйствительно замѣняли деньги.

Если же при этомъ признать, что бѣла или бѣлка составляетъ совершенно особую цѣнность, подверженную колебаніямъ, и при томъ цѣнность мѣховую, какъ цѣлая шкурка бѣлки, [86] то можно избѣгнуть и тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ упрекаетъ Бѣляева Ланге въ своемъ «Изслѣдованіи о монетной системѣ въ Русской Правдѣ» (стр. 25—54).

Дѣленіе гривны на болѣе мелкія единицы было въ Русской Правдѣ, по мнѣнію Г. Прозоровскаго, [87] троякое: во первыхъ, какъ это можно вывести на основаніи хозяйственнаго инвентаря, помѣщеннаго въ нѣкоторыхъ редакціяхъ Русской Правды (ст. 49—65 Карамз. списка), гривна заключала въ себѣ 20 ногатъ и 50 рѣзанъ, такъ какъ ногата равнялась $2^1/_2$ рѣзанъ (стр. 540, 541 и 542 Изсл. Прозор.; стр. 30, 31, 32 Изсл. Ланге); во вторыхъ, на основаніи Стокгольмскаго экземпляра «Ярославля сребра» [88] (стр. 566 Изсл. Г. Прозор., Прозоровскій выводитъ, что при Ярославѣ гривна дѣлилась на 90 кунъ, отъ чего фунтъ серебра давалъ 270 кунъ, т. е., 3 гривны; и въ третьихъ, позднѣе, послѣ Ярослава, эта гривна

---

[86] Прозоровскій. Записки Импер. Археол. Общества т. XII, выпускъ 2. С.-Петерб., 1865 г., стр. 503 и 703.

[87] Мы считаемъ изслѣдованія Г. Прозоровскаго наиболѣе полноправными въ этомъ вопросѣ по тому, что они также, какъ и большая часть трудовъ покойнаго Проф. Бѣляева, основываются на положительныхъ данныхъ, т. е., на изслѣдованіи самыхъ монетныхъ знаковъ, уцѣлѣвшихъ отъ того періода, а не на однихъ литературныхъ памятникахъ того вѣка, какъ это дѣлаетъ Г. Ланге.

[88] Въ Нѣжинскомъ кладѣ, описанномъ въ 1851 г. Г. Волошинскимъ, было найдено нѣсколько десятковъ такого же Ярославля сребра, одинаковаго по вѣсу съ экземпляромъ Стокгольмскимъ.

обратилась въ меньшую по внутренней стоимости гривну въ 50 кунъ; это послѣднее заключеніе выводитъ Г. Прозоровскій отчасти изъ статьи 42 Карамз. списка «объ урокахъ смердомъ, оже платятъ Князю продажу,» отчасти изъ сравненія статей «о вирахъ и о накладѣхъ» (8 и 85 ст. Карамз. списка; 137 и 138 ст. своднаго списка Калачова).

Мы, съ своей стороны, вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Г. Прозоровскаго о постепенномъ пониженіи цѣнности гривны Русской Правды, особенно если имѣть въ виду время Ярослава, сыновей его и Владимира Мономаха, такъ какъ позднѣе, въ договорѣ Смоленска съ Ригой, Готландомъ и другими Нѣмецкими городами (1229—30), категорически указывается пониженіе гривны кунъ, какъ ходячей монеты, отъ гривны серебра, какъ опредѣленной вѣсовой единицы, [89] съ которой первичная гривна кунъ должна была имѣть совершенное равенство въ достоинствѣ. [90]

На основаніи сравненія Русской Правды о побояхъ съ аналогическими постановленіями договоровъ Олега и Игоря съ Греками легко вывести, какъ это дѣлаютъ Бѣляевъ и Прозоровскій, что 12 гривенъ, указываемыя въ Правдѣ, соотвѣтствуютъ тѣмъ пяти литрамъ, которые назначались за это же преступленіе въ договорахъ Олега и Игоря. Этотъ литръ, цѣнившійся по закону Гонорія 397 г. въ 5 солидовъ золота, съ уменьшеніемъ цѣнности золотой монеты при Юстиніянѣ на $^1/_7$ равнялся 5 и $^5/_6$ солид. Между тѣмъ у Франковъ, по закону Кловиса, выбивалось 72 сол. изъ фунта золота (цѣною въ 40 динаріевъ каждый), такъ что по пропорціи, установленной Карломъ Лысымъ, по которой золото относилось къ серебру, какъ 12: 1, фунтъ серебра стоилъ 12 разъ менѣе, т. е., 6 сол. Такимъ образомъ литръ серебра, о которомъ говорится въ договорахъ Олега и Игоря, соотвѣтствующій фунту серебра, стоилъ на Византійскія деньги 5 и $^5/_6$ сол., а на Франкскія—6 сол.

Если 12 гривенъ равняются 5 литрамъ, или 29 и $^1/_6$ Визан-

---

[89] Ст. I «а за гривну серебра по 4 гривны кунъ или пѣнези.»

[90] Въ этомъ пониженіи гривны кунъ противъ гривны серебра, какъ вѣсовой единицы, мы видимъ уже въ это время общую судьбу металлическихъ денегъ, какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ: такъ рубль, вѣсившій въ XVI столѣтіи отъ 22 до 24 золотниковъ, постепенно дошелъ въ XIX столѣтіи до 4 золот. $82^{14}/_{25}$ долей той же пробы; то же было съ Англійскимъ Ф. стерл., Франц. ливромъ, Германской маркой.

тійскимъ сол., то одна гривна будетъ равняться $2^{31}/_{72}$ сол. Византійскимъ или $2^1/_2$ сол. Франковъ. Такимъ образомъ, на основаніи этого приблизительно вѣрнаго вычисленія, можно вывести, что вира наша въ 40 грив. соотвѣтствовала приблизительно 100 сол. Франковъ, а высшая вира въ 80 грив. равнялась 200 сол.[1] Но безъ всякаго сомнѣнія Салическіе Франки были значительно богаче Русскихъ поры Русской Правды, и по тому у насъ было болѣе трудно внести подобную пеню, чѣмъ у Салическихъ Франковъ. Мы видѣли, что и у нихъ, хотя и существуютъ пени, значительно превышающія нашу высшую виру въ 80 грив. (200 сол.) своимъ размѣромъ, но что эти пени назначались только за убійство въ его худшихъ проявленіяхъ (за убійство квалифицированное), слѣдовательно, довольно рѣдко; указанныя же пени въ 100 и 200 сол. служили обыкновеннымъ взысканіемъ за убійство.

По всему видно, что эти пени считались у Салическихъ Франковъ весьма значительными, не рѣдко превышающими средства не только одного человѣка, но и всего его семейства, въ томъ смыслѣ, какъ оно понималось въ Салическомъ законѣ. Тѣмъ болѣе понятно, что у насъ, при относительной бѣдности народа, взысканіе, подобное вирамъ, было тягостно не только для отдѣльнаго человѣка, но и для цѣлой общины.

Вира назначалась какъ мы уже указали, за убійство, при чемъ Правда различаетъ два вида виръ: меньшую, обыкновенную, въ 40 грив., и двойную, въ 80 грив. Чтобы различить это дѣленіе

---

[1] Это вычисленіе сдѣлано нами на основаніи только цифръ, представленныхъ Г. Прозоровскимъ, безъ всякаго отношенія къ различнымъ колебаніямъ въ вѣсѣ монетъ, какъ Русскихъ, такъ и Византійскихъ, по тому оно нѣсколько расходится съ тѣмъ, которое онъ представляетъ, опредѣляя гривну въ $2^{11}/_{12}$ солида Византійскаго; если же мы примемъ это послѣднее опредѣленіе, основанное имъ, главнымъ образомъ, на вѣсѣ гривны, то мы найдемъ, по выше указанному отношенію солида Византійскаго къ Франкскому, что наша гривна равнялась 3 солид. Салическихъ Франковъ. Такимъ образомъ указанныя цифры нѣсколько измѣнятся, такъ что 40 гривенъ будутъ равняться 120 солид., а 80 гривенъ 240 сол.; впрочемъ, это нисколько не колеблетъ, а, напротивъ того, еще болѣе подтверждаетъ сдѣланный нами выводъ, что вира являлась пеней весьма крупной, соотвѣтствующей столь же значительнымъ взысканіямъ въ законѣ Салическомъ. Вычисленіе, сдѣланное нами, нѣсколько доступнѣе, нежели сдѣланное Г. Прозоровскимъ, хотя, безъ сомнѣнія, страдаетъ неточностію. Такъ какъ мы видѣли, что размѣръ этой неточности не особенно великъ и не имѣетъ значенія при приблизительномъ вычисленіи, то и полагали возможнымъ оставить оба эти вычисленія.

виръ, необходимо имѣть въ виду личность убитаго, Правда не обращаетъ вниманія на степень преступности воли при томъ, или другомъ, убійствѣ; въ наказаніе со степенью злонамѣренности преступника, какія мы видѣли въ Салическомъ законѣ, она заботится только о личности жертвы преступленія по тому положенію, которое она имѣла въ обществѣ, и назначаетъ самое наказаніе. Такимъ образомъ наказаніе сообразуется не съ большей, или меньшей, преступностью, но съ общественнымъ положеніемъ убитаго. Отъ того мы встрѣчаемъ въ Правдѣ такое явленіе, особенно бросающееся въ глаза послѣ изученія законовъ Салическихъ, что за убійство женщины платилось полвиры, т. е., 20 грив. [92] тогда какъ въ законѣ Салическомъ убійство женщины наказывалось значительно строже, въ виду ея относительной слабости и неспособности охранять себя собственными силами; у насъ за ея убійство назначалось въ половину менѣе, по тому что ея положеніе въ обществѣ было ниже мущины. Другого вывода изъ этой статьи сдѣлать нельзя. Хотя нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей и доказываютъ, что общественное положеніе женщины въ томъ періодѣ было высокое, уважаемое, чего мы отрицать не будемъ, но несомнѣнно и то, что по этой статьѣ она поставлена ниже мущины. Говоря о различіи виръ, намъ необходимо будетъ сказать нѣсколько словъ о разрядахъ лицъ, за которыя Правда назначаетъ ту, или другую, виру. Статья 1-я, преимущественно указывающая на это различіе по пенямъ, не представляетъ существенныхъ разнословій за исключеніемъ развѣ списка Академическаго, который установляетъ однообразную пеню въ 40 грив. для всѣхъ, хотя и перечисляетъ почти тѣхъ же лицъ, какъ и другіе списки.

По списку Троицкому, согласно съ прочими редакціями, показано, что должно «положити за голову 80 гривнъ; аче будеть княжь мужь, или тиуна княжа; аще ли будеть русинъ, или гредь, либо купець, либо тивупъ бояринъ, либо мечникъ, либо изгой, ли словѣнинъ, то 40 гривенъ положити за нь.»

Въ этомъ перечисленіи лицъ, за убійство которыхъ назначается пеня въ 40 грив., пропущены, указанные въ другихъ спискахъ, «горожанинъ» и «ябетникъ.» Въ первой группѣ лицъ, на которой мы сперва остановимся, мы находимъ только два общихъ наимено-

---

[92] «Аже кто убиеть жену, то тѣмъ же судомъ судити яко же будеть виновать то полторы 20 гривенъ.» Ст. 85 по Троицкому списку.

ванія лицъ съ прибавленіемъ прилагательнаго «княжь» изъ этой прибавки видно, что это были лица, приближенныя къ Князю, входящія въ составъ его дружины. Такимъ образомъ высшая пеня назначалась по этой статьѣ только за убійство Княжескихъ дружинниковъ,—явленіе, вполнѣ сходное съ тѣмъ, что мы видѣли въ Салическомъ законѣ, и легко объясняемое тѣмъ обстоятельствомъ, что Князь, или Король, на Западѣ особенно стремился обезпечить безопасность своихъ приближенныхъ. Далѣе мы находимъ еще нѣсколько статей, которыя упоминаютъ объ этой высшей пенѣ: «а въ подъѣздномъ княжи 80 грив.» (ст. 76с водн. текста Калачова); «а въ княжи тивунѣ 80 грив.»—постановленіе, которое служитъ какъ бы подтвержденіемъ указаннаго въ первой статьѣ; «а конюхъ старый у стада 80 грив., яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьци» (ст. 77 текста Калачова); въ этомъ случаѣ, послѣ указанія нормы наказанія, приведенъ и примѣръ изъ судебной практики Великаго Князя Изяслава.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ возвышается пеня въ слѣдствіе того, что составляетъ характеристическую обязанность, какъ нашей Правды, такъ и Салическаго закона. Но въ Правдѣ мы встрѣчаемъ еще одно постановленіе, находящееся въ самой древней ея редакціи (ст. 18 Академ. списка): «аще оубьютъ огнищанина въ обиду, то платити за нь 80 грив. оубійци, а людемъ не надобѣ,» которое составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила. Статья эта имѣла въ виду огнищанъ разрядъ лицъ до настоящаго времени точно не опредѣленный. Въ виду недостаточности данныхъ, токрытыхъ до настоящаго времени, трудно сказать что ни будь положительное объ этомъ разрядѣ лицъ, такъ какъ всегда представляется опасность слишкомъ искуственно толковать неизвѣстное слово.[93]

---

[3] Нагляднный примѣръ такого искуственнаго объясненія нѣкоторыхъ терминовъ Правды даетъ намъ, занимавшій такъ долго нашихъ изслѣдователей, вопросъ объ Изгояхъ; предлагались самыя искуственныя предположенія для объясненія этого слова: производили его изъ Нѣмецкаго, какъ искаженное выраженіе «aus dem Gau» (Морошкинъ производилъ его отъ Готскаго uss-gauja), открывали новыя волости (Болтинъ стр. 8, 9), носящія это названіе «Изгои,» и т. п., и за тѣмъ вся эта литература, стремящаяся выяснить дѣйствительный смыслъ сего выраженія, оказалась безполезною, даже вызываетъ улыбку со стороны позднѣйшаго изслѣдователя со времени открытія извѣстной статьи объ изгойствѣ въ Уставѣ Князя Всеволода, о которомъ мы еще будемъ говорить. См. Архивъ

Изъ существующихъ по этому поводу предположеній мы считаемъ наиболѣе правдоподобнымъ преположеніе Профессора Бѣляева, который полагалъ, что Огнищане составляли высшій слой земцевъ, т. е., лицъ, сидящихъ на землѣ, не составляющихъ части Княжеской дружины. Принявъ это мнѣніе, ставящее Огнищанъ на одну степень съ тѣми «лучшими, вячшими мужами,» о которыхъ говорятъ иногда лѣтописи, [94] мы находимъ, что по Правдѣ этотъ разрядъ занимаетъ болѣе высокое положеніе, чѣмъ другіе разряды земцевъ: за убійство Огнищанина платится высшая, двойная вира, которая, какъ мы видѣли, полагалась только за Княжихъ мужей. Прибавка, что убійство совершено «въ обиду», вліяетъ не на величину виры, а только на отношеніе къ платежу виры самаго преступника.

Дѣло совершенія убійства «въ обиду» лишало убійцу права получать помощь въ платежѣ виры отъ своей верви; разбираемая статья говоритъ: «то платити дань 80 гривенъ оубійци, а людямъ не надобѣ.»

Значеніе этого термина «оубьютъ въ обиду» несовершенно ясно: въ спискѣ Академическомъ убійство «въ обиду» противополагается убійству «въ разбоѣ» хотя трудно сказать, въ какомъ отношеніи поставлены эти два вида убійства.

Статья 19 говоритъ: «а иже оубьютъ огнищанина въ разбои, или оубійца не ищють: то вирное платити, въ ней же вири голова начнеть лежати.» Въ спискѣ Троицкомъ статья эта повторяется, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: «аже кто оубіеть княжа мужа въ разбои, а головника не ищють (выраженіе это болѣе правильно, чѣмъ то, которое находится въ спискѣ Академическомъ): то виревную платити, въ чьей же верви голова лежить, то 80 гривенъ; покилъ людинъ, то 40 гривенъ.» Значеніе этихъ статей можно вполнѣ объяснить только при разсмотрѣніи понятія изначенія верви, чѣмъ мы займемся нѣсколько ниже. Все различіе, замѣчаемое въ постановленіяхъ объ убійствѣ «въ обиду» и «въ разбоѣ» зависитъ отъ значенія тѣхъ полицейскихъ обязанностей, которыя разложены на вервь: при убійствѣ «въ раз-

историко-юридическихъ свѣдѣній Калачова 1850 г. кн. I и II. Этотъ случай невольно заставляетъ всякаго изслѣдователя Русской Правды быть крайне осторожнымъ въ своихъ выводахъ и предположеніяхъ.

[94] Вѣче и Князь, стр. 33 и слѣд.

боѣ вервь обязана была уплатить виру, какъ бы за дурное выполненіе своихъ обязанностей, за то, что она допустила совершеніе убійства въ предѣлахъ ея области и за тѣмъ не можетъ даже найти виновника этого преступленія.[95]

---

[95] Здѣсь мы не можемъ не упомянуть о другомъ возможномъ раздѣленіи преступленій, которое мы считаемъ весьма правдоподобнымъ, но боимся усвоить, такъ какъ оно основано главнымъ образомъ на совершенно своеобразномъ объясненіи разбоя, понятіе котораго весьма сбивчиво, какъ въ источникахъ древнѣйшихъ, такъ въ особенности въ источникахъ времени Судебниковъ и позже. Слову разбой давалъ Проф. И. Д. Бѣляевъ вполнѣ своеобразное объясненіе: онъ полагалъ, что это понятіе тѣсно связано съ правомъ мести: лицо, потерпѣвшее какое ни будь нестерпимое оскорбленіе, созывало, по его словамъ, своихъ родственниковъ и пріятелей, и съ ними нападало на домъ оскорбителя, гдѣ они били и колотили все, что попадало подъ руку; если при этомъ совершалось убійство, то оно и называлось убійствомъ въ разбоѣ. Въ пользу этого толкованія слова «р а з б о й» можно привести нѣсколько доводовъ: 1. Самый первоначальный смыслъ этого слова и его происхожденіе отъ одного корня съ глаголомъ «б и т ь». 2. Сопоставленіе статей 18, 19 и 20-й списка Академическаго: первая изъ этихъ статей говоритъ объ убійствѣ «въ обиду,» когда вервь не отвѣчаетъ за убійцу и не помогаетъ платить ему виры; убійство въ «обиду» можно признать убійствомъ безъ всякаго повода со стороны убитаго; ему противупоставляется въ ст. 19 убійство изъ мести, т. е., убійство въ разбоѣ, когда предполагается, что вервь, быть можетъ, не желаетъ выдать убійцу; слѣдовательно, здѣсь убійство въ разбоѣ является убійствомъ, вызваннымъ самимъ убитымъ, хотя можетъ быть, съ точки зрѣнія права, поводъ къ убійству не былъ достаточенъ въ этомъ случаѣ; наконецъ 20-я статья указываетъ на вполнѣ достаточный поводъ къ убійству, которое считается потому безнаказаннымъ—это убійство на татьбѣ. 3. Однимъ ихъ лучшихъ доказательствъ въ пользу выше приведеннаго объясненія слова «разбой» служитъ статья 5-я Троицкаго списка: статья эта говоритъ о разбоѣ «безъ всякоя свады,» и установляетъ за такой разбой особенно суровое наказаніе; говоря о разбоѣ безъ свады, статья эта указываетъ на существованіе какого-то другого разбоя «по свадѣ,» т. е., разбоя въ видѣ мести за какое ни будь оскорбленіе. Весьма большое сходство съ нашимъ убійствомъ въ разбоѣ въ выше приведенномъ значеніи имѣетъ «homicidium a contubernio factum» Салическаго закона. У Салическихъ Франковъ подобное нападеніе на чужой домъ «collecto contubernio» (собравъ ватагу пріятелей), первоначально имѣющее исключительно характеръ мести, постепенно выродилось и сдѣлалось просто нападеніемъ съ цѣлью грабежа, тѣмъ, что Правда называетъ разбоемъ «безъ всякой свады.» Салическій законъ весьма наглядно описываетъ, какъ мы уже приводили, случай подобнаго нападенія на чужой домъ («in villa aliena»), и не дѣлаетъ при этомъ никакого различія въ томъ, имѣло ли это нападеніе поводомъ какое ни будь дѣйствіе со стороны лица пострадавшаго, или было оно совершено исключительно съ цѣлью грабежа.

Такимъ образомъ, въ случаѣ разбоя вира, платимая притомъ смотря по лицу убитаго (за Княжа мужа 80 гр., за людина 40, гр.), являлась пеней, налагаемой на вервь за неисполненіе ею своихъ обязанностей. Если же разбойникъ находился, то вервь избавлялась отъ всякой отвѣтственности: «за разбойника люди не платять, но выдадять и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе.» Разбойника вервь не должна была терпѣть въ своей средѣ, и выдавала его по этой статьѣ на потокъ и домъ его на разграбленіе; объ особенностяхъ этого наказанія мы будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ, разбирая постановленіе о поджогѣ и о «коневомъ татѣ.» Убійство «въ разбой» противопоставляется убійству «въ обиду» въ томъ отношеніи, что это вто-

---

Это нераздѣленіе двухъ видовъ: «contubernium» имѣетъ, по нашему мнѣнію, цѣль прекратить частное самоуправство, которое Lex Salica желаетъ, по возможности, искоренить. Съ другой стороны, въ виду постановленія § 3 главы 69 Legis emendatae («Si quis caput hominis, quod inimicus suus in palo miserit, sine permissu judicis, aut illius, qui id ibi posuit, tollere praesumpserit, DC. dinarios, qui faciunt solidos XV, culpabilis judicetur»), о которомъ мы уже упоминали, мы полагаемъ, что, въ случаѣ убійства «a contubernio,» совершеннаго изъ законнаго мщенія, убійца имѣлъ средство уклониться отъ отвѣтственности тою выставкою головы убитаго на шестѣ, о которой говоритъ выше указанная статья.

Принимая подобное объясненіе слова «разбой,» мы имѣемъ возможность объяснить ту двойственность выраженія «а головника не мщють,» находящагося въ статьѣ о разбоѣ (ст. 3, Троицкаго списка). Русская Правда тѣмъ самымъ какъ бы предоставляетъ на судъ самой верви выдать, или не выдать, убійцу; и дѣйствительно, весьма возможенъ былъ случай невыдачи такого преступника, который, по мнѣнію верви, дѣйствовалъ вполнѣ справедливо, законно, мстя за нанесенное ему оскорбленіе. Всѣ преступленія распадутся тогда на три вида, различные по наказуемости. Къ 1-му отнесены будутъ разбой въ объясненномъ значеніи, когда, если вервь не указывала преступника, онъ могъ платить только свою часть дикой виры, освобождаясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ (хотя и весьма рѣдкихъ) отъ уплаты головничества; убійство въ свадѣ и убійство на пиру явлено (по отношенію къ объясненію этого слова мы вполнѣ присоединяемся къ толкованію Г. Ланге стр. 116), когда вервь всегда помогала убійцѣ платить виру. Вторымъ видомъ убійства будетъ убійство «въ обидоу», т. е., безъ всякаго повода со стороны убитаго, и 3-е убійство, въ разбоѣ «безъ всякія свады,» влекущее за собою особенно строгое наказаніе. Отъ этого дѣленія преступленій по Правдѣ, которое мы первоначально хотѣли принять, какъ объясняющее многія непонятныя мѣста Правды, между прочимъ и выраженія «безъ всякія свады,» которыя иначе весьма трудно объяснимы, мы принуждены были отказаться главнымъ образомъ въ слѣдствіе изученія значенія верви.

рое, по предположенію Правды, вервь предусмотрѣть не могла, и по тому и не отвѣчаетъ за него; убійство «въ обиду» не составляетъ промысла, какъ это можно предположить относительно разбоя, но представляетъ за то убійство предумышленное. Эти два оттѣнка убійства «въ обиду» имѣютъ то вліяніе на его наказуемость, что, съ одной стороны, наказаніе преступника значительно легче наказанія разбойника; съ другой же стороны вира налагается на одного убійцу, безъ помощи со стороны верви, въ виду того, что убійство совершено съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и является болѣе преступнымъ. Убійство «въ обиду» можно признать преступленіемъ, совершеннымъ умышленно и обдуманно, но, по всей вѣроятности, безъ корыстнаго намѣренія; отчасти на это указываетъ и самое названіе этого рода убійства убійствомъ «въ обиду,» т. е., какъ бы съ частною цѣлью нанести этимъ неизгладимое оскорбленіе кому ни будь, на примѣръ, родственникамъ убитаго. Очень можетъ быть, что это было иногда убійствомъ изъ мести, и въ такомъ случаѣ болѣе строгое преслѣдованіе виновнаго объясняется стремленіемъ закона подавить частное самоуправство.

Высшая вира въ 80 гривенъ назначалась по Русской Правдѣ «за всѣхъ Княжихъ мужей,» т. е., членовъ старшей дружины Князя, какъ тіуновъ, конюшихъ и т. п., а за огнищанъ, или Бояръ, какъ они называются въ другихъ, особенно нѣсколько позднѣйшихъ, спискахъ, т. е., лицъ высшаго сословія изъ земщины. Разсмотрѣвъ этихъ лицъ привилегированныхъ, личность которыхъ была оцѣнена вдвое выше, чѣмъ личность всякаго свободнаго, мы коснемся тѣхъ разрядовъ, которые, находясь на низшей ступени въ обществѣ, пользуются значительно меньшей пеней въ случаѣ ихъ убійства. За тѣмъ всѣ остальныя лица, которыя не подойдутъ подъ одинъ изъ этихъ разрядовъ, отнесены по Правдѣ къ нормальной вирѣ въ 40 гривенъ, такъ что эта послѣдняя вира платится всегда, когда убитый не принадлежитъ ни къ низшимъ разрядамъ, обладающимъ наименьшими правами, ни къ привилегированнымъ. Меньшая пеня за убійство опредѣлена по Правдѣ въ 5 гривенъ (одна восьмая полной виры). Она слѣдуетъ за убійство рядовича и за убійство смерда. Эти лица принадлежали къ разряду земледѣльцевъ, но, какъ намъ кажется, они рѣзко отличались другъ отъ друга. О смердѣ мы имѣемъ довольно опредѣленное понятіе по тѣмъ постановленіямъ, которыя до насъ дошли: въ древнѣйшемъ Академическомъ спискѣ мы имѣемъ двѣ статьи чисто уголовнаго свойства, относящіяся къ смерду; статья 23:

«А въ смердѣ и въ холопѣ 5 грив.», и статья 31: «или смердъ оумучить, а безъ Княжа слова, за обиду три гривны.» Изъ этихъ двухъ статей, которыя повторяются во всѣхъ главныхъ редакціяхъ Правды, особенно важна вторая, которая указываетъ на безусловную зависимость смерда отъ Князя; добавка: «а безъ Княжа слова» прямо доказываетъ, что «по Княжу слову» смердъ могъ быть мученъ и подвергаемъ тѣлесному наказанію. Въ спискѣ Троицкомъ мы встрѣчаемъ статью о наслѣдствѣ смерда, которая еще болѣе подтверждаетъ выше указанное мнѣніе, что смердъ находился въ полной зависимости отъ Князя: «Аще смердъ умреть, то заднюцу Князю; аже будуть дщери оу него дома, то часть даяти на нѣ; аже будуть замужемъ, то не даяти части имъ.» Постановленіе это кажется крайне страннымъ, если не принять въ расчетъ, что смердъ былъ лицомъ вполнѣ безкапитальнымъ, у котораго ничего не было своего, такъ что и соха, борона и тому под. земледѣльческія орудія, которыми онъ обработывалъ землю, принадлежали Князю. Сравнительно съ этимъ, вполнѣ зависимымъ положеніемъ смерда, сидящаго на Княжеской землѣ и обработывающаго ее Княжескими орудіями, положеніе рядовича и даже ролейнаго закупа, о которомъ мы должны будемъ сказать нѣсколько словъ, было значительно выше и лучше. О первомъ т. е., о рядовичѣ, мы не имѣемъ почти никакихъ указаній въ Правдѣ, хотя, на основаніи нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, мы считаемъ возможнымъ признать рядовичей за свободныхъ крестьянъ, составляющихъ опредѣленныя общины, сидящія или на своихъ земляхъ, или на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ, по ряду съ послѣдними. Членами этихъ союзовъ, связанными круговою порукою, могли быть только люди, обладающіе хоть кое-какими средствами; лица безкапитальнаго не приняла бы и община, особенно въ виду круговой поруки членовъ ея, и по тому положеніе рядовича является для смерда идеаломъ, часто весьма трудно достижимымъ. Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ смердовъ вообще сельскими обывателями, на пр., Проф. Бестужевъ-Рюминъ[96] приводитъ при-

---

[96] Русская Исторія. С.-Петерб., 1872 г., стр. 213. «Нѣсть мене лѣпо судити Епископу, ли Игуменомъ, смердомъ,» отвѣтъ, данный Олегомъ Святополку и Мономаху на ихъ приглашеніе положить «порядъ о Русьстей земли» предъ духовенствомъ, «мужи отець нашихъ и предъ людьми городьими.» Сюда же относитъ Проф. Бестужевъ-Рюминъ и знаменитое воззваніе Владимира Мономаха къ Святополку о походѣ на Половцевъ.

мѣры употребленія слова «смердъ» именно въ этомъ смыслѣ; очень можетъ быть, что это слово дѣйствительно употреблялось или въ смыслѣ презрительномъ, какъ это дѣлаетъ Олегъ, отождествляя понятіе смерда съ понятіемъ всей земли, т. е., всѣхъ разрядовъ земцевъ, или, какъ это видно изъ воззванія Мономаха, въ смыслѣ, обозначающемъ понятіе всего земледѣльческаго сословія. Вѣроятно, этотъ смыслъ слова «смердъ» имѣлъ въ виду и нашъ изслѣдователь Калачовъ, причисляя смердовъ вообще къ лицамъ свободнымъ (стр. 78). Намъ кажется, что разбираемое выраженіе, по тексту Правды, имѣетъ исключительно выше указанное значеніе земледѣльцевъ, сидящихъ на частныхъ Княжескихъ земляхъ. Положеніе смерда по Правдѣ хуже, нежели даже положеніе ролейнаго закупа. Объ этихъ послѣднихъ ничего не упоминаетъ Правда по поводу убійства, хотя, судя по статьямъ о закупѣ,[97] въ случаѣ убійства его, вѣроятно, дѣйствовало правило: «яко же въ свободнѣмъ платежъ, тако же и въ закупѣ» (ролейнымъ)[98] является земледѣлецъ, не обладающій собственнымъ участкомъ и нанимающійся работать за извѣстную плату на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ.

Часть платы при этомъ выдавалась на руки закупу впередъ (ст. 105 Троицк. сп.), и закупъ находился, въ слѣдствіе этого, въ извѣстной зависимости отъ своего господина и какъ бы состоялъ ему должникомъ. Правда особенно заботится, чтобы господинъ не злоупотреблялъ своею матеріяльною властью надъ закупомъ, и въ особенности не могъ обратить его въ рабство. Съ другой стороны Правда стремится обезпечить и господина отъ всякихъ, клонящихся къ его невыгодѣ, поступковъ закупа. Такъ, если бы закупъ, забравъ взятыя впередъ деньги, бѣжалъ, какъ это въ наше время иногда дѣлаютъ крестьяне, нанимающіеся по договору обработать поля какого ни будь землевладѣльца, то, по статьѣ 52 Троицк. сп., «обѣль», т. е., онъ обращается въ полнаго холопа: Если закупъ портилъ, или, по своей небрежности, утрачивалъ какое либо земледѣльческое орудіе, или земледѣльческій скотъ, ко-

---

[97] Ст. 52—55 и 57 Троицкаго списка.

[98] Хотя статьи 52—55, 57 Академическаго списка говорятъ только о ролейныхъ закупахъ, но и другого рода закупы, конечно, существовали въ это время, напр., скотники, или конюхи, какъ о томъ можно заключить изъ статьи 53, 54, а въ особенности изъ ст. 105, подъ которую будетъ прямо подходить «Боярскій Тіунъ (дворскій), привязавшій ключъ съ рядомъ.»

тораго онъ не загналъ во дворъ съ поля, то онъ долженъ былъ вознаградить господину эту утрату (ст. 53, 54 Троиц. списка). Если бы, однако, господинъ послалъ ролейнаго закупа, т. е., собственно земледѣльческаго работника, на какую ни будь работу, ему несвойственную, на пр., ухаживать за воинскимъ конемъ, и закупъ испортилъ коня, то законъ считаетъ его невиноватымъ и освобождаетъ его отъ всякой отвѣтственности, равно какъ и въ случаѣ кражи скота изъ хлѣба. Въ обезпеченіе закупа отъ произвола хозяина ему предоставлено право иска въ случаѣ, если бы господинъ не отдалъ ему условленной платы, или взялъ часть выданной впередъ обратно;[99] за тѣмъ, если господинъ продавалъ закупа, какъ обѣльнаго холопа, «то наймиту свобода во всѣхъ купахъ,» т. е., закупъ освобождался отъ обязанности отслужить тотъ срокъ, за который онъ взялъ деньги впередъ, «а господину за обиду платить 12 гривенъ продажѣ.» Законъ старается оградить личность закупа даже отъ личныхъ оскорбленій, которымъ онъ могъ быть особенно часто подвергаемъ со стороны хозяина, которому было предоставлено право тѣлеснаго наказанія: по ст. 55 даже «господинъ бьеть закупа про дѣла, то безъ вины есть; биеть ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то яко же въ свободнѣмъ платежь, тако же и въ закупѣ.»[100] Это постановленіе ставитъ, по крайней мѣрѣ, de jure, закупа выше смерда, котораго могли бить «по Княжу слову,» сколько угодно, безъ всякой отвѣтственности. Такимъ образомъ закупы, которые занимали какъ бы переходную ступень къ рабамъ, пользовались почти всѣми правами свободныхъ, за исключеніемъ случая воровства,[101] и по тому, по отноше-

---

[99] Въ этомъ послѣднемъ случаѣ господинъ даже платилъ «за обиду» три гривны продажи;» см. ст. 55 Троицкаго списка.

[100] De facto закупъ, разумѣется, весьма рѣдко могъ пользоваться этимъ своимъ правомъ, по тому что ему весьма трудно было бы пріискать необходимыхъ свидѣтелей; холопы не могли быть свидѣтелями («а послушьства на холопа не складають; но оже не будеть свободного, но по нужи сложите на боярска тіуна, на инѣхъ не складывати») (ст. 59 Троицк. списка), и закупъ хотя и могъ быть свидѣтелемъ въ «малѣ тяжѣ» («а въ малѣ тяжѣ по нужи возложити на закупа,» ст. 59 Троицк. сп.), но трудно предположить, чтобы онъ сталъ свидѣтельствовать противъ своего хозяина, отъ котораго онъ находится въ значительной зависимости; такъ что на самомъ дѣлѣ право, предоставляемое закупу жаловаться на побои пьянаго хозяина, едва ли когда ни будь могло быть осуществимо.

[101] При воровствѣ закупа виновный закупъ обращался въ холопа обѣльнаго,

нію къ убійству, закупы имѣли тѣ же права, какими они обладали бы, находясь въ положеніи вполнѣ независимомъ. Совершенно иное видимъ мы по отношенію къ «рабамъ,» или, такъ называемымъ, «холопамъ обѣльнымъ.» На этомъ вопросѣ мы считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько больше, по тому что въ нашей ученой литературѣ встрѣчается по этому вопросу довольно странное мнѣніе, высказанное въ первый разъ, кажется, Г. Ланге, что за убійство холопа платилась до временъ Мономаха полная вира.

Это мнѣніе заслуживаетъ тѣмъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, что оно высказано со всѣми учеными пріемами, дающими ему значеніе въ глазахъ лица, мало знакомаго съ памятниками. Г. Ланге называетъ общимъ именемъ «людинъ» (стр. 56 и слѣд.) всѣ низшія сословія, и раздѣляетъ ихъ на свободныхъ и не свободныхъ, причисляя къ первымъ смердовъ, ко вторымъ закуповъ и холоповъ. При этомъ онъ предусматриваетъ возраженіе, естественно возникающее при сравненіи статей 3 и 13 Троицкаго списка, и предупреждаетъ его, объясняя, что тѣ 5 гривенъ, о которыхъ говоритъ статья 13, составляютъ только уголовничество по отношенію къ смерду и «урокъ» по отношенію къ рабамъ, но что, какъ за смердовъ, такъ и за рабовъ, платилась до Владимира Мономаха сверхъ того сорокагривенная вира Князю. Въ подтвержденіе этого Г. Ланге приводитъ три основанія: 1. Если за кражу холопа Князь получалъ 12 гривенъ продажи, то тѣмъ болѣе должна была существовать «вира» или «продажа» за его убійство. 2 За умерщвленіе холопа до Владимира Мономаха назначалась именно вира, по тому что законъ прямо упоминаетъ о Тіунѣ Боярскомъ, за котораго платилась полная вира и который, между тѣмъ, могъ быть и холопомъ по статьѣ о 3 холопствѣ обѣльномъ [102] и 3 объ отмѣнѣ за убійство холопа виры и назначеніе вмѣсто нея «продажи» положительно упоминается въ постановленіяхъ Мономаха, именно: «а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть,» т. е., въ смыслѣ да не будетъ впередъ, а не въ томъ значеніи, какъ до сихъ поръ принимаютъ, будто бы для холоповъ виръ вовсе и не существовало.» Первое замѣчаніе Г. Ланге не имѣетъ никакого существеннаго значенія, по тому что никто никогда и не думалъ утверждать, что,

---

если господинъ платитъ за него слѣдующую пеню; при этомъ законъ прямо указываетъ, что господинъ можетъ продать закупа, пойманнаго въ воровствѣ.

[102] Статья 105 Троицкаго списка: «А се третье холопство—тівунство безъ ряду».

въ случаѣ убійства холопа, не взималась, «продажа,» хотя, какъ мы и постараемся доказать, и не во всѣхъ случаяхъ. Второе его доказательство, основанное на статьѣ о Тіунѣ Боярскомъ, легче можетъ ввести въ заблужденіе. Дѣйствительно, какъ мы видѣли изъ приводимой Г. Ланге статьи, Тіунъ Боярскій могъ быть холопомъ обѣльнымъ, если онъ занималъ мѣсто Тіуна «б зъ ряду.» Но Тіунъ такого рода, т. е., холопъ былъ только довѣреннымъ слугою, но не пользовался никакими особенными правами по закону. Въ одномъ случаѣ, когда Правда говоритъ о послушествѣ, она упоминаетъ о Тіунѣ Боярскомъ,[103] но Тіунъ этотъ, безъ сомнѣнія, такое лицо, которое вступило въ эту должность съ рядомъ, какъ то свидѣтельствуетъ конецъ 104 статьи Троицкаго списка, такъ какъ начало этой статьи зачисляетъ, безъ всякихъ оговорокъ, въ полное холопство людей, принявшихъ эту должность безъ ряда. Тіунъ, вступившій въ должность къ Боярину «съ рядомъ» (ключникъ или дворецкій позднѣйшаго времени) состоялъ въ положеніи закупа (ст. 105 Троицкаго списка) и, слѣдовательно, вполнѣ естественно могъ свидѣтельствовать по ст. 59 «по нужи,» т. е., при отсутствіи вполнѣ свободнаго. Если конецъ этой статьи допускаетъ закупа (ролейнаго) къ свидѣтельству только въ «малѣ тяжѣ,» то Тіунъ Боярскій могъ быть свидѣтелемъ во всякой тяжбѣ, что обусловливалось его болѣе привилегированнымъ положеніемъ въ домѣ господина, сравнительно съ земледѣльческимъ работникомъ. Хотя это постановленіе относится къ, такъ называемой, Правдѣ Владимира Мономаха, но, безъ сомнѣнія, оно дѣйствовало и до Владимира Мономаха, такъ какъ и первоначальная Правда Ярослава и его сыновей знаетъ учрежденіе послуховъ. Такимъ образомъ мы считаемъ возможнымъ утверждать, что Тіунъ Боярскій «безъ ряду» стоялъ на одной ступени съ простымъ холопомъ, чего, впрочемъ, не отрицаетъ и Г. Ланге. За холопа же не могла взыскиваться вира, какъ за свободнаго человѣка, и во время Ярослава, такъ же какъ и при его сыновьяхъ, хотя мы не имѣемъ прямыхъ указаній на это въ законѣ. Въ Правдѣ мы встрѣчаемъ указаніе на постановленіе самаго Ярослава, что рабъ, ударившій свободнаго, могъ быть убитымъ всюду, гдѣ бы его ни нашелъ оскорбленный

---

[103] «А послушьства на холопѣ не складають, но оже не будеть свободного, но по нужи сложити на боярска тивуна, а на иныхъ не складывати.» Ст. 59 Троицкаго списка.

(ст. 58 Троицк. списка); мало того даже укрывательство такого раба со стороны его господина влекло взысканіе съ этого послѣдняго въ 12 гривенъ. Можно ли послѣ этого имѣть какое либо сомнѣніе относительно неплатежа виры за убійство вора? Лицо, которое хозяинъ могъ убить, не отдавая въ этомъ никому отчета, вполнѣ безнаказанно, которое могъ убить даже всякій посторонній, если бы онъ осмѣлился поднять на него руку, естественно не можетъ быть поставлено по отношенію къ пени, платимой за убійство, на одну доску съ лицомъ полноправнымъ, за которое, даже въ случаяхъ убійства изъ мщенія, т. е., вызваннаго имъ самимъ, или убійства въ ссорѣ, въ дракѣ и т. п., платилась полная вира. Г. Ланге указываетъ, «что древній Русскій холопъ не совсѣмъ одно и то же, что «servus» у Римлянъ,» и видитъ различіе главнымъ образомъ въ этой недоказанной сорокагривенной вирѣ за убійство и за тѣмъ въ способахъ пріобрѣтенія рабовъ. [104] Правда приводитъ два особенныхъ способа обращенія въ рабство, неизвѣстныхъ Римскому праву, которые, однако, не даютъ никакого повода заключать, что по закону положеніе рабовъ было у насъ лучше: во 1, тіунство безъ ряду или поступленіе въ ключники (ст. 104 Троицк. сп.) обращало свободнаго человѣка въ раба, и во 2, по словамъ Правды: «а се второе холопьство: поиметь рабу безъ ряду» (ст. Тр. сп.) [105] За тѣмъ всѣ остальные способы

---

[104] При этомъ Г. Ланге высказываетъ ту мысль, что право владѣть холопами имѣли будто бы только Князья, Бояре и монастыри, основываясь на ст. 42-й Троицк. списка, гдѣ упоминаются: «холопи княжи, боярьстии, чернечи.» Намъ кажется, что эта статья вовсе не даетъ права вывести такое заключеніе, такъ какъ въ ней приведены наименованія различныхъ холоповъ только въ видѣ примѣра, какъ это часто дѣлается въ Русской Правдѣ. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ говорится просто о господинѣ раба, никогда не опредѣляя ближе, что разумѣется подъ этимъ названіемъ. Въ указываемой Г. Ланге статьѣ 92-й Троицк. сп. «аже будуть рабьи дѣти оу мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ съ матерью,» слово «мужъ» употреблено въ генерическомъ смыслѣ, т. е., въ противуположность женѣ. Дѣйствительно, это постановленіе о дѣтяхъ рабовъ отъ господина болѣе человѣколюбиво и снисходительно, чѣмъ суровыя правила о рабахъ, дѣйствовавшія въ Римскомъ правѣ, но это, какъ мы постараемся доказать, только единственный случай, гдѣ нашъ законъ оказываетъ такую льготу рабамъ, которая была не извѣстна Западнымъ законодательствамъ, основаннымъ на Юстиніяновомъ кодексѣ.

[105] Нѣчто подобное устанавляетъ Senatus consultum Claudianum въ случаѣ, если свободная выходила за мужъ за чужого раба безъ согласія его господина—

установленія холопства по Правдѣ: купля, продажа (emtio, venditio) и рожденіе отъ рабыни (partus sequitur utero),[106] ни сколько не отличаются отъ подобныхъ же способовъ установленія рабства по Римскому праву. Изъ всѣхъ памятниковъ нашей древнѣйшей исторіи мы видимъ, что невольники разсматривались въ древней Руси вполнѣ, какъ товаръ, т. е., какъ вещи. Такъ мы знаемъ, что одною изъ главныхъ статей торговли Русскихъ съ Греками были рабы.[107] Наконецъ мы видимъ и въ самой Правдѣ, въ ея постановленіяхъ о холопствѣ, много правилъ, положительно сходныхъ съ аналогическими постановленіями Римскаго права; таковы, на пр. постановленія Правды о кражѣ, совершенной рабомъ, въ основѣ вполнѣ согласныя съ правилами объ извѣстныхъ «actiones noxales» Римскаго права; тоже замѣчаемъ мы и по отношенію къ другимъ постановленіямъ Правды о гражданскихъ отношеніяхъ рабовъ, въ случаѣ сдѣланныхъ ими займовъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, положеніе нашихъ холоповъ ни сколько не отличалось, если только не имѣть въ виду постановленіе о дѣтяхъ рабыни отъ свободнаго ея хозяина, по праву отъ положенія Римскаго «servus,» хотя, можетъ быть, на дѣлѣ положеніе нашего раба было нѣсколько лучше. На основаніи всего выше сказаннаго мы считаемъ возможнымъ заключить, что, съ одной стороны, Тіунъ Боярскій «безъ ряду» стоялъ на одной ступени со всѣми рабами наравнѣ и съ другой стороны всѣ холопы стояли на степени товара, вещи, какъ это было и по Римскому праву. А по этому мы полагаемъ, что статья 1, говоря о Тіунѣ Боярскомъ, имѣла въ виду Тіуна исключительно въ случаѣ ряда, т. е., когда этотъ Тіунъ былъ свободный, и

«безъ ряду;» Различіе этихъ двухъ постановленій лежитъ въ различныхъ юридическихъ воззрѣніяхъ двухъ этихъ законодательствъ на состояніе лицъ; при томъ мысль, выраженная въ законѣ Клавдія, едва ли могла прійти въ голову нашему законодателю въ эту пору по той простой причинѣ, что у насъ трудно предположить возможность подобнаго случая, такъ какъ женщины на дѣлѣ вовсе не пользовались у насъ такою самостоятельностью, какъ въ Римѣ въ пору Императоровъ; наконецъ мы и не можемъ предположить въ нашей полудикой Россіи той развращенности, которая въ пору разложенія Римской Монархіи обусловливала подобныя связи.

[106] Военный плѣнъ, не упомянутый въ Правдѣ, и не платежъ долговъ, одинаково, какъ и въ Римскомъ правѣ, могли установить у насъ рабство.

[107] L'empire Greque X siécle. Constantin Porphyrogénète par Alfred Rambaud. Paris, 1870, page 386.

что вообще за раба никогда не платилось виры. Самое понятіе виры не допускаетъ этого: вира платилась за убійство, какъ за высшее нарушеніе правъ чужой личности; Государство считало убійство человѣка свободнаго своимъ личнымъ оскорбленіемъ, какъ нарушеніе общаго мира. Рабъ личности не имѣлъ: это можно видѣть уже изъ того, что законъ даже и не упоминаетъ о рабахъ при разсмотрѣніи личныхъ обидъ; онъ не признаетъ возможности, чтобы рабъ могъ быть предметомъ личныхъ обидъ, даже самыхъ важныхъ, доходящихъ до тѣлеснаго наказанія, которое самъ законъ допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ не для лицъ постороннихъ (за господиномъ раба это право подразумѣвается само собою).

При убійствѣ лица свободнаго мы знаемъ, что, единовременно съ вирою, уплачивается головничество, т. е., денежное вознагражденіе въ пользу родственниковъ убитаго, которое должно прекратить распрю (Fehde), возникшую изъ за убійства между родственниками убитаго и семьею убійцы. Рабъ не имѣлъ семьи (въ законномъ смыслѣ); въ случаѣ его убійства, никакого нарушенія мира, никакой распри, не могло произойти: законъ не признавалъ за нимъ ни права личности, ни, вытекающаго изъ него, права мести. Убійство раба находится такимъ образомъ юридически на одной ступени съ убіеніемъ какого ни будь домашняго скота и влекло за собою только вознагражденіе убытка, нанесеннаго хозяину (оурокъ), и продажу, слѣдующую за противозаконное истребленіе чужой собственности Князю.

Подобный взглядъ на рабовъ замѣчается во всѣхъ кодексахъ народовъ варварскихъ, стоящихъ на одной степени развитія, у которыхъ существуетъ учрежденіе рабства. Въ законахъ Салическихъ онъ выраженъ такъ ясно, что не можетъ быть никакого сомнѣнія, и такіе вопросы, какіе подняты Г. Ланге по отношенію къ Русской Правдѣ, не могутъ и возникать. [108] Положеніе раба по законамъ Салическихъ Франковъ весьма сходно съ положеніемъ нашихъ рабовъ въ періодъ Правды; самое постановленіе по этому вопросу носитъ одинъ отпечатокъ. Такъ въ Lex Salica мы находимъ аналогическое постановленіе о томъ, если свободный же-

---

[108] Мы имѣемъ превосходный очеркъ рабства по Салическимъ законамъ въ VII дисертаціи Pardessus.

нился на чужой рабынѣ,[109] которая слѣдуетъ тому же основоположенію, какое выражено въ Правдѣ, что свободный обращается въ этомъ случаѣ въ раба. За тѣмъ всѣ постановленія Салическаго закона о преступленіяхъ рабовъ («de furtis servorum vel infracturis» V cap. 13; «de servo, qui de furto fuerit interpellatus» V cap. 42 и т. п.), установляютъ въ большинствѣ случаевъ, кромѣ тѣлеснаго наказанія раба, извѣстную отвѣтственность его хозяина, прекращающуюся иногда выдачей самаго раба. Эта выдача положительно требуется закономъ въ случаѣ, если рабъ убивалъ свободнаго.[110] Между тѣмъ Lex Salica не дѣлаетъ ни малѣйшаго различія между воровствомъ, или убійствомъ, раба, и установляетъ въ обоихъ этихъ случаяхъ одинаковое взысканіе съ виновныхъ въ пользу хозяина раба. Такимъ образомъ не только общій духъ Правды и общія всѣмъ народамъ воззрѣнія той поры на рабство, но и аналогическія установленія Салическаго закона подтверждаютъ ту мысль, что рабъ той поры никогда не могъ быть поставленъ, по отношенію къ праву уголовному, по отношенію къ платежу виры, на одну ступень съ лицами свободными.[111] Устранивъ особенно важное и существенное возраженіе Г. Ланге по поводу статьи Правды о Тіунѣ Боярскомъ, мы считаемъ уже вполнѣ незначительнымъ третье, приведенное нами, возраженіе Г. Ланге по поводу слова «нѣтуть» въ статьѣ Владимира Мономаха за убійство раба. Дѣйствительно, вполнѣ безразлично принимать слово «нѣтуть» въ значеніи настоящемъ, или будущемъ, какъ это дѣлаетъ Г. Ланге, какъ скоро мы доказали, что и прежде вира за убійство раба не могла существовать; при томъ въ кодексахъ первоначальныхъ, даже если бы они дошли до насъ въ этой формѣ закона, какъ онъ вышелъ изъ подъ пера законодателя, а не въ видѣ различныхъ его списковъ и редакцій, никогда нельзя давать того значенія буквѣ, какъ мы это привыкли дѣлать по отношенію къ кодексамъ новѣйшимъ. Наконецъ самое изданіе такого поста-

---

[109] «Si quis Francus alienam ancillam sibi publice junxerit, ipse cum ea in servitio permaneat» (V, cap. 27, § III).

[110] «Si servus hominem ingenuum occiderit, ipse homicida, pro medietate compositionis hominis occisi parentibus tradatur.» (V, cap. 37 de homicidiis servorum vel ancillarum § 8).

[111] Прекрасное опроверженіе мнѣнія Г. Ланге о платежѣ виры за убійство раба находимъ мы въ трудѣ Проф. Чебышева-Дмитріева «О преступномъ дѣйствіи по Русскому до-Петровскому праву.» Казань, 1862, стр. 64 и слѣд.

новленія о неплатежѣ виры за убійство раба въ позднѣйшее время (Владимира Мономаха) указываетъ, по нашему мнѣнію, только на то, что прежде въ этомъ постановленіи не было нужды.

Личность раба стояла такъ низко въ пору до-Христіянскую и въ первыя времена Христіянства, что никому не могло прійти въ голову сравнять убійство раба съ убійствомъ свободнаго; напротивъ, Церковь стремилась постоянно возвысить личность раба въ общественномъ мнѣніи, поднять его человѣческое достоинство, и, очень можетъ быть, что ко времени Владимира Мономаха успѣла на столько, что уже могъ явиться вопросъ о томъ, не взыскивать ли за убійство раба пени, одинаковой какъ за убійство свободнаго. Самый характеръ постановленія Владимира Мономаха, которое содержитъ въ себѣ какъ бы указаніе, какъ поступать въ извѣстныхъ случаяхъ суду, подтверждаетъ нашу мысль. Эта статья какъ бы должна разъяснить недоумѣніе суда, если бы оно возникло по дѣлу объ убійствѣ раба, и подтвердить древній обычный взглядъ на рабство. Статья эта служитъ только разъясненіемъ, какъ поступать суду, если рабъ будетъ убитъ безъ вины, но совсѣмъ не знаетъ тѣхъ различій, которые установляетъ законъ при убійствѣ лицъ свободныхъ. Мы считаемъ неосновательнымъ объясненіе, дѣлаемое Г. Ланге (стр. 129 и слѣд.) по поводу этой статьи, что она касается только тѣхъ случаевъ, когда за убійство свободнаго полагалась вира, и что по этому, при убійствѣ холопа въ разбоѣ и безъ всякоя «свады» сохранядо свою силу правило о выдачѣ разбойника на потокъ и разграбленіе. Ст. 84 (Троицкаго списка) имѣетъ въ виду различить только два случая убійство раба: наказуемое убійство безъ вины, и безнаказанное убійства виновнаго раба. Безъ всякаго сомнѣнія подъ убійство первое категоріи подойдетъ, какъ признаетъ и Г. Ланге, убійство раба на татьбѣ, но за тѣмъ намъ кажется, что по отношенію къ рабу сохраняли свою силу сверхъ того всѣ обычаи мести и во всѣхъ случаяхъ совершенія рабомъ преступленія противъ свободныхъ, исключая только маловажныя реальныя обиды, предусмотрѣнныя ст. 58 (Троицкаго списка), когда виновный рабъ могъ быть безнаказанно убитъ оскорбленнымъ, или, въ случаѣ совершеннаго убійства, родственниками пострадавшаго. Такимъ образомъ статья 84 желаетъ только предохранить хозяина раба отъ злонамѣреннаго причиненія ему имущественнаго ущерба убійствомъ раба и установляетъ при этомъ высшій размѣръ продажи съ тою же цѣлью, считая этотъ видъ истребленія чужаго имущества особенно вред-

нымъ. Вопросъ объ убійствѣ раба ставитъ Г. Ланге въ тѣсную связь съ вопросомъ объ убійствѣ закупа, смерда и рядовича, доказывая, что всѣ эти лица пользовались полною вирою, какъ и свѣ свободные. По этому вопросу онъ не представляетъ никакихъ доказательствъ, а дѣластъ только, послѣ доказательствъ о томъ, что за раба платилась полная вира, замѣчаніе: «если же платилась вира за людей несвободныхъ, то тѣмъ болѣе за смердовъ.» Мы уже высказались по вопросу о закупахъ и о рабахъ, точно также мы указали и наши воззрѣнія на положеніе смердовъ и о платѣ за ихъ убійство. Въ этомъ случаѣ, принимая, что за смердовъ, какъ и за рядовичей, платилась пеня въ 5 гривенъ, кажется нѣсколько страннымъ, что за лицъ, по видимому полноправныхъ, какъ за рядовичей, платилась столь незначительная, даже сравнительно съ обыкновенною сорокагривенною, пеня. Однако эта кажущаяся странность легко объясняется воззрѣніями той поры. Мы знаемъ, что, по закону Салическому, за убійство Римлянина платилась значительно меньшая пеня. Относительно же общественнаго положенія нашего земледѣльческаго сословія въ ту пору мы имѣетъ свидѣтельство лѣтописи о денежномъ сборѣ, произведенномъ въ 1018 году Ярославомъ Новгородскимъ для найма Варяговъ: «начаша скотъ сбирати отъ мужа по 4 куны, отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ.»

Въ этой замѣткѣ лѣтописца ясно видно громадное различіе положенія высшаго сословія Бояръ, отъ низшаго, земледѣльческаго. Этимъ объясняется и различіе въ пеняхъ за убійство: съ точки зрѣнія той поры казалось вполнѣ естественнымъ, что жизнь лица, которое въ описанномъ случаѣ вносило четыре куны, т. е., по расчету Проф. Бѣляева, [112] въ 135 разъ меньше Боярина, была оцѣнена въ 16 разъ менѣе, чѣмъ жизнь такого Боярина. Государство считало убійство столь ничтожнаго человѣка дѣяніемъ, мало нарушающимъ его выгоды, и по тому налагало за его убійство меньшую пеню. При томъ мы видимъ, что дѣйствительно и изъ этого низшаго сословія выдѣляются лица болѣе зажиточныя, имѣющія большее значеніе въ обществѣ, убійство которыхъ влечетъ за собою большую пеню. Такъ за убійство сельскаго Княжескаго Тіуна (т. е., старосту надъ смердами) платилось 12 гривенъ; за ремесленника и за «ремественницю» платилось тоже 12 гривенъ, такъ какъ то

---

[112] Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 13.

были лица, по всей вѣроятности, болѣе зажиточныя. Наконецъ въ такомъ же особенномъ положеніи находились «кормилецъ и кормилица» по тексту Правды; подъ этимъ названіемъ разумѣются какъ лица, приставленныя къ дѣтямъ, такъ и лица, прежде занимавшія эти мѣста. Всѣ остальныя лица, не подходящія подъ эти два разряда, т. е., за убійство которыхъ не слѣдуетъ ни пени въ 80 гривенъ, ни низшей пени въ 5 и 12 гривенъ, должны быть отнесены къ разряду лицъ, за убійство которыхъ платится нормальная вира въ 40 грив. Объ этихъ лицахъ говорятъ двѣ статьи Правды: первая и девятая (по Троицкому списку); всѣхъ ихъ можно раздѣлить на 2 группы: къ первой относятся лица, находившіяся на службѣ Князя, ко второй лица не служащія. Изъ наименованій лицъ первой группы встрѣчаемъ мы въ Правдѣ: «гридя, мечника, княжескихъ отроковъ, конюховъ, поваровъ (ст. 1 и 9); сюда же слѣдуетъ отнести и «дѣтскихъ,» о которыхъ Правда упоминаетъ въ другомъ случаѣ (ст. 100 Троицкаго списка), «метальниковъ» и т. п. второстепенныхъ чиновниковъ Князя.[113] Всѣ эти лица или находилась при дворѣ Князя и составляли его прислугу, или занимала второстепенныя по управленію и судебныя должности, какъ на то указываетъ и Правда, говоря о пошлинахъ въ пользу подобныхъ лицъ.[114] Къ этимъ же лицамъ относится вѣроятно и «ябетникъ,» о которомъ, впрочемъ, нельзя сказать ничего положительнаго.[115]

---

[113] Вирниковъ едва ли можно отнести къ этой группѣ, такъ какъ, по всей вѣроятности, они были изъ старшей дружины.

[114] Ст. 7 и 99-я упоминаютъо метальникѣ, ст. 8 о передни, ст. 16-я и 67 объ отрокѣ, ст. 82 о мечникѣ и о дѣтьскомъ (о немъ же говоритъ и ст. 100) и т. д.

[115] Приводимъ крайне смтобытное и отчасти правдоподобное объясненіе этого слова Болтина (Правда Русская, изданная любителями отечественной старины 1799 г., печат. въ Моск. Синод. Типограф., стр. 8): «Вѣроятнѣе кажется принять званіе ябетника вмѣсто отправляющаго земскую или приказную службу... По чему мнимъ, что слово ябеда въ первобытности своей не тотъ смыслъ имѣло, который нынѣ оно представляетъ, но означало знаніе законовъ и порядка судопроизводнаго. Злоупотребленія ябетниковъ, сирѣчь, законовѣдцевъ, кои по чужимъ дѣламъ ходатайство имѣли, заставили имѣть о нихъ худую мысль, а подъ словомъ ябеда подразумѣвать крючкотворство, посредствомъ коего нынѣшніе ябедники запутываютъ дѣла и не рѣдко виноватаго дѣлаютъ правымъ, или, по крайней мѣрѣ, лишаютъ праваго слѣдуемаго закономъ удовлетворенія.» Одно можно замѣтить на это почтенному изслѣдователю, что слово ябетникъ пишется въ Правдѣ черезъ *т*, и по тому объясненіе

О лицахъ не служащихъ говоритъ Правда въ довольно общихъ выраженіяхъ, выставляя особенно только разрядъ купцовъ. Этотъ раарядъ заслуживаетъ вниманія, какъ наиболѣе организованный: такъ мы знаемъ, что хотя купцы и не составляли замкнутаго сословія въ пору Правды, какъ вообще о сословіяхъ не можетъ быть и рѣчи въ это время, но они уже въ эту пору образовали извѣстныя товарищества и корпораціи.[116] Кромѣ того всѣ памятники той поры, какъ лѣтописи, такъ и народныя сказанія и былины, представляютъ намъ этотъ разрядъ какъ особенно зажиточный. Вѣроятно это обстоятельство и послужило поводомъ къ особенному выдѣленію этого разряда по Правдѣ. Остальныя лица не служащія по Правдѣ обозначены общими племенными названіями: «Русинъ и Словѣнинъ.» Замѣтимъ только по этому поводу, что, вопреки мнѣнію Ланге (стр. 60-я), эти лица ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть въ этой статьѣ разсматриваемы какъ рабы, которые въ законѣ никогда не пользовались своимъ племеннымъ названіемъ, что мы видимъ и въ другихъ нашихъ памятникахъ, гдѣ указываются иногда рабы по мѣсту ихъ происхожденія (или ихъ покупки), но никогда не называются по ихъ племени. Это вполнѣ понятно: принадлежность къ извѣстному племени указываетъ на самостоятельную личность, между тѣмъ человѣкъ, становясь рабомъ, тѣмъ самымъ терялъ всякую личность, и тѣмъ самымъ прекращались всѣ его связи съ родиною и со своимъ племенемъ. Подобное же мнѣніе высказываетъ Г. Ланге и по поводу «изгоевъ,» хотя, по отношенію къ этимъ послѣднимъ, намъ кажется, опровергаетъ онъ самъ себя, указывая ниже (стр. 67 и слѣд.) объясненіе этого слова на основаніи открытыхъ источниковъ. Въ настоящее время терминъ этотъ можетъ считаться вполнѣ объясненнымъ; мы имѣемъ драгоцѣнное свидѣтельство по этому вопросу одного изъ памятниковъ начала XII столѣтія: въ Уставѣ Новгородскаго Князя Всеволода Мстисла-

---

его этимологически невѣрно. Проф. Леонтовичъ приравниваетъ ябетниковъ къ «сокамъ» (accusatores) Чешскаго и Литовскаго права («клевешгины» въ Черногоріи), главною обязанностію которыхъ было открытіе преступника. Русская Правда и Литовскій Статутъ. Университетскія Извѣстія. Кіевъ, 1865 г., № 3, стр. 15 и слѣд.

[116] На примѣръ, товарищество Иваньскихъ купцовъ при церкви Св. Іоанна Предтечи на Опокахъ въ Новгородѣ. Сл. Уставную Новг. Князя Всеволода Мстиславича, данную церкви Св. Іоанна Предтечи на Опокахъ до 1136 г. Христоматія Проф. Аристова, стр. 674.

вича (Гавріила) о церковныхъ судахъ [117] находится опредѣленіе слова «изгоіи», при перечисленіи лицъ, подвѣдомственныхъ церкви: «Изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ: аще князь оспротѣетъ.» Вотъ какъ объясняетъ это выраженіе приведенный памятникъ. Мы видимъ здѣсь перечисленіе лицъ, вышедшихъ изъ своего состоянія и непопавшихъ ни въ какое другое. «Поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ;» такъ какъ грамотность была почти исключительною принадлежностью духовенства, то сынъ Священника, не знавшій грамоты, не могъ попасть такимъ образомъ въ духовные, гдѣ грамотность полагалась непремѣннымъ условіемъ для богослуженія, и выходилъ, въ слѣдствіе этого, изъ привилегированнаго состоянія, какое составляло тогда духовенство, между тѣмъ онъ, какъ Поповъ сынъ, не былъ членомъ какого либо другого союза, какой ни будь общины; такимъ образомъ, если онъ оставался въ этомъ положеніи, то онъ дѣлался «изгоемъ,» т. е., лицомъ, не принадлежащимъ къ какой либо общинѣ, и пользовался покровительствомъ Церкви, принявшей на себя защиту и попеченіе о всѣхъ не имущихъ, убогихъ и сирыхъ. «Холопъ выкупившійся изъ холопства,» находился также въ положеніи совершенно безпомощнымъ, такъ какъ легко могло случиться, что его не хотѣла бы принять никакая община; по Уставу Всеволода-Гавріила, въ немъ также принимала Церковь участіе. Наконецъ «одолжавшій,» обанкрутившійся, «купецъ,» который не могъ болѣе оставаться въ составѣ купцовъ, не принадлежа ни къ одному союзу, становился изгоемъ и какъ такой, подпадалъ подъ покровительство Церкви. Подъ этотъ разрядъ лицъ, пользующихся защитою Церкви, подводитъ Всеволодъ оспротѣвшаго, т. е., лишившагося удѣла и не имѣющаго дружины, Князя; примѣры Князей-изгоевъ даетъ намъ и исторія; но этихъ Князей нельзя, по нашему мнѣнію, относить къ общей массѣ изгоевъ. Безъ всякаго сомнѣнія, ихъ права зависѣли только отъ ихъ личнаго могущества, и мы знаемъ, что всѣ они считали себя въ правѣ добиваться какого ни будь стола, и иногда достигали своей цѣли.

Г. Калачовъ указываетъ еще на одно, открытое имъ, опредѣленіе изгойства, которое, по его мнѣнію, не находится ни въ какой связи съ предыдущимъ. Въ этомъ случаѣ изгойство упоминает-

---

[117] Аристова, Христоматія, стр. 672.

ся въ числѣ грѣховъ: «всего же есть горѣе изгойство взимати, иже взимающеи, тіи неотдадуть опять тѣмъ же; изгойство же толкуется безкопечная бѣда, непрестающая слезы, неумолчно вздыханіе, неусыпающій червь,» и т. д. Намъ кажется, что это описаніе изгойства, какъ величайшаго несчастія, посылаемаго, по народнымъ вѣрованіямъ, за какой ни будь грѣхъ, вполнѣ согласно съ прежде указанымъ, по тому что два послѣдніе случаи изгойства, при банкротствѣ купца и при изгнаніи Князя, являются дѣйствительно тяжкими бѣдствіями, которыя могли слѣдовать, по народнымъ преданіямъ, только за какимъ ни будь тяжкимъ грѣхомъ. За тѣмъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ положеніе лица, не могущаго вступить въ какую ни будь общину, являлось очень тягостнымъ въ глазахъ народа, и также легко могло считаться Божьимъ наказаніемъ. Такимъ образомъ слово «изгой,» по самому своему словопроизводству, объясняемое многими, какъ равнозначащее съ терминомъ изгнанникъ, и по смыслу приведенныхъ мѣстъ, означаетъ лицъ, вышедшихъ изъ своего прежняго состоянія, какъ бы «изгнанныхъ» изъ общества, членами котораго они перестали быть. Замѣчательно, что, по точному смыслу разбираемой статьи Правды, можно положительно утверждать, что это не были, однако, лица безправныя. Мы видимъ, что ихъ убійство влечетъ за собою полную виру. Это обстоятельство вполнѣ опровергаетъ между прочимъ теорію, выставленную нѣкоторыми изъ нашихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и Проф. Чебышовымъ-Дмитріевымъ,[118] что лицами правоспособными признавались только члены извѣстныхъ союзовъ. Изгоевъ, согласно съ выше приведеннымъ объясненіемъ, мы не можемъ считать членами извѣстнаго союза, по тому что подъ этимъ названіемъ разумѣлись лица, вышедшія изъ того союза, къ которому они первоначально принадлежали и не принятыя ни въ какой другой; принадлежность же ихъ къ Церкви, еще далеко недоказанная въ пору Ярослава, къ которой относится разбираемая статья, не можетъ быть признана равнозначащей съ тою принадлежностью къ опредѣленному союзу, о которой говоритъ Проф. Чебышовъ-Дмитріевъ. Церковь въ эту пору дѣйствительно составляла извѣстный союзъ, но только лица, которыя, какъ матеріяльно убогія, ставились подъ

---

[118] О преступныхъ дѣйствіяхъ по Русскому до-Петровскому праву, стр. 15, 55 и слѣд.

ея покровительство, не могутъ считаться равноправными членами этого союза. Если это возраженіе кажется недостаточнымъ для опроверженія приведенной теоріи, то мы считаемъ еще болѣе важнымъ для этой цѣли то приведеніе двухъ народностей, жившихъ въ то время въ Россіи, которое находится въ той же главѣ. Законъ прямо говоритъ, что будетъ ли убитый Варягъ (Русинъ), будетъ ли онъ Словѣнинъ, вира взыскивается съ убійцы въ пользу Князя. Ясно, что это могъ быть и пришелецъ, не имѣющій осѣдлости и не принадлежащій къ какому либо мѣстному союзу. Защитники этой теоріи ссылаются на статью: «а по костехъ и по мертвеци не платить верьви, аже имене не вѣдують, ни знають его.» Эту статью можно легко объяснить другимъ образомъ. Смерть можетъ произойти весьма часто и не отъ злаго умысла, случайно, на примѣръ, отъ какой либо внезапной болѣзни, отъ нападенія хищныхъ животныхъ (случай, вѣроятно особенно частый въ древней Руси), или наконецъ въ слѣдствіе самоубійства. Въ томъ случаѣ, если находились только кости, по которымъ нельзя было узнать мертваго, легче всего было предположить случайность, какъ, на примѣръ, нападеніе дикихъ звѣрей. Понятно, что въ этомъ случаѣ было бы несправедливо заставлять отвѣчать вервь, какъ за совершенное убійство; личность погибшаго должна быть хорошо извѣстна, онъ могъ быть членомъ той самой верви, гдѣ кости находились, но такъ какъ не было преступленія, естественно, не могло быть и платежа виры. Въ случаѣ же нахожденія мертваго тѣла было весьма важно знать имя убитаго, при совершенной неразвитости слѣдственной части, о которой, естественно, не могло быть и рѣчи въ то время, трудно было опредѣлить случай убійства; только если личность убитаго была извѣстна, можно было какимъ бы то ни было способомъ разузнать и поводъ его смерти: признаніе личности убитаго могло легче и свергнуть поклепъ въ томъ случаѣ, если указывался мнимый виновный, легче было наконецъ отыскать и дѣйствительнаго преступника, если онъ существовалъ. Вотъ по какимъ побужденіямъ требовала Правда болѣе точнаго опредѣленія личности убитаго для существованія полной отвѣтственности верви. Статья эта ни сколько не имѣетъ въ виду опредѣлить, что убійство можетъ быть наказуемо только въ томъ случаѣ, если убитый туземецъ—членъ какого либо союза; она желаетъ только оградить вервь отъ того произвола, который позволяли себѣ весьма часто, судя по заявленіямъ памятниковъ, Княжескіе чиновники, завѣдывавшіе сборомъ виръ. Статья эта ста-

рается только ограничить отвѣтственность верви случаями дѣйствительнаго совершенія преступленія, и обезпечить ее отъ притязаній чиновниковъ, имѣющихъ прямую выгоду изъ взысканія наибольшаго количества пени, въ тѣхъ случаяхъ, когда совершеніе преступленія было сомнительно. Мы полагаемъ, въ слѣдствіе этихъ постановленій объ изгоѣ, Русинѣ и Словѣнинѣ, и еще нѣкоторыхъ другихъ соображеній,[119] что мнѣніе Проф. Чебышева-Дмитріева будто бы, «за преступленіе противъ иностранца не назначалось общественной пени, но обиженный имѣлъ право на частное вознагражденіе,» слишкомъ исключительно. Мы видѣли изъ разбора постановленій Правды объ убійствѣ, что, при опредѣленіи величины пени за убійство, обращалось вниманіе исключительно на предметъ преступленія, и что, напротивъ, обстоятельства дѣла вовсе не имѣли значенія на эту величину. Въ этомъ отношеніи нашъ законъ значительно расходится съ Салическимъ, гдѣ нѣкоторыя обстоятельства совершенія убійства, какъ: скрытность дѣянія, желаніе уничтожить его слѣды и тому подобное, столь же вліяли на возвышеніе наказанія, какъ и личность убитаго. У насъ же мы находимъ только то общее въ этомъ отношеніи, что и по Правдѣ, какъ и въ Салическомъ законѣ, преступленіемъ привилегированнымъ является убійство, совершенное явно, хотя самое смягченіе наказанія происходитъ совершенно особымъ образомъ въ каждомъ изъ этихъ двухъ кодексовъ. Въ Салическомъ законѣ явное убійство облагается нормальною пеней, а скрытное значительно

[119] Такъ въ статьѣ 25 (Троицкаго списка) мы видимъ, что если обиженный будетъ Варягъ, или Колбягъ, «то полная видока вывести, идете на ротоу,» и статья эта говоритъ только объ особенномъ порядкѣ представленія доказательствъ для Варяговъ, или Колбяговъ, что бы мы ни подразумѣвали подъ этимъ послѣднимъ наименованіемъ, названіе ли извѣстной народности, или вообще язычниковъ, мы увѣрены, что подъ этими двумя наименованіями могли подразумѣваться иностранцы, предоставляя имъ вполнѣ одинаковыя права со всѣми. За тѣмъ въ правѣ гражданскомъ мы видимъ, что Правда даже отдастъ предпочтеніе иностранцамъ; такъ по статьѣ 51-й (Троицкаго списка), при продажѣ имѣнія несостоятельнаго купца, задолжавшаго, какъ иностранца такъ и туземца, должно «отдати же первое гостины коупы, а домашнимъ что ся останеть кунъ, тѣмъ же ся подѣлять.» Хотя это постановленіе также, какъ и различныя договорныя грамоты съ заграничными торговыми городами, имѣетъ главною цѣлью развитіе торговли, но во всякомъ случаѣ оно показываетъ, что личность иностранца ни какъ не была личностью безправной, и пользовалась уже и въ пору Правды такимъ же покровительствомъ закона, какъ и туземцы.

возвышенной; въ Правдѣ явное убійство обложено одинаковою пеней, какъ и скрытное (но не съ корыстною цѣлью), но законъ предполагаетъ, что убійца платитъ въ этомъ случаѣ не одинъ, а съ помощью верви. Такимъ образомъ въ Правдѣ все сводится къ помощи верви. Мы видѣли въ Салическихъ законахъ, что тамъ несостоятельный преступникъ могъ обратиться къ помощи своихъ родственниковъ («De chrene cruda»); если же они не были въ состояніи помочь ему, то онъ нерѣдко платился головою, или, по крайней мѣрѣ, отдавался въ рабство; но родственники преступника всегда были обязаны помогать ему; [120] самое свойство преступленія или обстоятельства самаго дѣла никогда не снимали съ нихъ этой обязанности. Помощь верви, о которой упоминаетъ Русск. Правда, не имѣетъ того характера, какъ эта помощь родственниковъ въ Салическомъ законѣ. Вервь, о значеніи которой мы скажемъ нѣсколько словъ ниже, была обязана иногда самимъ закономъ помогать преступнику, состоявшему ея членомъ. Тѣ случаи, въ которыхъ вервь помогала убійцѣ, считаются Правдою болѣе легкими, заслуживающими болѣе снисхожденія: это были случаи совершенія убійства явно, открыто передъ всѣми, какіе, по всей вѣроятности, бывали довольно часто у нашихъ предковъ. Убьетъ человѣкъ другого во время пира, когда, разгорячепные виномъ собесѣдники, поссорились и пустили въ ходъ какое ни будь оружіе,—вервь помогаетъ платить ему виру; онъ платитъ только головничество, т. е., вознагражденіе родственниковъ убитаго, а по отношенію къ вирѣ платитъ только ту часть, которая приходится ему, какъ члену верви по «вервиньепѣ.» Это объясняется тѣмъ, что подобный случай убійства, наиболѣе частый въ ту пору, считался особенно извинительнымъ; но, страннымъ образомъ, наше древнее право не считало возможнымъ сократить въ этомъ случаѣ пеню, а только разлагало эту пеню на весьма значительное количество лицъ, чѣмъ дѣлало ее почти нечувствительною. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ являются двѣ руководящія мысли при нежеланіи Правительства сбавить свои фискальныя требованія: 1-ое, что не слѣдуетъ разворять человѣка, исключать его изъ своей среды, за подобное преступленіе, совершенное съ горяча, необдуманно; 2-ое, что, при всякомъ убійствѣ, Государство лишается полезнаго члена, потеря котораго мо-

---

[120] Обязанность эта была такъ тяжела, что нерѣдко возможны были случаи отказа отъ родства («Qui se de parentilla tollere vult», съ цѣлью избавиться отъ нея.

жетъ быть возмѣщена извѣстной пеней. Эта послѣдняя мысль и произвела, по нашему мнѣнію, тѣ различныя пени, которыя неизмѣнно взыскиваются за убійство извѣстнаго лица, не принимая въ разсчетъ, при какихъ обстоятельствахъ совершено это убійство.

То обстоятельство, что головничество постоянно взыскивается съ виновнаго, безъ различія, какими побужденіями руководствовался преступникъ, весьма понятно: родственники убитаго въ большинствѣ случаевъ одинаково сильно чувствовали свою утрату; ихъ оскорбленное чувство требовало удовлетворенія, не обращая вниманія на причину смерти. Но подобное воззрѣніе, справедливое и понятное, если принимать въ разсчетъ родственное чувство, затронутое въ этомъ случаѣ, вполнѣ не естественно, когда дѣло идетъ о Государствѣ. Однако, Правда вовсе не знаетъ различія пеней за убійство по степени виновности преступника, что ставитъ ее значительно ниже законовъ Салическихъ, гдѣ это различіе рѣзко проведено, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Взглядъ Салическаго законодательства на пеню, особенно въ извѣстной части ея («fredus»), какъ наказаніе преступника, болѣе справедливъ, чѣмъ взглядъ Правды на пеню, какъ на вознагражденіе Государства.

Мы должны сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какъ поступали съ преступникомъ, если онъ оказывался несостоятельнымъ для уплаты пени. Мы уже видѣли, какъ поступаютъ съ несостоятельнымъ преступникомъ по Салическому закону, и это можетъ отчасти облегчить намъ объясненіе этого вопроса по Русской Правдѣ. Правда не содержитъ никакихъ указаній о томъ, какая участь ожидала несостоятельнаго преступника, и отвѣтъ на возбужденный нами вопросъ можно найти отчасти изъ сравненія нашего законодательства съ Западнымъ. Пеня заубійство, заключавшая въ себѣ какъ «fredus,» такъ и «faida,» признавалась, по праву Салическихъ Франковъ, вполнѣ аналогическою со всякими частнымъ долгомъ, и по тому самый способъ взысканія этой пени почти ни чѣмъ не отличался отъ взысканія обыкновеннаго долга. Этотъ взглядъ на преступленіе, какъ на поводъ къ возникновенію обязательства, извѣстный еще Римскому праву, гдѣ впервые выражена была мысль, что «obligatio nascitur vel ex contractu, vel ex delicto,» естественно свойственъ всѣмъ законодательствамъ, принимавшимъ систему денежныхъ композицій. Съ этой точки зрѣнія смотритъ на пеню и Русская Правда, и, слѣдовательно, сообразуясь съ этимъ воззрѣніемъ, мы должны искать разрѣшенія занимаю-

щаго насъ вопроса, въ статьяхъ о частномъ долгѣ. Въ Правдѣ мы находимъ статью, отдѣльно разбирающую случай банкротства купца (ст. 50-я Троицкаго сп.), изъ которой ясно, что наше древнее право различало два рода банкротства, изъ которыхъ одно можно назвать, примѣняясь къ новѣйшей терминологіи, несчастнымъ, [121] а второе—соединяющимъ оба остальные вида банкротствъ, извѣстныхъ нашему времени, какъ неосторожнаго, такъ и злостнаго, [122] Вторая половина этой статьи предоставляетъ вѣрителямъ неосторожнаго, или злостнаго, банкрота право обратить ихъ несостоятельнаго должника въ рабство и продать его. Несостоятельность происходящая въ слѣдствіе преступленія, естественно подходила подъ это второе опредѣленіе статьи 50-й. Прямымъ послѣдствіемъ несостоятельности уплатить требуемую закономъ пеню было обращеніе въ рабство преступника. За тѣмъ мы должны сказать нѣсколько словъ о томъ особенномъ наказаніи, которое назначалось только за разбой, поджогъ и «коневую татьбу,» о «потокѣ.« Объ этомъ наказаніи говорятъ три статьи Правды: 5-ая.... «выдадять и (разбойника) всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и разграбленіе;» 30-я..... «выдати (коневаго татя) Князю на потокъ;» 79-я.... «то на потокъ, на грабежъ домъ его» (поджигателя). Это наказаніе, какъ видно изъ источниковъ, считается наиболѣе тяжкимъ и прилагается только къ особенно важнымъ и обще опаснымъ съ точки зрѣнія того времени преступленіямъ.

Слова; «потокъ, поточити» одного корня и, кажется, одного значенія съ словомъ «заточити», какъ мы видимъ, что иногда одно изъ этихъ словъ употребляется вмѣсто другого (Даніилъ Заточникъ и Даніилъ Поточникъ); такъ, на примѣръ, въ двухъ спискахъ [123] въ статьѣ о «гумнѣ» прямо указано: «самъ (т. е., зажигатель) на заточеніе». Въ слѣдствіе этого мы полагаемъ, что наказаніе выдачей на потокъ равнялось лишенію свободы, т. е., преступникъ заточался Княземъ; при этомъ очень возможно, хотя Правда объ этомъ и не

---

[121] «Аже который куцець, кде любо шедъ съ чужими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огнь: то не наспити ему, ни продати его, но како начнеть отъ лѣта платити, тако же платить, зане же пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ есть».

[122] «Аже ли пропиеться, или пробиеться, а въ безумiи чюжь товаръ испортить то како любо тѣмъ, чiй то товаръ, ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ воля».

[123] 10-й 16: по сводному списку Калачова ст. 108, стр. 73-я.

говоритъ, что виновный дѣлался государственнымъ рабомъ («servus publicus») и употреблялся для различныхъ работъ (позднѣйшее «travaux forcés» Французскаго права). Въ двухъ случаяхъ (при разбоѣ и поджогѣ) домъ разбойника, или поджигателя, подвергался разграбленію; при поджогѣ, однако, дѣйствовала оговорка: «переди пагубу неплатившю,» т. е., прежде изъ имущества поджигателя вознаграждался пострадавшій, тотъ, гумно котораго было сожжено. При разбоѣ это можно объяснить отчасти тѣмъ, что считали, что все имущество разбойника нажито нечестнымъ путемъ, и что при этомъ не извѣстно, кто пострадалъ отъ него, по тому и предоставляли грабить это имущество всѣмъ. При поджогѣ же былъ извѣстенъ убытокъ, нанесенный послѣднею дѣятельностію зажигателя, и по тому требовалось, чтобы прежде всего былъ вознагражденъ пострадавшій. Г. Калачовъ считаетъ потокъ изгнаніемъ, на основаніи одного изъ списковъ, въ которомъ сказано, что преступникъ подвергается изгнанію. Очень можетъ быть, что первоначально и въ Руси дѣйствовало то же правило, какъ и въ другихъ первоначальныхъ Государствахъ, что преступника, признаннаго вреднымъ общественнымъ членомъ, выбрасывали изъ этого общества, изгоняя за предѣлы Государства. При дикомъ состояніи тогдашняго общества, весьма естественно, что подобное изгнаніе часто равнялось смертной казни. Безъ сомнѣнія, однако, въ послѣдствіи подобное изгнаніе обратилось въ заключеніе преступника въ самомъ Государствѣ. Таковъ обыкновенный ходъ дѣла по этому вопросу, который безъ сомнѣнія имѣлъ мѣсто и у насъ, хотя мы не можемъ съ достовѣрностью указать, когда совершился у насъ этотъ переходъ отъ изгнанія къ темничному заключенію, хотя, разумѣется, не въ новѣйшемъ смыслѣ. Можетъ быть, это послѣднее наказаніе иногда замѣнялось смертною казнью, хотя прямого на то доказательства мы не имѣемъ. Какъ мы уже упомянали, при каждомъ убійствѣ съ государственнымъ наказаніемъ соединялось постоянно частное вознагражденіе родственниковъ убитаго—головничество. Первоначально это головничество уплачивалось убійцею родственникамъ убитаго только въ томъ случаѣ, если эти послѣдніе согласились отказаться отъ своего права мести; но за тѣмъ, при сыновьяхъ Ярослава, когда право кровной мести было отмѣнено, уплата головничества была сдѣлана обязательною. Ст. 2-я Тр. сп. прямо указываетъ: «купами ся выкупати», т. е., платить головничество; законъ, отмѣнившій частную месть, постоянно требовалъ такимъ образомъ уплаты головничества. Величины головничества Русская Правда не опредѣляетъ,

хотя, на основаніи другихъ статей, мы можемъ утверждать положительно, что, въ случаѣ судебнаго назначенія этого взысканія, при несогласіи сторонъ, оно было значительно ниже величины виръ и пеней за убійство, идущихъ въ пользу Князя. Наше головничество рѣзко отличается тѣмъ самымъ отъ Салической «faida,» составлявшей двѣ трети всей «leudis» или виры; у насъ же величина головничества естественно подвергалась значительнымъ колебаніямъ; наконецъ, какъ мы уже замѣтили, она обыкновенно была значительно ниже взысканія, назначеннаго въ пользу государственной власти. Головничество имѣло своею цѣлью прекратить ту вражду, которая возникала въ слѣдствіе убійства между убійцею и семьею убитаго; подобно тому, какъ вира примиряла убійцу съ Государствомъ и обществомъ, такъ головничество должно было примирить его съ семействомъ убитаго.

Головничество платилось по этому только въ томъ случаѣ, если убійца былъ извѣстенъ; въ случаѣ же «дикой виры», о которой мы должны еще сказать нѣсколько словъ, головничество не платилось; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, когда личность преступника была вполнѣ извѣстна, онъ всегда платилъ головничество одинъ, безъ помощи верви. Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу убійства безнаказаннаго. Мы уже указывали, что убійство въ «свадѣ,» т. е., въ ссорѣ, пользовалось нѣкоторой привилегіею, также какъ убійство «на пиру явлено»; но мы объясняли эту привилегію тѣмъ, что наше древнее право, какъ и Салическое, покровительствовало убійствамъ, совершеннымъ открыто. Вполнѣ безнаказанными были по Правдѣ Ярослава убійство изъ мести, которое Правдою узаконялось. Въ законѣ Салическомъ мы не видимъ подобной законной мести, но, судя по выраженію одной, уже приведенной нами въ своемъ мѣстѣ, статьи этого закона, [124] мы можемъ предположить, что и у Салическихъ Франковъ было извѣстно безнаказанное убійство изъ мщенія. Къ этому же разряду убійствъ слѣдуетъ отнести убійство раба, ударившаго свободнаго; сыновья Ярослава отмѣнили это право всякаго свободнаго убить оскорбившаго его раба и позволили только «бити и (его, т. е., оскорбителя), розвязавше». Такимъ образомъ Правда сыновей Ярослава не признаетъ безнаказаннымъ убійство изъ мести; тѣмъ не менѣе мы находимъ и въ это время указанія закона на возмож-

[124] De capite hominis, quod inimicus suus in palo miserit.

ность самоуправства, дозволеннаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже такого самоуправства, которое могло кончиться смертью.

Законъ нашъ ставитъ весьма высоко реальныя обиды, выражающія презрѣніе къ оскорбленному, за которыя обыкновенно назначается высшая продажа въ 12 гривенъ; при этомъ въ одной изъ статей, говоря объ обидахъ дѣйствіемъ (ст. 20-я Тр. сп.), законъ прибавляетъ: «не терпя ли, противу тому оударить мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть,» т. е., если обиженный, не стерпѣвъ обиды, [125] выхвативъ мечъ, ударитъ обидчика мечомъ, то, не смотря ни на какія послѣдствія, онъ остается безнаказаннымъ. Между тѣмъ выше ст. 19-я наказываетъ даже за простое выниманіе меча изъ ноженъ съ угрозою ударить. [126] Статья эта явно имѣетъ въ виду предупредить кровопролитіе при различныхъ ссорахъ. Слѣдующая же статья (20-я) дозволяетъ обиженному «рубить мечемъ обидчика.» Хотя отсюда не совсѣмъ ясно, остается ли безнаказаннымъ убійство, совершенное въ пылу негодованія обиженнымъ, но несомнѣнно, что законъ признаетъ въ этомъ случаѣ за обиженнымъ право немедленно мстить обидчику.

Болѣе выпукло представлена въ законѣ возможность частнаго самоуправства при татьбѣ. Ст. 36-я Троицк. сп. прямо указываетъ, что: «аже оубиють кого оу клѣти, или оу котороѣ татбы, то оубиють во пса мѣсто». Слѣдовательно, вора, застигнутаго («in flagrante delicto») на мѣстѣ преступленія, могли тутъ же убить. Но уже сама Правда выставляетъ нѣкоторое ограниченіе подобнаго самосуда надъ воромъ. Воръ могъ быть убитъ безнаказанно немедленно послѣ того, какъ былъ схваченъ; если же, по словамъ Правды, «додержать до свѣта», [127] то должны вести вора на «княжь дворъ». Если же убивали вора послѣ того, какъ люди видѣли его связаннымъ, то взыскивалась за то пеня въ 12 грив. Намъ кажется, что эта пеня является продажей и не можетъ быть отнесена къ тѣмъ взысканіямъ за убійство, о которыхъ мы говорили. Убійство вора ненаказуемо и не составляетъ преступленія; въ дѣлѣ же

---

[125] Замѣтимъ, что ст. 20-я говоритъ объ обидахъ крайне презрительнаго свойства, на пр., если кто ударитъ палкою (ботагомъ, чашею, или рогомъ (обида эта происходитъ, на пр., на пиру), или тупою стороною меча, тылѣснью.

[126] «Аже ли вынезъ мечъ, а не оутнеть, то гривна кунъ,» ст. 19-я списка Троицкаго.

[127] Выраженіе это указываетъ, кажется, и на то, что татьба, о которой говоритъ разбираемая статья, была татьба ночная.

убійства связаннаго вора заключается нарушеніе привилегіи Княжеской юрисдикціи, которая и наказывается высшею продажею въ пользу Князя. Замѣтимъ, что подобнаго особеннаго вида безпаказаннаго убійства Салическій законъ не знаетъ, хотя, по словамъ Вильда (стр. 701 и слѣд.), другіе Германскіе кодексы о немъ и упоминаютъ. Съ понятіемъ денежныхъ взысканій за убійство неразрывно связано, по нашему древнему праву, понятіе верви, союза, играющаго важную роль при убійствѣ. [128]

---

[128] Мы приводимъ здѣсь двѣ синоптическія таблицы, которыя могутъ показать взглядъ на убійство нашей Правды и законовъ Салическихъ. По отношенію къ Правдѣ держались мы въ этомъ случаѣ постановленій списка Троицкаго, дополняя его въ нѣкоторыхъ случаяхъ спискомъ Академическимъ; для Салическаго же закона пользовались мы преимущественно текстомъ V Pardessus (Lex emendata), иногда сравнивая его съ древнѣйшимъ I текстомъ. Третья приложенная таблица должна показать наглядымъ ебразомъ отношеніе верви къ платежамъ виры въ различныхъ случаяхъ убійства, когда убійца былъ извѣстенъ, или когда онъ скрывался.

СРАВНИТЕЛЬНЫЯ ТАБЛИЦЫ ПЕНЕЙ ЗА

I.

ПО ПРАВДѢ.

Нормальный видъ убійства безъ смягчающихъ или отягчающихъ обстоятельствъ (Правда: ст. I-я Акад. сп., статьи I и IX-й Троицк. и Карамз. сп. Lex Salica, cap. XXI, § 1-й, cap. XXIV § 6 и 8-й, cap. XLIII § 1 (стр. 5).

Убійство привилегированное (со смягчающими дѣло обстоятельствами) Правда: ст. 20-я, 22-я, 23-я и 24-я, сп. Ак., ст. 11, 12, 13 и 14. сп. Тр. и Карамз., Lex Salica cap. 26 § 5, и cap. 43 §§ 7, 8, 9.

Убійство квалифицированное1-е) по предмету преступленія. Правда ст. 18, 21-я сп. Ак.; ст. 1-я, 3-я и 10-я. сп. Троицк. и Карамз. Lex Salica: cap. 26 § 1-й, 4, 6, 7 и 8; cap. 43 § 4, 6; cap. 56 § 1, 2, 3-й.

2) По обстоятельствамъ дѣла: а) Убійство. съ корыстною цѣлью (ст. 5-я Троицк. и Карамз. сп.)

3) По обстоятельствамъ дѣла:

б) Убійство тайкою (homicidium a contubernio factum) Lex Salica emendata cap. 44.

в) Убійство скрытное, когда преступникъ старается уничтожить слѣды преступленія.

За убійство всѣхъ вообще свободныхъ, не подходящихъ подъ два послѣдующіе отдѣла, оплачивается 40 гривенною вирою.

За убійство рядовича, смерда платилась пеня въ 5 грив.
За убійство ремесленниковъ, кормильцевъ сельскихъ тіуновъ княжихъ (ратайныхъ) была постановлена пеня въ 12 грив.

При убійствѣ лицъ старшей Княжеской дружины вообще и Огнищанъ вира удвоивалась: вмѣсто обыкновенныхъ 40 грив. платилось 80 грив.

При разбоѣ «безъ всякой свады,» за разбойника люди не платятъ, но выдадятъ и всего съ женою и съ дѣтми на потокъ и на разграбленіе.

II.

5 гривенъ.	12 грив.	45 солид.	100 солид.	Нормальная пеня за 40 гривенъ.	убійство 200 солидов.
Убійство. Смерда и рядовича.	Сельскаго старосты, ремесленника, кормильца и кормилицы.	Убійство. Romani tribatarie.	Romani possessoris. Плода или новорожденнаго, не имѣющаго имени.	Обыкновенное убійство свободнаго. Полвиры 20 грив. влечетъ за собою убійство женщины.	

УБІЙСТВО ПО РУССКОЙ ПРАВДѢ И LEX SALICA.

ПО LEX SALICA.

Убійство свободнаго Франка, или Варвара, qui lege salica vivit, подлежитъ вирѣ leudis) въ 8000 динаріевъ или въ 200 солидовъ.

Убійство плода или новорожденнаго, не имѣющаго имени, Римлянина (possessorem), или раненаго, у котораго враги отрубили руки и ноги, влекло пеню въ 100 солидовъ. Убійство Римлянина изъ податнаго сословія (Romanum tributarium) оплачивалось пенею въ 45 солид.

За убійство мальчика, не достигшаго 12 лѣтъ, или женщины, назначено было взысканіе въ 600 сол. (за убійство беременной женщины въ 700 с.)

Убійство безъ отягчающихъ обстоятельствъ лицъ близкихъ къ Королю оплачивалось всегда двойною пенею. За убійство Римлянина (conviva regis, или барона (pueris regis)—300 сол., за всѣхъ остальныхъ—600 сол.

Убійство свободнаго (ingenuum) тайкою въ его собственномъ домѣ влекло пеню въ 600 сол.

Подобное убійство лица (trusta dominica) оплачивалось пеней въ 1800 сол.

Оно влекло всегда тройное взысканіе.

За всѣхъ свободныхъ пеня равнялась 600 с.

За лицъ привилегированныхъ, въ слѣдствіе ихъ близости къ Королю, оно доходило до 1800 с.

80 гривенъ.	600 солидовъ.		1800 солид.
Убійство княжа мужа, Огнищанина (въ обидоу).	Убійство. Equis qui in truste dominica fuit. Квалифицированное всѣхъ свободныхъ. Мальчика недостигшаго 12 лѣтъ, или женщины.*		Убійство квалифицированное лицъ ex truste dominica.

* Убійство женщины беременной влекло пеню въ 700 солидовъ, какъ бы 600 за нее и 100 за совмѣстное убійство плода.

III.

Помощь верви:

I. При убійствѣ на пиру «явлено.»
II. При убійствѣ въ «свадѣ».

Убійца платитъ одинъ:

I. При убійствѣ въ «обиду.»
Убійца выдается на потокъ и на разграбленье.
I. При убійствѣ на разбоѣ безъ всякое «свады».

Вервь платитъ одна:

I. Когда убійца не найденъ.
А. По списку Академическому при убійствѣ Огнищанина въ разбоѣ.
Б. По списку Троицкому при убійствѣ Княжа мужа въ разбоѣ.

Вервь.

Вопросъ о верви представляется однимъ изъ наиболѣе спутанныхъ и особенно затрудняющихъ изслѣдователя при изученіи Русской Правды; между тѣмъ, разсматривая уголовное право этого древнѣйшаго памятника нашего законодательства, мы ни какъ не можемъ обойти верви, какъ учрежденія, играющаго весьма важную роль въ уголовномъ законодательствѣ той поры. Правда упоминаетъ о верви въ ст. объ убійствѣ и воровствѣ,—двухъ преступленіяхъ, которыми наиболѣе занимается нашъ законъ; по тому, безъ разъясненія понятій о верви, не возможно и правильное пониманіе постановленій объ этихъ двухъ преступленіяхъ. Учрежденіе верви встрѣчается только въ Правдѣ и ни въ одномъ изъ предыдущихъ, или послѣдующихъ, памятниковъ нашего законодательства этого выраженія мы болѣе не находимъ. Затрудненіе для его объясненія заключается главнымъ образомъ въ томъ, что Правда, упоминая о верви, не указываетъ на ея устройство, но опредѣляетъ только ея обязанности въ извѣстныхъ случаяхъ воровства. Чтобы установить понятіе верви по Правдѣ, мы постараемся собрать разбросанныя постановленія ея о верви и вывести изъ нихъ тѣ немногія заключенія, которыя могутъ быть сдѣланы болѣе, или менѣе, безошибочно. Скудные выводы, которые

мы можемъ получить такимъ образомъ, постараемся выполнить разборомъ нѣкоторыхъ ученыхъ гаданій и сравненіемъ съ аналогическими учрежденіями Западными, опровергая при этомъ, однако, всякую мысль о возможномъ заимствованіи нашего права изъ какого ни будь иностраннаго.

Выраженіе «вервь» несомнѣнно обозначаетъ извѣстную совокупность лицъ; это понятіе собирательное, также какъ городъ, село, міръ и т. п. Это положеніе легко вывести изъ статей Правды, упоминающихъ о верви, гдѣ часто употребляются выраженія, указывающія на большое число членовъ вервей. Кромѣ того, вмѣсто этого выраженія (верьвь) употребляются иногда выраженія несомнѣнно собирательныя, на примѣръ, люди (людіе ст. 5 и 6 Троицкаго списка). Слѣдовательно, вервь представляла извѣстный союзъ лицъ. Но Правда, говоря о нѣкоторыхъ обязанностяхъ верви, указываетъ на то, что для этого союза существовали земельныя границы, въ предѣлахъ которыхъ проявлялась дѣятельность верви: статья 3 (Тр. сп.) указываетъ, что, въ случаѣ убійства, платить виру, при неизвѣстности убійцы, та вервь, въ предѣлахъ которой лежитъ голова; [129] выраженіе статьи прямо указываетъ, что вервь имѣла извѣстныя границы; то же самое подтверждаютъ и статьи о свадѣ при отысканіи украденной вещи.

Такимъ образомъ на основаніи Правды можемъ мы заключить, что вервь была союзомъ лицъ, жившихъ на извѣстной опредѣленной части земли. Этимъ ограничиваются наши свѣдѣнія о составѣ и внутреннемъ устройствѣ верви: ни ея земельнаго протяженія, ни опредѣленнаго числа ея членовъ, не указываетъ Правда, что даетъ намъ поводъ заключить, что ни то, ни другое и не было опредѣлено въ нашемъ законодательствѣ, но являлось величиною произвольною.

Объ обязанностяхъ верви говоритъ Правда также весьма неопредѣленнымъ образомъ: въ статьяхъ объ убійствѣ встрѣчается нѣсколько постановленій о, такъ называемой, дикой вирѣ, которыя указываютъ на извѣстныя обязанности верви, аналогическое постановленіе встрѣчаемъ мы въ статьяхъ о воровствѣ. [130]

[129] «То виревную платити, въ чьей же верви голова лежитъ.»

[130] Аже кто оубіеть Княжа мужа (по сп. Ак. огнищанина) въ разбоѣ, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьей же верви голова лежитъ, то 80 грив; паки ль людинъ, то 40 грив. (ст. 3. Троиц. сп.).... а по костехъ и по

Въ этихъ статьяхъ находятся два важныхъ указанія на характеръ дѣятельности верви. Во первыхъ, въ статьѣ 3 встрѣчается выраженіе: «а головника не ищуть,» которое указываетъ на какую-то обязанность искать головника, т. е., въ данномъ случаѣ разбойника; въ статьѣ 63 эта обязанность уже ясно выражена въ словахъ: «то по верви искати татя;» при томъ въ обѣихъ статьяхъ указываетя и на то, что эта обязанность была принудительная, что, въ случаѣ ея неисполненія, вервь отвѣчала: такъ изъ статьи 3 можно вывести, что вервь, если она не искала разбойника, или не находила его, платила «виревную,» т. е., пеню за убійство въ 80, или въ 40, грив. (такъ называемую, дикую виру); ст. 63 прямо предоставляетъ верви одно изъ двухъ: «искати татя, ли платити продажу.» Во вторыхъ, по ст. 4 вервь была обязана помогать головнику, т. е., убійцѣ въ уплатѣ виры въ томъ случаѣ, если онъ совершилъ убійство «въ свадѣ» или «на пиру явлено;» впрочемъ, по ст. 6 эта обязанность имѣла мѣсто только въ томъ случаѣ, если головникъ прежде «вкладывался въ дикую виру.» [131] Изъ всѣхъ указанныхъ статей Правды можно вывести, что вервь представляла союзъ лицъ, имѣющій извѣстныя земельныя границы, союзъ, на который возлагались иногда извѣстныя полицейскія обязанности, на пр., въ родѣ преслѣдованія преступника, и который былъ обязанъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывать помощь преступнику, состоящену его членомъ.

Къ этому мы должны прибавить, что вервь отвѣчала Князю платежемъ пени въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенія преступленія въ ея предѣлахъ, когда виновный не былъ извѣстенъ. Какъ ка-

---

мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдають, ни знають его» (ст. 15 Тр. сп.). Которая ли вервь начнеть платити дикую вѣру, колико лѣтъ заплатить ту виру, за неже безъ головника имъ платити; будеть ли головникъ ихъ въ верви, то зань къ нимъ прикладываетъ, того же дѣля имъ помогати головникоу, любо ся дикую вѣру, но сплати імъ вообчи 40 гривенъ, а головничьство самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити всѣ дружины свою часть; но аже будеть оубилъ или въ свадѣ, или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинымъ, іже ся прикладываютъ вирою» (ст. 3 Троиц. сп.). «Аже кто не вложиться въ дикую вѣру, тому люди не помогають, но самъ платить (ст. 6 Тр. сп.).

«Аже будеть росѣчена земля, или знамение, имъ же ловлено, или сѣть, то по верви искати татя, ли платити продажю» (ст. 63 Троицкаго списка).

[131] Мы выводимъ это положеніе argumento ex contrario изъ выраженія «въ дикую виру, тому людіе не помогають, но самъ платить.»

жется, эта пеня взыскивалась съ верви, какъ бы въ видѣ наказанія за плохое исполненіе ею своихъ обязанностей. На основаніи всего выше сказаннаго мы считаемъ возможнымъ согласиться, по крайней мѣрѣ въ главномъ, съ мнѣніемъ Профессора Московскаго Университета В. И. Лешкова, что вервь несомнѣнно составляла нѣкотораго рода юридическую личность въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова; хотя съ остальными предположеніями почтеннаго изслѣдователя трудно согласиться, такъ какъ противъ нихъ можно высказать столько же, сколько и за нихъ. Наиболѣе сбивчивымъ является въ этомъ случаѣ вопросъ о происхожденіи верви, было ли это учрежденіе заимствованное, или свое? Ставя этотъ вопросъ, мы не полагаемъ особенно заняться его разрѣшеніемъ, что потребовало бы слишкомъ много времени; замѣтимъ только, что теорія заимствованія у насъ давно утратила свое значеніе по отношенію къ первичнымъ учрежденіямъ права, и по тому не можетъ быть приложена и къ указанному случаю; въ этомъ убѣждаютъ насъ труды Проф. Леонтовича,[132] который доказываетъ, что большая часть древнѣйшихъ учрежденій Русскаго права, въ томъ числѣ и вервь, составляютъ учрежденія обще-Славянскія, свойственныя самой народности Славянъ.

По отношенію къ другимъ вопросамъ, на которые даетъ отвѣты Проф. Лешковъ, какъ то о протяженіи верви (стр. 109 и сл.), объ ея населеніи (стр. 116 и слѣд.), объ ея управленіи и дѣятельности, мы должны замѣтить, что, на основаніи тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя представляютъ намъ наши источники, не возможно вывести тѣхъ положеній, которыя выставляетъ Проф. Лешковъ и которыя мы считаемъ болѣе, или менѣе, правдоподобными догадками и предположеніями, но никакъ не вполнѣ доказанными истинами.[133]

Чтобы хотя сколько ни будь удовлетворительно выяснить вопросы о составѣ членовъ верви и объ ея назначеніи, необходимо обратить вниманіе на аналогическія учрежденія Западнаго права,

---

[132] Журн. Минст. Нар. Просв. 1867 г., Апрѣль, часть 134: «О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полоцкому Статуту, сравнительно съ задругою Юго-Западныхъ Славянъ.»

[133] Замѣчательно объясненіе самаго слова вервь, которое даетъ Лешковъ, замѣчая, что оно указываетъ на извѣстный способъ мѣры земли для обозначенія пространства, которое онъ нашелъ и въ позднѣйшихъ памятникахъ (XVI вѣка) въ выраженіи «столько-то веревокъ.» См. «Лешкова, Исторія Русск. Общ. Права до XVIII вѣка. Москва, 1856, стр. 109.»

которые, по нашему мнѣнію, могутъ пролить нѣсколько свѣта на эти темные вопросы, мало затронутые Правдою.

Въ законѣ Салическомъ нѣтъ постановленій о какомъ нибудь учрежденіи, сходномъ съ вервью, если только не считать намекомъ на подобное учрежденіе упоминаніе о «thunginus,» которое Пардесю (p. 579 и 580) считаетъ однозначащимъ съ «centenarius;» но въ другихъ Германскихъ законодательствахъ, въ особенности въ Англо-Саксонскомъ, находятся весьма подробныя указанія на подобное учрежденіе. Декреты Хильдеберта (595 г.) и Клотара (595 г.) указываютъ на то, что учрежденія, подобныя Англо-Саксонскимъ, существовали и у Франковъ.

Мы видѣли въ законѣ Салическомъ подробныя правила объ отвѣтственности за несостоятельнаго преступника всей его родни («de chrene cruda»); подобнаго рода отвѣтственность объяснялась той нравственною связью, которая существуетъ между родственниками и дѣлаетъ ихъ отвѣтственными въ случаѣ преступленія, совершеннаго однимъ изъ нихъ. Семья является первымъ вполнѣ безъискуственнымъ союзомъ людей, который имѣлъ наиболѣе важное значеніе въ первоначальномъ обществѣ; изъ семьи развивается родъ, который составляетъ первоначально какъ бы небольшое государство, гдѣ вся власть сосредоточена въ рукахъ родоначальника.

Съ появленіемъ государственной единоличной власти родъ теряетъ свое политическое значеніе, но въ большинствѣ случаевъ сохраняетъ хотя часть прежней своей власти по отношенію къ своимъ членамъ. Родственная связь надолго сдерживаетъ членовъ рода, и новообразующееся Государство во многихъ случаяхъ обращается къ помощи рода, находя болѣе легкимъ имѣть дѣло съ такимъ болѣе обширнымъ союзомъ, чѣмъ съ отдѣльными его членами и дѣлая его отвѣтственнымъ за его членовъ.

Такого рода учрежденіе встрѣчаемъ мы въ древней Англо-Саксонской «maegburh,» [134] которая является союзомъ, гдѣ всѣ члены, соединенные между собою кровными узами, обязаны та-

---

[134] Прекрасный очеркъ Англо-Саксонскаго учрежденія союзовъ съ круговою порукою (gesammtbürgschaft), сходныхъ по своимъ отправленіямъ съ нашею вервью, имѣемъ мы въ сочиненіи Кембла (Kemble. Die Sachsen in England, übers. von Brandes. Leipzig, 1853), гдѣ онъ представляетъ и историческій ходъ образованія подобныхъ союзовъ въ Англіи.

кою порукою по отношенію другъ къ другу, что преступленіе одного бросало тѣнь и должно было быть искуплено всѣми.[135]

Такимъ образомъ древнѣйшій родъ, какъ Англійская «maegburh,» естественно имѣлъ въ Государствѣ и полицейское и судебное значеніе, при чемъ родственная связь его членовъ служила основою для той отвѣтственности, которую Государство требовало отъ нихъ.

Но родственная семейная связь недолго могла имѣть подобное значеніе; при томъ, съ развитіемъ промышленности, члены одного рода могли разсѣяться, и родъ терялъ въ этомъ случаѣ свой первоначальный характеръ: онъ распадался на свои составныя части, на семьи, которыя продолжали существовать самостоятельно и независимо отъ него. Въ этотъ моментъ исторіи, когда родъ утрачивалъ свое значеніе, Государство должно было найти другую форму союза, которая бы могла заступить прежній родъ: тогда образуются небольшія общества, играющія, по отношенію къ Государству, ту же роль, какъ и прежніе роды. Эти общества носили въ Англіи названіе «Tithings» (десятки) и «Hundreds» (сотни). Эти термины, которые появились съ нѣсколько измѣненнымъ, впрочемъ, значеніемъ довольно поздно въ Англо-Саксонскомъ законодательствѣ, признаетъ Кембль однозначащими съ древнѣйшимъ выраженіемъ «gegyldan» т. е., члены одной гильдіи (стр. 195). По поводу этихъ «gegyldan» дѣйствовало въ древнѣйшемъ Англо-Саксонскомъ правѣ правило, чтобы, въ случаѣ совершенія какого ни будь тяжкаго преступленія однимъ изъ «gegyldan,» онъ платилъ только одну треть всей пени, изъ остальной же суммы (т. е. $^2/_3$ пени) одна половина уплачивалась родственниками преступника, а другая его «gegyldan»; при этомъ законъ предполагаетъ, что подобное товарищество имѣлъ каждый человѣкъ. Въ Англо-Саксонскомъ правѣ «gegyldan» являются лицами, которые платятъ другъ за друга, имѣютъ съ этою цѣлью общую казну и обязаны круговой порукой. Весьма подробное постановленіе, вполнѣ объясняющее значеніе этихъ десятковъ и гильдій, сохранилось изъ временъ Эдуарда Ис-

---

[135] Кембль указываетъ, какъ на поразительный примѣръ отвѣтственности, на одно мѣсто въ «Беовульфѣ,» гдѣ приводится рѣчь вождя къ воинамъ, которые покинули своего предводителя въ минуту высшей опасности. Въ наказаніе вождь объявляетъ имъ, что не только они, но и всѣ ихъ родичи, вся ихъ «maegburh,» лишаются правъ гражданства.

повѣдника, гдѣ эти общества носятъ названія «fridborh» [136] (pacis plegium, fridensbürgschaft»), союзъ, обязанный круговою порукою, для сохраненія мира. Эти «fridborhs» были обязаны представлять преступника изъ ихъ среды на судъ и заботиться о томъ, чтобы онъ не убѣжалъ; если же преступнику удавалось бѣжать, то союзъ отвѣчалъ за «damnum» или «capitale» Салическаго закона. А если члены указаннаго союза могли дать клятву, что они ни въ чемъ не содѣйствовали бѣгству преступника, то они освобождались отъ платежа этой суммы. Такимъ образомъ одновременно и на ряду съ семьею преступника дѣйствовалъ и «fridborh» въ то время, какъ семья (въ томъ обширномъ смыслѣ, какъ знаетъ ее Салическій законъ—«parentela») обязана была, въ случаѣ несостоятельности преступника, отвѣчать за него платежомъ композиціи; «fridborh» долженъ былъ заботиться, чтобы преступникъ не ускользнулъ отъ рукъ правосудія, и если семья была заинтересована иногда дать средство къ побѣгу преступнику родичу, то прямая выгода «fridborh'а» всегда заставляла его противодѣйствовать этому. Такимъ образомъ семейная связь родственниковъ продолжала еще имѣть нѣкоторое значеніе въ Англо-Саксонскомъ правѣ; но, наравнѣ съ «maegburh,» члены которой связяны кровными узами, существуетъ и получаетъ первенствующее значеніе «fridborh,» «hylden» (соотвѣтствующіе «tithings» и «hundred»), соединеніе членовъ, которой («gegyldan») является вполнѣ случайнымъ. У Франковъ существовало, судя по указаннымъ декретамъ Хильдеберта и Клотара, учрежденіе, соотвѣтствующее Англо-Саксонскимъ «hundreds.» [137] Это учрежденіе Франковъ носитъ названіе «centena,» [138] которое также

---

[136] По тексту закона Эдуарда, приведенному Кемблемъ: «Alia pax maxima est, per quam omnes firmiori statu sustentantur: scilicet fidejussiones stabilitate, quam Angli vocant fridborgas, praeter Eboracenses, qui vocant eam termanne, hoc est numerum decem virrorum.» Еще въ очень древнее время словупотребленіе измѣнило это выраженіе «fridborh» въ «frioborh (freiburgschaft, т. е., союзъ свободныхъ).

[137] Кембль доказываетъ, что первоначально основанные на извѣстномъ числѣ членовъ «tithings» и «hundred» сдѣлались въ послѣдствіи неизмѣняемыми, не смотря на приращеніе народонаселенія, земельныя единицы; положеніе это имѣетъ особенное значеніе по отношенію къ «hundred.»

[138] Нѣчто подобное существовало въ Новгородѣ; такъ въ небольшомъ памятникѣ, приложенномъ къ Карамзинскому списку Правды («О городскихъ мостахъ«) находится указаніе на обязанность сотенъ, носящихъ извѣстныя названія мостить улицы въ Новгородѣ. По этому Уставу всѣхъ сотенъ

указываетъ на первоначальное число членовъ подобнаго союза. Роль этого «centena» была почти болѣе ограниченная, чѣмъ роль Англо-Саксонскаго «fridborh,» или «hylden». Изъ одного мѣста декрета Клотара можно заключить, что эти сотни были устроены въ слѣдствіе недостаточности ночныхъ сторожей, которые плохо удовлетворяли своимъ полицейскимъ обязанностямъ; такимъ образомъ «centenae» были учреждены съ цѣлью чисто полицейскою. Весьма занимательно описывается въ одномъ изъ декретовъ обязательное преслѣдованіе вора, возложенное на сотню и имѣющее значительное сходство съ нашимъ сводомъ, по поводу украденной вещи и преслѣдованіемъ вора по слѣду. Въ случаѣ совершенія какого либо воровства обязывалась «centena» немедлено уплатить истцу («causatur») стоимость покраденнаго («capitale»), и за тѣмъ «centenarius», съ помощью и другихъ членовъ «centenae,» обязанъ преслѣдовать вора по слѣду; если слѣдъ приводилъ къ границамъ другой «centenae,» то это послѣднее обязывалось или выдать вора, или немедленно уплатить «capitale» и очистить себя клятвою, что не скрываетъ намѣренно вора. Замѣчательно, что, по прямому смыслу закона, «centena» была обязана уплатить только «capitale».

Воринген замѣчаетъ по этому поводу, что считаетъ неосновательнымъ мнѣніе Проф. Рогге, будто бы «centena» отвѣчала и за платежъ композиціи и была обязана круговою порукою въ случаѣ несостоятельности одного изъ ея членовъ, какъ это было въ нашей верви. Намъ кажется, что, при существованіи той отвѣтственности семьи преступника, какую мы видѣли у Салическихъ Франковъ, не было нужды для несостоятельнаго преступника въ помощи «centenae», такъ какъ вполнѣ замѣнялась этой семейной помощью. При томъ въ Англо-Саксонскихъ гильдіяхъ имѣлся складочный капиталъ гильдіи, изъ котораго оказывалась нерѣдко помощь несостоятельному члену союза и въ другихъ случаяхъ, кромѣ судебныхъ взысканій, въ слѣдствіе чего гильдія играла не одну только полицейскую роль. У Франковъ же, судя по приведеннымъ декретамъ, разбираемые союзы были устроены исключительно съ цѣлью обезпечить безопасность страны, такъ что, въ случаѣ совершенія преступленія, «centena» платила пострадавшему «са-

---

перечисляемыхъ въ этомъ случаѣ, насчитываютъ до 19: на нихъ возлагаются извѣстныя полицейскія обязанности въ видѣ мощенія улицъ. Свѣдѣній о другомъ видѣ этой обязательности мы не имѣемъ почти никакихъ.

pitale,» какъ бы за дурное исполненіе своихъ обязанностей; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, когда «centena» отказывалась отъ исполненія своихъ обязанностей, или медлила выполнить требованія закона, на примѣръ, не желала выдать скрывавшагося преступника, каждый изъ ея членовъ присуждался къ пени въ 5 солид. Замѣчательно, что пеня назначается въ этомъ случаѣ не на весь союзъ, но на отдѣльныхъ его членовъ.

Изъ постановленій Англо-Саксонскихъ и Франкскихъ (соч. Кембля и Воринген а) мы можемъ вывести: во 1-хъ, что, у Англо-Саксовъ и у Франковъ существовали союзы, которые были обязаны наблюдать за сохраненіемъ общаго мира и всеобщей безопасности («summa et maxima securitas»); въ 2, что эти союзы отвѣчали передъ Государствомъ въ томъ случаѣ, если, по ихъ нерадѣнію, или злонамѣренности, преступникъ ускользалъ отъ руки правосудія; и въ 3, что эти союзы обязаны были вознаградить истца за всѣ убытки, которые онъ потерпѣлъ отъ преступленія. Впрочемъ, только Англо-Саксонскіе «gegyldan» оказывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ и помощь преступнику въ уплатѣ пени; другіе же союзы (на примѣръ, существующіе у Франковъ «centenae»), какъ можно заключить изъ источниковъ, не были обязаны круговою порукой за своихъ членовъ въ случаѣ совершенія преступленія, и не участвовали въ платежѣ пени, возложенной на одного изъ нихъ. Эта послѣдняя объясняется, какъ мы уже замѣтили, существованіемъ семьи («parentelae»), которая обязана была по закону оказывать помощь несостоятельному преступнику, ея члену. Необходимо установить три случая, важные для выясненія нашей верви: во 1-хъ, всѣ эти союзы были установлены съ цѣлью главнымъ образомъ полицейскою; во 2-хъ, каждый изъ этихъ союзовъ былъ основанъ на вполнѣ случайныхъ обстоятельствахъ и состоялъ первоначально изъ опредѣленнаго числа членовъ, не состоящихъ въ родственной связи; и въ 3-хъ, каждый изъ этихъ союзовъ (за исключеніемъ Англо-Саксонскихъ гильдій) имѣлъ свои постоянныя, опредѣленныя обычаемъ, границы, которыя въ послѣдствіи не измѣнялись, не смотря на увеличеніе народонаселенія и соотвѣтствующія измѣненія въ первоначальномъ числѣ жителей.

Сравнивая эти положенія съ тѣмъ, что намъ извѣстно по отношенію къ нашей верви, мы считаемъ возможнымъ заключить, что главная обязанность нашей верви была чисто полицейскаго свойства, какъ мы это предполагали при разборѣ статей о разбоѣ и татьбѣ.

Весьма труднымъ является при этомъ вопросъ о составѣ членовъ верви. Проф. Леонтовичъ, въ своей статьѣ: «О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому Статуту» и т. д., видимо склоняется къ тому мнѣнію, что вервь и по Правдѣ составляла «общину съ семейнымъ характеромъ,» какъ это доказано по отношенію къ Полицкому Статуту, и сравниваетъ ее съ задругою Юго-Западныхъ Славянъ; онъ идетъ даже еще далѣе: подтверждая тождественность задруги съ родомъ, онъ полагаетъ, что «роды Нестора можно понимать именно въ смыслѣ задругъ и вервей.»

Мнѣніе это, кажется, объясняется тѣмъ предпочтеніемъ, которое постоянно отдаетъ почтенный Профессоръ свидѣтельству Славянскихъ источниковъ; не всегда, однако, можно предположить тождественность учрежденій, носящихъ одинаковое названіе и принадлежащихъ народамъ одного племени, говорящимъ сходнымъ языкомъ, но поставленнымъ въ совершенно различныя условія жизни.

Для того, чтобы доказать подобную тождественность, требуется множество условій, соединеніе которыхъ почти не возможно. Подобное воззрѣніе особенно ошибочно въ правѣ, гдѣ всѣ формы въ высшей степени измѣнчивы и легко подвергаются различнымъ постороннимъ вліяніямъ. Мнѣніе, что вервь была семейною общиною,[139] кажется намъ едва ли правдоподобно, хотя за него и можно привести нѣкоторыя, впрочемъ, довольно незначительныя, данныя. Мы видѣли историческій ходъ Западныхъ учрежденій, имѣвшихъ много сходныхъ сторонъ съ нашею вервью. Эти учре-

---

[139] Родомъ въ настоящемъ значеніи этого слова мы ее признать не можемъ ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ она лишена тѣхъ особенностей, которыми характеризуется родъ. Даже изъ тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ въ Правдѣ, мы можемъ заключить, что вервь была общиною, въ которой, по крайней мѣрѣ, иногда, былъ возможенъ отказъ члена отъ исполненія нѣкоторыхъ изъ своихъ обязанностей, на примѣръ, отъ обязательства платить дикую виру; въ родѣ подобнаго своеволія не могъ дозволить себѣ ни одинъ изъ его членовъ; отказъ отъ повиновенія родоначальнику былъ равносиленъ выходу изъ роду; между тѣмъ ничто не даетъ намъ права предположить, что въ верви существовала власть, подобная власти родоначальника; ничто не позволяетъ намъ заключить, что каждая вервь жила, какъ то говоритъ Несторъ о родахъ, своею самостоятельною, независимою отъ другихъ, жизнью; намъ кажется, что свидѣтельство Нестора о родахъ ни какъ не можетъ быть приложено къ положенію верви въ періодъ Правды.

жденія замѣнили собою родъ, тогда какъ семья, въ обширномъ смыслѣ слова, продолжала имѣть большое значеніе въ уголовномъ законодательствѣ и обязана была оказывать вспомоществованіе несостоятельному преступнику. По нашему праву семья подобной роли, кажется, не играла, за исключеніемъ случая разбоя, гдѣ законъ прямо указываетъ, что преступникъ выдается съ «женою и съ дѣтми» на потокъ; родственники не отвѣчали за совершенное однимъ изъ нихъ преступленіе. Но эту обязанность ближайшихъ родственниковъ оказывать помощь преступнику принимала въ этомъ случаѣ, подобно Англо Саксонской гильдіи, наша вервь. Однако, мы видѣли, что всѣ, подобныя верви, учрежденія на Западѣ семейнаго характера не имѣли и что, напротивъ, Полицкая вервь, представлявшая семейную общину, какъ кажется, этого полицейскаго характера не имѣла. На этомъ основаніи можно предположить, что вервь, не имѣя характера семейной общины, являлась, подобно Франкской «centena», учрежденіемъ главнымъ образомъ, если не исключительно, полицейскимъ. Противъ предположенія Проф. Леонтовича говоритъ и то обстоятельство, что Правда видимо предполагаетъ въ верви довольно значительно число членовъ, что едва ли могло быть въ общинѣ семейной. На основаніи же текста Правды и сравненія съ аналогическими учрежденіями у Англо Саксовъ и Франковъ, мы считаемъ вполнѣ доказаннымъ, что вервь была общиною земельною и при томъ какъ это прекрасно развиваетъ Проф. Лешковъ, общиною земельною съ неизмѣнными постоянными границами. Это послѣднее условіе также не допускаетъ предположенія о родственномъ ея составѣ. То обстоятельство, что Правда говоритъ о верви, какъ о чемъ-то извѣстномъ, и обращаетъ только особенное вниманіе на нѣкоторыя ея полицейскія обязанности, подтверждаетъ только то, что вервь составляетъ дѣйствительно учрежденіе обычнаго права, но ни сколько не доказываетъ, что она имѣла семейный характеръ. Правда нашла вервь уже вполнѣ сформировавшеюся; по всей вѣроятности, вервь уже издавна существовала и дѣйствовала, и по тому Правда не упоминаетъ ничего объ ея устройствѣ, а указываетъ только на ея обязанности по отношенію къ Государству. Разборъ этихъ обязанностей также подтверждаетъ высказанную нами мысль, что дѣятельность этой общины была по преимуществу полицейская.

Объ обязанностяхъ верви говоритъ Правда въ постановленіяхъ о воровствѣ и объ убійствѣ. Постановленія о воровствѣ болѣе

опредѣлительны и ясны, по чему мы считаемъ возможнымъ начать съ нихъ. По поводу порчи различныхъ орудій ловли животныхъ предписываетъ Правда «искать по верви татя, или платить продажу;» этимъ возлагается на вервь прямая обязанность отыскивать виновнаго. Здѣсь необходимо обратить вниманіе на то преступленіе, которое даетъ поводъ къ подобнаго рода постановленію. Въ обыкновенныхъ кражахъ холоповъ, скота, или вещей, Правда опредѣляла истцу отыскивать самому свою вещь, и за тѣмъ, посредствомъ свода, искать и самаго вора, который и платилъ и пеню, и за всѣ издержки по его отысканію. Если же были испорчены охотничьи снаряды, или уничтожены устроенныя ловушки, то не представлялось возможности искать преступника сводомъ, и по тому это дѣло возлагалось на всю вервь. Какъ поступала она въ этомъ случаѣ, можно видѣть изъ статьи 71 Троицкаго списка, которая хотя и относится къ отдѣльному случаю «выдранія пчелъ» и воровства меду, но можетъ быть приложена и къ указанному случаю порчи ловушекъ, также какъ и вообще къ воровству, когда не было на лицо самой украденной вещи.

По словамъ статьи: «небудетъ ли татя, то по слѣду жепуть,»[140] законъ предписывалъ ити по слѣдамъ вора, если слѣдъ приводилъ къ селу, и жители его не соглашались ѣхать дальше на слѣдъ и не могли отклонить отъ себя подозрѣніе, что воръ находится въ ихъ средѣ,[141] то они обязаны были платить и «продажу» и «татбу» т. е., частное вознагражденіе за покраденное; то же самое полагалось и въ томъ случаѣ, если слѣдъ приводилъ къ «товару,» т. е., къ купеческому каравану. Предполагая, что преслѣдованіе по слѣду производилось вервью, которая и отвѣчала, по предыдущей статьѣ, за «продажу» (и, по всей вѣроятности, и за «татьбу,» мы считаемъ, что если Правда говоритъ о «селѣ», то она имѣетъ въ виду село, какъ одну изъ составныхъ частей верви (или даже, можетъ быть, какъ самостоятельную вервь), такъ что въ этомъ случаѣ отвѣтственность той верви, въ которой была совершена кража, переходила на другую вервь, къ которой приво-

---

[140] Замѣчательно, что въ этой статьѣ постоянно употребляется безличное выраженіе, тогда какъ въ статьяхъ о свадѣ обыкновенно указывается на личность преслѣдователя вора, такъ что, на основаніи этой неопредѣленности выраженія, мы предполагаемъ, что дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ случаѣ являлась вервь.

[141] «А не отсочать отъ себе слѣда, ни ѣдуть на слѣдъ, или отъбьются.»

дилъ слѣдъ; если слѣдъ приводилъ къ товару, т. е., къ торговому каравану, слѣдовательно, къ лицамъ, по всей вѣроятности, не принадлежащимъ къ верви, разыскивающей вора, составляющимъ какъ бы случайное временное поселеніе, по чему вервь и слагаетъ свою отвѣтственность на этихъ лицъ. Относительно перваго и записанныхъ случаевъ Правда выставляетъ основоположеніе, указанное нами въ правѣ Франковъ, что союзъ (вервь), не имѣющій прямаго отношенія къ преступленію, совершенному внѣ его предѣловъ, обязывался разыскивать преступника въ томъ случаѣ, если къ нему приводилъ слѣдъ. Начало это вполнѣ понятно: члены каждой верви должны были наблюдать другъ за другомъ, и члены одной верви не могли съ успѣхомъ производить розыски въ предѣлахъ другой верви; естественно, что, для успѣха разслѣдованій, часто не обходима была помощь чужой верви, и если она отказывалась, то выказывала этимъ или свою связь съ преступникомъ, или же преступную безразличность, и по тому обязана была, какъ вознаградить истца, такъ и уплатить «продажу.» Особой пени за подобный отказъ верви отъ исполненія своихъ обязанностей Правда не назначаетъ.

Во второмъ же случаѣ, если слѣдъ приводилъ къ торговому каравану, предполагалось, что виновный скрывается въ самомъ караванѣ, и по тому, если купцы не могли ни доказать свою невинность, ни выдать, или указать, дальнѣйшій слѣдъ виновнаго, то они обязаны были уплатить и «татьбу» и «продажу.»

«Гнать слѣдъ» слѣдовало, по выраженію Правды, «съ чюжими людми а съ послухи,» т. е., по всей вѣроятности, для того, чтобы видѣть, что преслѣдованіе ведется вполнѣ законнымъ образомъ, должны были присутствовать въ качествѣ понятыхъ лица, посторонніе семьѣ потерпѣвшаго. Послухи же, т. е., люди, знавшіе о совершеніи преступленія, должны были присутствовать для того, чтобы способствовать разъясненію дѣла. Если слѣдъ пропадалъ «на гостиньцѣ на велицѣ» т. е., на большой дорогѣ, или въ пустомъ мѣстѣ, гдѣ не было жилья, то дѣло оставалось безъ послѣдствій, по словамъ Правды: «то не платити ни продажи, ни татбы;» въ этомъ случаѣ нельзя было выразить подозрѣнія на кого ни будь, вервь же, въ предѣлахъ которой совершилось преступленіе, уже исполнила свою обязанность, отыскивая вора, и по тому не подлежала взысканію.[142] По отношенію къ убійству на

[142] Любопытныя свѣдѣнія «о гоненьи слѣда» по Литовскимъ Статутамъ встрѣча-

верви лежала такая же обязанность отыскивать преступника; только въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ кажется, отвѣтственность верви была болѣе значительна въ томъ смыслѣ, что, кромѣ высшей пени, самъ законъ представлялъ въ этомъ случаѣ болѣе строгія требованія: убійца долженъ былъ быть непремѣнно найденъ; въ противномъ слрчаѣ вервь всегда обязана была уплатить виру.

Изъ всѣхъ постановленій Правды о верви можно заключить, что это учрежденіе было обязательное и повсемѣстно существующее, такъ что при этомъ нельзя думать, чтобы поступленіе въ члены извѣстной верви было дѣломъ произвольнымъ. Это послѣднее мнѣніе было, однако же, не разъ высказано по поводу извѣстной статьи: «аже кто не вложится въ дикую виру»....; намъ кажется, что эта статья можетъ быть вполнѣ удовлетворительно объяснена инымъ образомъ. Платежъ дикой виры составлялъ только одну изъ обязанностей верви и не былъ непремѣннымъ условіемъ принадлежности къ верви. Нельзя понимать это выраженіе, какъ вступленіе лица въ составъ верви внесеніемъ извѣстной суммы; напротивъ, самое выраженіе Правды показываетъ, что она имѣла въ виду исключительный случай уплаты «дикой виры.» Дикою вирою назывались всѣ платежи верви за убитыхъ, найденныхъ на ея землѣ, когда личность убійцы не была извѣстна; слѣдовательно, когда вервь платила безъ «головника,» по тому всѣ члены верви обязаны были участвовать въ подобныхъ платежахъ; если же кто либо отказывался отъ уплаты, приходящейся на его долю части (и не могъ быть принужденъ къ этому), то, буде онъ совершалъ преступленіе въ послѣдствіи, вервь не обязана была помогать ему. Такимъ образомъ это былъ частный случай, который не могъ имѣть общаго значенія. Правда выставляетъ только въ видѣ угрозы, что если кто ни будь откажется отъ своей обязанности внести часть дикой виры, т. е., оставить прочихъ членовъ верви платить виру безъ его помощи, то, если бы ему пришлось въ послѣдствіи платить виру, онъ остается безъ помощи съ ихъ стороны.

Произвольнаго же выхода изъ нея не можемъ мы допустить по самой сущности иныхъ обязанностей, которыя были возложе-

---

емъ мы въ указанной статьѣ Леонтовича: «Русская Правда и Литовскій Статутъ.»

пы по Правдѣ на этотъ союзъ. Кромѣ того Правда явно предполагаетъ, съ одной стороны, что каждый человѣкъ принадлежитъ къ извѣстной верви, и съ другой стороны, что верви существуютъ повсемѣстно.

Въ уголовномъ правѣ Русской Правды вервь является главнымъ и единственнымъ учрежденіемъ, обезпечивающимъ безопасность частныхъ лицъ; при этомъ мы должны прибавить, что, кромѣ этого ея значенія, она имѣла еще другое, фискальное, тѣмъ, что платила иногда Государству то дикую виру, то продажу, которая составляла въ эту пору одинъ изъ важныхъ доходовъ Князя.

Въ отношеніи этого всего Государственнаго значенія вервь замѣняла Западныя «fridborh» и «centenae;» по отношенію же къ той помощи, которую иногда оказывала вервь (какъ въ Англіи гильдія) преступнику, играла она аналогическую роль съ семьей на Западѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ существовала, однако, значительная разница между помощью, оказываемой въ платежѣ пени родственниками несостоятельнаго преступника, и помощью союза, членомъ котораго состоитъ преступникъ.

Родственники помогали преступнику, по Закону Салическому, только въ случаѣ его несостоятельности;[143] напротивъ, вервь всегда помогала преступнику въ извѣстныхъ, указанныхъ закономъ, случаяхъ, и въ этомъ случаѣ вервь является какъ бы обществомъ взаимнаго страхованія, гдѣ каждый участникъ, платя за другихъ, могъ надѣяться, что, въ случаѣ совершенія имъ самимъ убійства, при извѣстныхъ условіяхъ,[144] будетъ оказана помощь въ платежѣ виры.

Такимъ образомъ вервь, съ одной стороны, наблюдала въ своихъ предѣлахъ за порядкомъ и охраняла личную и имущественную безопасность каждаго изъ своихъ членовъ, съ другой стороны она обезпечивала своимъ сочленамъ денежную помощь для уплаты виры въ томъ случаѣ, если одинъ изъ нихъ убивалъ кого ни будь въ минуту раздраженія, въ дракѣ и т. п.

---

[143] Въ правѣ Англо-Саксовъ мы находимъ, что родственники преступника всегда платили одну треть взысканія, тогда какъ другую треть уплачивала гильдія, и только треть падала на преступника, который, вѣроятно, въ случаѣ несостоятельности, долженъ былъ бѣжать. Kemble I B., S. 215.

[144] Въ главѣ о пеняхъ за убійство указали мы на тѣ законныя условія, которыми опредѣлялась эта помощь верви.

Трудно сказать, имѣла ли наша вервь, подобно тому, какъ Англо-Саксонская гильдія, еще какое ни будь другое значеніе: по крайней мѣрѣ наши источники объ этомъ умалчиваютъ. То же полицейское значеніе верви, о которомъ мы упоминали, должно быть принято также въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, и ея дѣятельность въ этомъ направленіи касается только способовъ предупрежденія преступленій (воровства и убійства),[145] или способовъ отысканія и преслѣдованія преступника въ случаяхъ совершеннаго въ предѣлахъ верви преступленія.

Учрежденіе верви имѣетъ такое громадное значеніе въ исторіи Русскаго права и представляетъ такой обширный матеріялъ для самыхъ разнообразныхъ сравненій, что оно не можетъ быть исчерпано, не только такимъ сжатымъ очеркомъ, какой мы представили,[146] но и болѣе подробною статьею, тѣмъ болѣе, что собственной литературы этого вопроса у насъ совсѣмъ не существуетъ, но приходится ограничиваться небольшими замѣтками въ изслѣдованіяхъ, касающихся Правды, и немногими журнальными статьями, затронувшими этотъ вопросъ. Между тѣмъ разъясненіе этого вопроса повело бы насъ, по справедливому замѣчанію Проф. Лешкова, и къ лучшему пониманію Правды, и не только Правды, но и всего древнѣйшаго періода Русской Исторіи.[147]

О денежныхъ взысканіяхъ за увѣчья, раны и за реальныя обиды.

Нашъ законъ не говоритъ объ увѣчьяхъ вообще, но, слѣдуя своей обыкновенной казуистической системѣ, свойственной какъ закону Салическому, такъ и вообще всѣмъ кодексамъ этой поры, упоминаетъ только объ отдѣльныхъ случаяхъ увѣчья, которые и перечисляются въ отдѣльныхъ статьяхъ его.

---

[145] Какого рода была власть, предоставленная верви для выполненія своей задачи, мы не знаемъ, но слѣдуетъ предположить, что она имѣла извѣстныя средства (въ видѣ, на пр., ночныхъ обходовъ, существовавшихъ на Западѣ и т. п.), чтобы предупредить совершеніе преступленія на ея землѣ.

[146] Мы, къ сожалѣнію, не имѣли возможности посвятить болѣе времени учрежденію верви, изученіе котораго могло только способствовать уясненію предложенной задачи, но не составляло ея существенной части.

[147] Мы стараемся расположить разборъ Правды съ точки зрѣнія нашей задачи по тѣмъ же отдѣламъ, которые мы приняли въ нашей предварительной работѣ, излагая постановленія Салическаго закона.

Наиболѣе важными представляются увѣчья, лишающія человѣка возможности охранять свою личную безопасность, дѣлающія его безпомощнымъ. Въ пору господства грубой силы подобныя увѣчья могли равняться лишенію жизни; человѣкъ, который имъ подвергался, дѣлался ненужнымъ, безполезнымъ членомъ общества, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія того времени. По тому списки первой древнѣйшей фамиліи, какъ Академическій, и постановляютъ за подобное увѣчье, къ которому главнымъ образомъ относится отсѣченіе руки, [148] взысканіе, равное полной вирѣ за убійство, т. е., 40 грив; при этомъ разбираемая статья говоритъ только о рукѣ, не упоминая о другихъ органахъ, впрочемъ, кромѣ ноги. [149]

Въ спискѣ Троицкомъ мы находимъ уже позднѣйшее постановленіе по этому вопросу. Древнѣйшее наше право смотрѣло на лишеніе человѣка руки, или даже ноги, какъ на преступленіе, однозначащее съ убійствомъ. Позднѣе это воззрѣніе само собою измѣнилось; разница, которая существуетъ между лишеніемъ человѣка жизни, и лишеніемъ его одного изъ его членовъ, естественно бросалась въ глаза и, въ слѣдствіе этого, произошла перемѣна и во взглядѣ законодательства на это преступленіе. Ст. 21 Троицкаго списка назначаетъ за отсѣченіе руки, ноги, или за лишеніе глаза, полувирье, т. е., 20 грив., а за «вѣкъ» пострадавшему 10 грив. [150]

По законамъ Салическихъ Франковъ назначена за это пре-

---

[148] Или лишенія возможности владѣть рукою; по ст. 5: «аже ли оутнеть роукоу и отпадеть роука, либо оусохнеть.»

[149] Въ ней мы встрѣчаемъ еще постановленіе объ отсѣченіи ноги, гдѣ смыслъ закона крайне неясенъ: «аще боудеть нога цѣла, или начьветь хромати, тогда чадо смирять.» Въ особенности по поводу этого второго выраженія: «тогда чадо смирять» было высказано нѣсколько мнѣній (Христом. по истор. Русск. Нрава, Владимирскаго-Буданова. Выпускъ 1, стр. 30-я). Вопреки значенію наиболѣе извѣстнаго изслѣдователя Правды, Г. Калачова, мнѣніе котораго приводитъ Проф. Владимирскій-Будановъ, мы считаемъ болѣе правдоподобнымъ, тамъ же указанное объясненіе, Эверса, по которому эта статья указываетъ на право частной мести дѣтей изувѣченнаго. Какъ мы видѣли, увѣчье руки и ноги разсматривается по нашему древнѣйшему праву одинаково съ убійствомъ; по этому весьма естественно допустить въ этомъ случаѣ частную месть, которая предписывалась самимъ закономъ при убійствѣ. Въ этомъ случаѣ допускалось одно только ограниченіе въ значительно болѣе тѣсномъ кругѣ этихъ мстителей, которыми могли быть только дѣти изувѣченнаго.

[150] Списокъ Карамзинскій прибавляетъ къ этому и отсѣченіе носа.

ступленіе также половина полной пени за убійство, т. е., 100 сол. Изъ сравненій, дѣлаемыхъ Профессоромъ Вильда (стр. 760 и слѣд.) различныхъ Германскихъ законодательствъ, мы можемъ заключить, что таково было общее, за немногими исключеніями, воззрѣніе Германскихъ кодексовъ, что лишеніе руки, или ноги, оплачивалось половинною пеней за убійство, и только нѣкоторые законы установляютъ полную пеню на случай совершеннаго лишенія человѣка обѣихъ рукъ, или ногъ. Lex Salica дѣлаетъ при этомъ различіе между совершеннымъ отсѣченіемъ руки и сильнымъ ея раненіемъ, при которомъ рука виситъ на плечѣ: «manus ipsa ibidem mancata ependerit,» наказывая этотъ послѣдній случай значительно слабѣйшимъ штрафомъ, въ 45 сол. Частное вознагражденіе пострадавшаго довольно значительно, что объясняется важностію самаго поврежденія и обусловливаемою имъ неспособностію къ труду, отчасти временною (т. е., во время лѣченія), отчасти постоянною, въ слѣдствіе лишенія столь важнаго органа.

Тѣмъ не менѣе это частное вознагражденіе истца въ половину меньше пени, т. е., въ этомъ случаѣ пропорціональность совершенно обратная, чѣмъ въ Салическомъ законѣ, гдѣ только $^1/_3$ полнаго взысканія составляетъ пеню, а $^2/_3$ частное вознагражденіе истца.

Одновременно съ лишеніемъ руки разсматриваетъ законъ Салическій лишеніе отдѣльныхъ пальцевъ, назначая за каждый особую пеню. При этомъ мы легко можемъ замѣтить, что главное вниманіе закона обращено на способность человѣка владѣть оружіемъ. Такъ, по поводу втораго пальца, законъ прямо указываетъ, что онъ необходимъ для того, чтобы стрѣлять изъ лука («si secundum digitum, quo sagittatur»); за лишеніе этого пальца постановлена пеня въ 35 сол., за отсѣченіе же всѣхъ остальныхъ пальцевъ, кромѣ большаго (пеня за который доходитъ до 45 сол.), назначена пеня въ 45 сол., т. е., по 15 сол. за каждый палецъ въ отдѣльности, какъ на то указываютъ послѣдующія статьи. Русская Правда не знаетъ подобныхъ различій между отсѣченіемъ различныхъ пальцевъ руки, и установляетъ въ этомъ случаѣ единообразную пеню въ 3 гривны; частное вознагражденіе пострадавшаго можетъ доходить по этой же статьѣ до гривны кунъ.[154]

---

[154] «Аже перстъ оутнетъ к і и л ю б о, 3 гривны продажѣ, а самому (т. е. раненному) гривна кунъ.» Ст. 22 Троицк. списка.

Кромѣ этихъ указанныхъ поврежденій, наиболѣе возможныхъ въ дракѣ, и по тому особенно часто встрѣчающихся, законъ Салическій предусматриваетъ и много другихъ, о которыхъ мы упоминали въ 1-мъ отдѣлѣ нашего труда.

Русская Правда подобнаго рода увѣчья не предусматриваетъ, и всѣ поврежденія, сюда относящіяся, подойдутъ, по всей вѣроятности, подъ статью 24 о раненіяхъ.

Эта статья говоритъ собственно о раненіяхъ острымъ рѣжущимъ оружіемъ, мечомъ. За ударъ мечомъ, ранившій человѣка, платилась пеня въ 3 гривны; за смертельный же ударъ полагалась обычная вира. [152] Статья эта имѣетъ въ виду преступленіе наиболѣе распространенное въ ту пору, когда всякій свободный носилъ оружіе (главнымъ образомъ мечъ), и относится къ нему весьма снисходительно. Главныя возможныя увѣчья выдѣлены, какъ мы замѣтили изъ этого отдѣла; но тѣмъ не менѣе сюда могутъ относиться весьма важныя, и все таки не смертельныя, поврежденія, которыя оплачивались, однако, также незначительною «продажею,» въ 3 гривны. Важнымъ добавленіемъ къ этой статьѣ служитъ требованіе уплаты лѣчебнаго, которое, вѣроятно, имѣло мѣсто и въ случаяхъ выше описанныхъ увѣчій. По отношенію къ ранамъ замѣчаемъ мы въ Салическомъ законѣ совершенно иную систему: законъ старается предусмотрѣть отдѣльные виды раненій, и съ этою цѣлью перечисляетъ одинъ за другимъ. Нашъ законъ болѣе кратокъ и не обращаетъ вниманія на тяжесть ранъ.

Законъ Салическій также упоминаетъ о платѣ за лѣченіе («medicatura»), хотя только при наиболѣе опасномъ раненіи («si plaga ipsa semper curit et ad sanitatem non pervenerit»). Русская Правда приводитъ при этомъ весьма своеобразный взглядъ на разбираемое преступленіе: назначая 3 гривны за ударъ обнаженнымъ мечомъ, она установляетъ пеню въ четверо больше (12 гривенъ) за ударъ мечомъ въ ножнахъ, или рукоятью меча. Въ этомъ случаѣ мы видимъ, что нашъ законъ имѣетъ въ виду не болѣзненность, или опасность для жизни удара, но его оскорбительность. Въ то время, какъ Lex Salica возвышаетъ, или понижаетъ, величину взысканія, смотря по большей, или меньшей, опасности удара для жизни, такъ что за простой ударъ палкою (даже 3

---

[152] «Аже оударить мечемь, а не оутнеть на смерть, то три гривны, а самому гривна, за рану же лечебное; потнеть ли на смерть, а вира.»

раза повторенный) назначалась незначительная пеня, 3 солида, тогда какъ въ случаѣ раны мечомъ пеня могла доходить до 62½ сол. Русская Правда назначаетъ, наоборотъ, пеню въ 3 гривны за всякую несмертельную рану, и въ 12 грив. за простой ударъ палкою. Это объясняется именно тѣмъ своеобразнымъ взглядомъ Правды на значеніе удара палкою, тупою стороною меча и т. п., какъ на выраженіе крайняго презрѣнія къ потерпѣвшему, т. е., какъ на дѣйствіе въ высшей степени оскорбительное. Высшая продажа въ 12 грив. назначается по Правдѣ именно за подобныя дѣйствія, считаемыя за особенно оскорбительныя.[153]

Оба списка (Троицк. и Акад.), взаимно дополняютъ другъ друга; по ст. 4 сп. Акад. и 15 сп. Троицк. наказывается высшею продажею тотъ, кто ударитъ мечомъ «не вынезъ» его, или его рукоятью. Ст. 3 Акад. сп. и 20 Троицк. содержитъ болѣе подробное разсмотрѣніе подобнаго рода реальныхъ обидъ: къ этому виду обидъ отнесены по Акад. списку ударъ «батогомъ» (палкою), или жердью, или «пястью» (рукою), или «чашею,» или «рогомъ, или тылеснью» (кажется, тупой стороной меча); за всѣ подобныя обиды слѣдовала «продажа» въ 12 грив.; но законъ признавалъ подобное оскорбленіе столь невыносимымъ, что допускалъ при нихъ возможность частнаго мщенія: ст. 3 сп. Акад., перечисливъ всѣ виды подобныхъ обидъ, указываетъ: «аще сего (т. е., оскорбителя) не постигнуть, то платити емоу: то тоу конецъ.» Это постановленіе объясняется заключеніемъ ст. 20 Троицк. сп.: «не терпя ли противу тому оударить (обидчика) мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть.» Такимъ образомъ сп. Акад. предполагаетъ, что обиженный (вѣроятно, съ близкими лицами) будетъ стараться немедленно отомстить за себя, и предписываетъ только, что если бы обидчикъ успѣлъ спастись бѣгствомъ, то чтобы онъ болѣе не подвергался преслѣдованію, но чтобы въ этомъ послѣднемъ случаѣ обиженный ограничился денежнымъ взысканіемъ.

И такъ по списку Акад. узаконялась частная месть при подобныхъ личныхъ обидахъ, съ тѣмъ единственнымъ ограниченіемъ, что обиженный могъ мстить только немедленно послѣ оскорбленія; замѣтимъ при этомъ, что законъ, упоминая о «чашѣ» и «рогѣ,» какъ объ орудіяхъ обиды, имѣетъ главнымъ образомъ въ

---

[153] Объ этомъ говорятъ ст. 18-я, 80-я, 60-я и 61-я Троицк. сп. Ст. 3-я, 4-я и 7-я Акад. сп.

виду обиды, совершенныя во время пира. Ст. 20 сп. Троицкаго принадлежитъ къ времени позднѣйшему, когда право частной мести было отмѣнено даже по отношенію къ убійству; естественно, что и по отношенію къ личнымъ обидамъ это право не могло быть сохранено, и потому редакція 20 ст. Троицкаго сп. значительно различается отъ редакціи ст. 3 Акад. сп., хотя по списку Троицк. и объявляется безнаказанность обиженнаго въ томъ случаѣ, если онъ, не стерпѣвъ оскорбленія, ударитъ обидчика мечомъ; но это немедленное мщеніе не считаетъ ст. 20 нормальнымъ ходомъ дѣла, а ставитъ какъ исключеніе, считая за общее правило денежное взысканіе; напротивъ ст. 3 Академ. списка считаетъ нормальнымъ немедленное преслѣдованіе оскорбителя, и только, въ случаѣ безуспѣшности подобной попытки отомстить за оскорбленіе, налагаетъ на обидчика денежный штрафъ. Изъ этихъ постановленій мы ясно видимъ, что древніе Славяне значительно выше ставили личное чувство чести, чѣмъ тѣлесную боль. Мы уже замѣтили, какъ ничтожно было взысканіе за раненія, иногда весьма опасныя, или за лишеніе одного изъ пальцевъ, между тѣмъ за оборванный усъ, или за нарушеніе цѣлости бороды, т. е., за личныя обиды, назначалась та же высшая «продажа,» въ 12 грив. (ст. 7 Акад. и 60 Троицк. сп.). Подобное же взысканіе установлено за выбитый зубъ. По Салическому Закону за выбитый зубъ назначается значительно меньшая пеня, въ 15 сол. По всей вѣроятности, Правда и въ этомъ случаѣ имѣетъ въ виду также оскорбительность дѣйствія.

Если человѣкъ обнажаетъ противъ другого мечъ и ранитъ его мечомъ, то, по воззрѣніямъ той поры, онъ тѣмъ самымъ доказываетъ, что считаетъ его равноправнымъ противникомъ; напротивъ, если онъ бьетъ его кулакомъ, палкою, рогомъ, вообще всякимъ первымъ попавшимся подъ руку орудіемъ, или въ особенности мечомъ въ ножнахъ, тупою стороною меча, или его рукоятью, то онъ выказываетъ этимъ самымъ дѣйствіемъ, что ставитъ своего противника значительно ниже себя (почти на одну доску съ рабами, по отношенію къ которымъ подобное дѣйствіе не могло имѣть никакихъ послѣдствій), что онъ глубоко презираетъ его. На эту черту подобныхъ дѣяній и обращаетъ особое вниманіе Правда. [154] Въ Салическомъ Законѣ мы такого воззрѣнія не ви-

---

[154] Напротивъ, наши торговые договоры съ Нѣмцами держатся другого воз-

димъ, и если нѣкоторыя статьи назначаютъ весьма высокое взысканіе за дѣйствія, которыя, по видимому, имѣютъ значеніе словесныхъ обидъ, на примѣръ: «Si quis alterum hereburgium (stribporcium) clamaverit,» то только по тому, что, какъ мы старались доказать, подобныя дѣянія носили характеръ опасной клеветы, а не какъ обиды. Русская Правда особенно выдѣляетъ эти преступленія противъ чести и по способу ихъ преслѣдованія. Мы уже упоминали, что законъ видимо предполагаетъ публичность нанесенія обиды при нанесеніи удара; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, по предположенію самаго закона, не можетъ быть затрудненія найти свидѣтелей; напротивъ, по отношенію къ другого рода реальнымъ обидамъ, на примѣръ: вырванію бороды, или выбитію зуба, скорѣе возможенъ «поклепъ;» вотъ по чему законъ устанавливаетъ въ этихъ двухъ случаяхъ подробныя правила судопроизводства. Назначая за обиду 12 гривенъ «продажи,» законъ требуетъ, чтобы истецъ представилъ «знаменіе,» т. е., вещественныя доказательства того, что у него дѣйствительно «порвали бородоу,» и свидѣтелей «а выльзуть людіе»); за тѣмъ законъ прямо указываетъ, что «въ поклепѣ, то нѣту продажѣ.» Во второмъ случаѣ, т. е., при выбитіи зуба, законъ указываетъ на тѣ же два существенныя условія—вещественныя доказательства (по тексту: «а кровь видять оу него во ртѣ») и свидѣтелей («а люди выльзуть); въ этомъ случаѣ частное вознагражденіе истца простиралось до одной гривны. Нѣкоторыя реальныя обиды не считались столь оскорбительными, и оплачивались по тому значительно низшею «продажею,» въ 3 гривны; при этомъ въ позднѣйшихъ спискахъ (исключая списокъ Академич). является невольное столкновеніе между этою статьею (25 по Троицк. списк.) и только что разобранной о побояхъ.

Редакція списка Академическаго найболѣе краткая, является, однако, найболѣе удовлетворительною въ этомъ случаѣ: «аще ли пнеть моужъ моужа, любо отъ себе, любо къ себѣ, 3 гривнѣ, а видока 2 выведеть, или будеть Варягъ, или Колбягъ, то на ротоу.» Статья эта говоритъ о совершенно особомъ видѣ личной обиды, если кто толкнетъ другого; ясно, что для того, чтобы въ этомъ

зрѣнія и признаютъ многія изъ реальныхъ обидъ, на пр., ударъ по лицу, тасканіе за волосы, выбитіе зуба, менѣе тяжкими правонарушеніями, чѣмъ ударъ копьемъ, или палкою и т. п. См. Договоръ Смоленска и Новгорода съ Нѣмцами.

дѣяніи видѣнъ былъ характеръ обиды, необходимо, чтобы было намѣреніе оскорбить («animus injuriandi»), что и подразумѣваетъ законъ, говоря объ этомъ дѣйствіи, какъ о дѣяніи, всегда предумышленномъ; за тѣмъ, такъ какъ подобное дѣйствіе не оставляло слѣдовъ, какъ, напримѣръ, побои, то необходимо требовались для его доказательства свидѣтели. Законъ требуетъ двухъ «видоковъ,» т. е., свидѣтелей, которые могутъ сказать, что они лично видѣли дѣло преступленія. При этомъ замѣчается еще одна особенность судопроизводства: если потерпѣвшій, или, по другимъ спискамъ, если обѣ стороны, былъ «Варягъ, или «Колбягъ» (по нѣкоторымъ редакціямъ «крещенія не имѣя,» т. е., язычникъ), то допускалась, вмѣсто привода свидѣтелей, «рота» (т. е., присяга), какъ нѣкоторые списки прибавляютъ: «по своей вѣрѣ.»

Списокъ Троицкій прибавляетъ къ преступленію, указанному въ спискѣ Академическомъ, еще два: «любо по лицю оударить, ли жердью оударить,» назначая за нихъ ту же пеню, въ 3 гривны. Это естественно затрудняетъ изслѣдователя, по тому что положительно не можетъ быть согласовано съ статьею 20 о побояхъ. Постановленіе ст. 20 прямо указываетъ на ударъ жердью, о которомъ говоритъ и разбираемая статья, и назначаетъ за него ту же «продажу,» въ 12 грив.; за тѣмъ та же статья упоминаетъ объ ударѣ «пястью,» подъ понятіе котораго вполнѣ подходитъ «ударъ по лицю,» о которомъ упоминаетъ разбираемая статья.

Это противорѣчіе, весьма замѣтно, бросалось, вѣроятно, въ глаза и переписчикамъ Правды, по чему въ нѣкоторыхъ спискахъ мы находимъ прибавленіе: «а знаменія нѣтъ» (т. е., что отъ удара не осталось никакого видимаго знака на тѣлѣ истца), которое можетъ отчасти объяснить то противорѣчіе, которое мы указали.

Мы имѣемъ въ Правдѣ еще одну статью о реальныхъ обидахъ, которая обнимаетъ всѣ случаи побоевъ, не подходящіе подъ выше указанныя статьи. Это послѣднее (23 Троицк. сп.) заключаетъ въ себѣ замѣчательныя правила о томъ порядкѣ судопроизводства, которое имѣетъ мѣсто въ описываемыхъ случаяхъ. За обыкновенные побои, не соединенные съ тѣмъ презрительнымъ обращеніемъ, которое предполагала ст. 20, но полученные, по предположенію разсматриваемой статьи, во время обоюдной драки, слѣдуетъ «продажа» въ 3 гривны. При этомъ, если знаки побоевъ были ясно видны («аже придеть кровавъ мужь на дворъ, или синь» (на тѣлѣ истца въ видѣ кровавыхъ и синихъ пятенъ), то истецъ не нуждался въ свидѣтеляхъ; напротивъ, если этихъ зна-

ковъ не было замѣтно («аще ли не будетъ на немъ знаменія»), то онъ долженъ вывести видоковъ «слово противу слова» (т. е., свидѣтеля противъ свидѣтеля); за тѣмъ по закону считался особенно виноватымъ тотъ, «кто будетъ почалъ,» который и платилъ 60 кунъ; если же окажется, что истецъ, хотя бы избитый до крови, «самъ почалъ», что будетъ доказано послухами («а вылезуть послуси»), то онъ не получаетъ никакого вознагражденія, по пластическому въ высшей степени выраженію Правды: «по то ему за платежь, оже и были.» Этимъ заключаются постановленія Правды въ обидахъ; словесныхъ обидъ Правда не знаетъ. Все же указанное имѣло мѣсто только по отношенію къ лицамъ свободнымъ. Рабъ, по понятіямъ той поры, не могъ быть предметомъ обиды, ни по отношенію къ своему хозяину, ни даже по отношенію къ лицамъ постороннимъ, которыя также, вѣроятно, могли безнаказанно оскорблять раба, если только этимъ они не причиняли вещественнаго ущерба его хозяину.

Если же рабъ оскорблялъ свободнаго, то, какъ мы уже упоминали, по закону Ярослава, онъ могъ быть убитъ оскорбителемъ на мѣстѣ, а по закону сыновей Ярослава, могъ быть только подвергнутъ тѣлесному наказанію. Обиды же, нанесенныя закупу даже его хозяиномъ, оплачивались также, какъ и обиды свободныхъ, такъ что закупъ могъ быть какъ лицомъ, такъ и предметомъ, обиды, какъ и вообще всякій свободный.

Изъ всего сказаннаго мы считаемъ возможнымъ вывести, что, по отношенію къ увѣчьямъ и раненіямъ, Правда относится неодинаково, назначая за первое (въ наиболѣе важныхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ) полвиры, т. е., 20 гривенъ пени, а за вторыя постоянно только пеню въ 3 гривны; за тѣмъ на побои и вообще реальныя обиды Правда смотритъ различно, глядя по степени презрѣнія, выражаемаго тѣмъ, или другимъ, дѣйствіемъ, назначая за наиболѣе презрительныя «продажу» въ 12 гривенъ, а за прочія въ 3 гривны. Особый порядокъ судопроизводства, въ смыслѣ требованія вещественныхъ доказательствъ, видоковъ, иногда и послуховъ, который примѣнялся при разборѣ этихъ преступленій, мы уже разсмотрѣли, и прибавимъ только, что этотъ порядокъ, обусловливаемый самымъ свойствомъ дѣяній, о которыхъ говорятъ разбираемыя статьи, естественно вліялъ какъ на способъ преслѣдованія этихъ дѣяній, такъ и на ихъ наказуемость, въ видѣ полицейскаго правила: для охраненія частной безопасности воспрещается закономъ, подъ страхомъ наказанія, въ видѣ взысканія

пени въ одну гривну кунъ, самая угроза обнаженнымъ мечомъ: «аже ли вынеть мечь, а не оутнеть, то гривна кунъ» (ст. 19 Троицк. сп). Остатки древняго права частной мести особенно замѣчаются въ статьѣ объ оскорбленіяхъ чести, въ видѣ реальныхъ обидъ.

Къ этому же отдѣлу должны быть отнесены статьи, предусматривающія случаи истязанія лицъ. Статьи эти заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что онѣ выходятъ изъ ряда прочихъ постановленій, и тѣмъ легче могутъ подать поводъ къ невѣрному ихъ пониманію. Въ спискѣ Академическомъ мы читаемъ: «или смердъ оумоучить, а безъ Княжа слова, за обидоу 3 гривны» (ст. 31), и: «а въ огнищанинѣ и въ тивоуницѣ и въ мечницы 12 гривенъ» (ст. 32). Въ сп. Троицкомъ редакція этихъ статей нѣсколько полнѣе, хотя эта полнота иногда скорѣе вредитъ точному смыслу текста. «Аже смердъ [155] мучить смерда безъ княжа слова, то... гривны продажи, и за муку гривна кунъ (ст. 71); «Аже огнищанина мучить, то 12 гривенъ продажѣ, а за муку гривна» (ст. 72). Весьма важно утвардить въ этомъ случаѣ то, что ни въ одномъ спискѣ нѣтъ, по отношенію къ истязанію, лицъ второй категоріи («огнищанъ и тіуна») той добавки: «а безъ княжа слова,» которая повсюду встрѣчается въ первой статьѣ объ истязаніи смердовъ. Подразумѣвать же выше приведенныя выраженія и въ слѣдующей статьѣ мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, по тому что вообще Правда скорѣе страдаетъ частными повтореніями, а ни какъ уже не подобными недомолвками, которыя слѣдовало бы восполнять изъ предыдущихъ статей. Установивъ это, мы тѣмъ самымъ опровергаемъ всѣ объясненія, подобныя дѣлаемымъ Гг. Нейманомъ и Ланге, которые, хотя и приходятъ къ вполнѣ различнымъ выводамъ, но при этомъ исходятъ изъ одной и той же точки зрѣнія. Замѣчаніе Г. Ланге (стр. 162 и слѣд.) о свойствѣ той «муки,» о которой говорятъ разбираемыя статьи, считаемъ мы совершенно неважными въ виду того, что вполнѣ безразлично, какого рода были истязанія, тѣмъ болѣе что и самъ законъ не имѣлъ, вѣроятно, въ виду, употребляя столь общее выраженіе, какого ни будь особаго ихъ вида. Но намъ кажутся въ высшей степени исключительными тѣ выводы, которые дѣлаетъ

[155] Это указаніе личности виновнаго не имѣетъ, вѣроятно, никакого юридическаго значенія и должно быть принято только въ смыслѣ примѣра.

Г. Ланге изъ представленнаго имъ объясненія слова «мука;» мы полагаемъ, что разбираемыя статьи имѣютъ въ виду истязаніе. Различіе же, дѣлаемое между смердомъ и огнищаниномъ, легко объясняется изъ того, что мы сказали о различныхъ сословіяхъ лицъ въ главѣ объ убійствѣ. Что истязаніе смерда оцѣнивалось въ четыре раза ниже, чѣмъ истязаніе огнищанина, или Княжа мужа, какъ, напр., Тіуна, легко объясняется общественнымъ положеніемъ лицъ. Этимъ общественнымъ положеніемъ смерда объясняется и то добавленіе: «а безъ княжа слова,» которое встрѣчается въ статьѣ о смердѣ: дѣйствительно смердъ находился въ такой зависимости отъ Князя, что «по княжу слову» онъ могъ быть безнаказанно истязуемъ.

Статья же 135 Карамз. списка, также упоминающая объ истязаніи, какъ о наказаніи кнутомъ и о личномъ задержаніи, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ періоду, который подлежитъ нашему изслѣдованію, такъ какъ, и по своей редакціи и по мѣсту помѣщенія въ Правдѣ, статья эта является позднѣйшею замѣткою переписчика, не имѣющей никакого соотношенія къ тексту самой Правды.

О денежныхъ взысканіяхъ за преступленія имущественныя. О пеняхъ за грабежъ и разбой.

Оба эти преступленія, весьма сходныя между собою, были, безъ сомнѣнія, извѣстны и древнѣйшему періоду нашего законодательства. Однако Правда не обращаетъ на нихъ почти никакого вниманія. Мы находимъ въ ней только одну статью объ убійствѣ въ разбоѣ, обращающую особенное вниманіе на корыстную цѣль, ради которой совершено было преступленіе. Статья эта назначаетъ за преступленіе этого рода «потокъ и разграбленіе» (дома преступника). Причину такого воззрѣнія законодателя старались мы объяснить, разбирая это преступленіе въ главѣ объ убійствѣ.

Трудно сказать, по чему Правда предусмотрѣла только наиболѣе тяжкій видъ подобныхъ преступленій, не упоминая о другихъ аналогическихъ случаяхъ, при которыхъ лицо пострадавшее не было убито. Намъ кажется, что въ расматриваемый періодъ не дѣлали строгаго различія между насильственнымъ отнятіемъ вещи и тайнымъ ея похищеніемъ, и на первое могли смотрѣть даже

болѣе снисходительно, чѣмъ на второе, по тому, по всей вѣроятности, постановленія о воровствѣ прилагались и въ случаѣ насильственнаго захвата вещи, совершенно безъ особеннаго нарушенія личныхъ правъ ея владѣльца; въ случаѣ же нанесенія ранъ, увѣчья, или вообще какихъ либо личныхъ оскорбленій владѣтеля вещи, потерпѣвшій имѣлъ, безъ сомнѣнія, возможность преслѣдовать нарушившаго его личныя права особымъ порядкомъ.

Преступленіе же, предусматриваемое статьей о разбоѣ, выдѣлено, какъ особенно опасное для общества. Законъ имѣетъ въ этомъ случаѣ въ виду убійство въ видѣ промысла, т. е., предполагаетъ, что разбойникъ исключительно занимается убійствомъ съ цѣлью ограбленія своихъ жертвъ. Въ виду особенной опасности, грозящей обществу отъ подобнаго преступника, обособляетъ законъ это преступленіе и назначаетъ за него особенно суровое наказаніе.

Другихъ видовъ грабежа, какъ ограбленія мертвыхъ и нѣкоторыхъ другихъ, предусмотрѣнныхъ въ Салическомъ Законѣ, Правда не знаетъ и вовсе не касается.

О пеняхъ за воровство.

Переходя къ разсмотрѣнію взысканій, назначаемыхъ за похищеніе чужой собственности, мы должны указать въ нѣсколькихъ словахъ на общій характеръ этихъ взысканій. Мы видѣли, что за преступленія противъ личности назначались взысканія двоякаго рода: частныя взысканія за убійство—вира, и взысканія за прочіе виды личныхъ преступленій—продажа. Оба эти взысканія шли въ пользу Князя и служили наказаніемъ, примиряющимъ преступника съ обществомъ. На это значеніе виры и продажи, какъ наказанія, указываетъ и сама Правда: въ статьѣ 42-й мы встрѣчаемъ постановленіе, что, въ случаѣ воровства несвободныхъ, т. е., холоповъ «ихъ же (т. е., уличенныхъ воровъ изъ несвободнаго сословія) Князь продажею не казнить;» выраженіе это прямо указываетъ на то, что вира и продажа составляли дѣйствительно наказаніе. Кромѣ этихъ Государственныхъ взысканій «за обиду», [156]

---

[156] Выраженіе «за обиду,» встрѣчающееся обыкновенно при продажахъ, указываетъ, что наше законодательство, также какъ Западное, смотрѣло на

какъ выражаются иногда источники, при каждомъ преступленіи противъ личности взыскивалось съ виновнаго еще опредѣленное вознагражденіе въ пользу истца. Это вознагражденіе имѣло различный характеръ, смотря по роду преступленія, которое его вызвало: при убійствѣ оно носило особенное названіе «головничество» т. е., плата за голову (не въ томъ смыслѣ, однако, какъ употребляетъ это выраженіе статья 3-я сп. Троицк., говоря о дикой вирѣ), и служила средствомъ примиренія родственниковъ убитаго съ убійцей; при различныхъ раненіяхъ, ударахъ, побояхъ, истязаніяхъ и т. п., это вознагражденіе давалось истцу за муку (за «вѣкъ»), какъ упоминаютъ нѣкоторыя статьи, или, если ударъ не причинялъ особеннаго физическаго страданія, то за оскорбленіе. Въ описанныхъ случаяхъ вознагражденіе это слѣдуетъ строго отличать отъ «лѣчебнаго» («лѣтцю мзда»), о которомъ говорятъ нѣкоторыя статьи; эта послѣдняя составляетъ только возмѣщеніе расходовъ, сдѣланныхъ пострадавшимъ для излѣченія его отъ нанесенныхъ ему поврежденій. Частное вознагражденіе истца при преступленіяхъ противъ личности было весьма неопредѣленно и зависѣло въ большинствѣ случаевъ отъ взаимнаго соглашенія истца и отвѣтчика. Только для нѣкоторыхъ случаевъ, когда это соглашеніе не могло состояться и стороны прибѣгали, для опредѣленія требуемаго вознагражденія, къ суду, законъ устанавливаетъ крайній размѣръ этого вознагражденія, далѣе котораго не могли простираться требованія истца.

Въ преступленіяхъ имущественныхъ мы видимъ тоже раздѣленіе взысканій на Государственныя «продажу» и частныя, въ видѣ вознагражденія лица потерпѣвшаго. Мы уже видѣли, что высшій размѣръ «продажи» по отношенію къ преступленіямъ личнымъ, равнялся 12 грив.; то же самое имѣетъ мѣсто и при преступленіяхъ имущественныхъ: высшая «продажа» за наиболѣе важные случаи этихъ преступленій доходитъ до 12 грив. Опредѣленіе частнаго вознагражденія при этихъ преступленіяхъ обыкновенно не могло представить затрудненія: оно равнялось величинѣ имущественнаго убытка, возникшаго изъ преступленія; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ

преступленіе, какъ на нарушеніе общаго мира, что доказываетъ, что и по нашему праву, хотя намъ были не извѣстны Западныя учрежденія различнаго рода мира (какъ Божьяго, Королевскаго, Церковнаго и т. п. Woringen S. 53 u. f.), преступленіе считалось нарушеніемъ общественнаго мира, какъ бы объявленіемъ новой распри въ замиренномъ обществѣ.

величину эту было не возможно, или, по крайней мѣрѣ, весьма трудно опредѣлить, и тогда, въ большей части случаевъ, самъ законъ назначалъ размѣръ частнаго вознагражденія истца.

Взысканіе за преступленія имущественныя мы будемъ разсматривать по тѣмъ же отдѣламъ, которыя мы намѣтили при разборѣ преступленій имущественныхъ по закону Салическихъ Франковъ.

Разобравъ постановленія нашего закона о преступленіяхъ насильственныхъ, мы переходимъ къ воровству; за тѣмъ мы должны коснуться намѣреннаго истребленія чужой собственности, и въ концѣ укажемъ на нѣкоторыя постановленія Правды о недозволенномъ пользованіи чужимъ имуществомъ.

Подобно тому, какъ мы это видѣли въ законѣ Салическомъ, воровство занимаетъ и въ Русской Правдѣ одно изъ первыхъ мѣстъ по количеству статей, которыя разсматриваютъ это преступленіе. Такъ въ наиболѣе краткомъ спискѣ Академическомъ воровству посвящены 10 статей (всѣхъ же статей 43, такъ что воровство занимаетъ почти $^1/_4$ всѣхъ прочихъ постановленій), въ спискѣ Троицкомъ мы насчитываемъ уже до 25 статей о воровствѣ (всѣхъ статей 115, такъ что отношеніе числа статей о воровствѣ къ общему числу остается въ той же пропорціи, т. е., немного менѣе четверти).

При этомъ мы должны замѣтить, что довольно значительная часть этихъ статей относится къ порядку судопроизводства, которымъ Правда особенно занимается по отношенію къ воровству. Въ нашемъ правѣ можно сдѣлать тоже дѣленіе воровства по предметамъ, какъ это мы сдѣлали по законамъ Салическихъ Франковъ; согласно съ этимъ мы будемъ разсматривать сперва кражу челяди рабовъ, за тѣмъ кражу животныхъ, наконецъ кражу вещей; въ концѣ этой главы мы сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о воровствѣ вообще и представимъ сравнительную таблицу взысканій за воровство, назначаемыхъ по Салическимъ Законамъ и по Правдѣ.

Въ спискѣ Академическомъ встрѣчается одно общее постановленіе о кражѣ челяди: «а оже оуведеть чюжь холопъ, любо рабоу, платити емоу за обидоу 12 гривнѣ.» Это правило сохранило свою полную силу и въ послѣдствіи, что доказываетъ уже разобранный нами законъ Владимира Мономаха объ убійствѣ рабовъ, который назначаетъ за убійство рабовъ ту же 12 гривенную продажу. Въ спискѣ Троицкомъ находимъ мы еще важное поста-

новленіе объ отысканіи украденнаго раба. Рабъ, по самой своей природѣ, былъ поставленъ выше безсловеснаго животнаго, или неодушевленной вещи, и по тому самый способъ его отыскиванія былъ иной. Правда прямо указываетъ, что рабъ «не есть скотъ, нѣлзе рчи,» и что по этому можно отыскивать перваго продавца, т. е., вора, «по языку», т. е., по показаніямъ украденнаго раба, хотя этотъ послѣдній въ искахъ вообще свидѣтелемъ быть не могъ. По статьѣ 33-й указывается въ этомъ случаѣ на совершенно особенный порядокъ свода: лицо, нашедшее своего украденнаго раба, должно вести его на сводъ до 3-го его продавца; этотъ послѣдній отдавалъ тогда хозяину украденнаго раба, въ замѣнъ его, своего челядина, и за тѣмъ шелъ «съ лицемъ» до конечнаго свода, т. е., до послѣдняго продавца раба, который не могъ указать, у кого онъ самъ купилъ раба. Когда былъ найденъ такимъ образомъ дѣйствительный воръ, то съ него взыскивалась положенная пеня въ пользу Князя и «проторъ,» т. е., судебныя издержки въ пользу истца, а рабъ снова возвращался къ своему хозяину, который, въ свою очередь, возвращалъ взятаго на время, въ замѣнъ своего, чужого холопа. Правда полагаетъ, что, въ случаѣ подобнаго свода, воръ можетъ остаться не открытымъ, по тому что украденный рабъ всегда можетъ указать на него. Въ законахъ Салическихъ Франковъ кража раба наказывалась соразмѣрно съ цѣнностью украденнаго раба: за обыкновенную кражу раба платилась пеня въ 35 сол. (по тексту V) и сверхъ того «capitali» и «delatura;» подъ это постановленіе подходитъ и убійство, продажа, или отпускъ на волю чужаго раба. Въ связи съ кражею холоповъ находятся въ нашемъ правѣ постановленія о побѣгѣ рабовъ. Въ случаѣ побѣга холопа хозяинъ его могъ объявить объ этомъ на торгу, и тогда если бы бѣжавшій не былъ представленъ въ продолженіи трехъ дней, то хозяинъ могъ взять его безъ дальнѣйшихъ формальностей у всякаго, у кого бы онъ ни находился (ст. 26 Троицкаго сп.). Объявленіе на торгу имѣло весьма важное значеніе въ этомъ случаѣ, такъ какъ оно избавляло хозяина отъ всякихъ затрудненій при находкѣ раба; послѣ этого объявленія каждый былъ обязанъ доставить бѣглеца, и если кто ни будь давалъ ему пріютъ и не представлялъ его въ теченіи трехъ дней, то разсматривался какъ укрыватель и наказывался 3-гривенною продажею. Сверхъ того, если кто ни будь завѣдомо, «послѣ объявленія на торгу,» давалъ бѣжавшему средства къ бѣгству: доставлялъ ему средства пропитанія («дасть ему хлѣба»), или указывалъ

ему путь, то обязанъ былъ уплатить хозяину раба урокъ, такой же, какъ если бы рабъ былъ убитъ, или украденъ, т. е., 5 грив. за холопа и 6 за рабу. За то, если кто ловилъ бѣжавшаго раба, то получалъ одну гривну за переемъ (ст. 107 Троицк. сп.), но поймавшій, получая выгоду изъ переема, отвѣчалъ въ томъ случаѣ, если, по своему недосмотру («не ублюдеть ли»), упускалъ пойманнаго раба: тогда онъ платилъ его хозяину 4 гривны за холопа и 6 за рабу (одна гривна вычиталась въ этомъ случаѣ въ пользу отвѣтчика за переемъ). Однако, лицо, которое держало чужого бѣжавшаго раба bona fide, не зная объ его личности, не подвергалось отвѣтственности, если только могло недтвердить присягою («ити емоу ротѣ»), что оно не знало, что держало чужого холопа. Салическій Законъ также ставитъ въ связи съ воровствомъ подговоръ рабовъ, назначая за это преступленіе пеню въ 15 сол. Въ этой же главѣ о подговорѣ рабовъ находимъ мы постановленіе о похищеніи чужого раба, которое высказываетъ то же основоположеніе, какъ указанная статья 33 Троицк. сп. Правды: если рабъ украденный кѣмъ ни будь былъ найденъ своимъ хозяиномъ и возвращенъ домой, то онъ долженъ былъ назвать въ публичномъ собраніи («in malbo publico») имя своего похитителя и разсказать всѣ обстоятельства дѣла, при чемъ должны присутствовать со стороны хозяина 3 свидѣтеля; эта формальность повторялась въ 3 собраніяхъ, при чемъ, во избѣжаніе неправильнаго оговора со стороны раба, наблюдали, чтобы всѣ три его показанія были во всемъ согласны между собою и не заключали въ себѣ никакихъ противорѣчій. Обвиненный подвергался штрафу въ 45 сол., «excepto capitale,» которое въ этомъ случаѣ уплачивалось, не смотря на возвращеніе украденнаго раба, «et delatura.» Въ этомъ случаѣ Lex Salica выставляетъ то же основоположеніе, что рабъ можетъ указать на своего похитителя, такъ какъ онъ «не есть скотъ, нѣлзѣ рчи.»

Наиболѣе цѣннымъ имуществомъ послѣ рабовъ, особенно подверженнымъ кражѣ, являются животныя. Въ быту преимущественно земледѣльческомъ, въ какомъ находились Славяне и Франки Салическіе, имѣлъ особенное значеніе домашній скотъ, который, въ слѣдствіе своей особенно высокой цѣны, могъ наиболѣе часто подвергаться кражѣ. По этому какъ Правда, такъ и законъ Салическій, обращаютъ особенное вниманіе на кражу домашняго скота. Первое мѣсто занимаетъ здѣсь кража лошадей, какъ скота наиболѣе цѣннаго и необходимаго въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. По Русской Правдѣ кража лошадей бываетъ двухъ родовъ: «ко-

невая татьба,» какъ кража квалифицированная, и кража простая. Статья 30 Троицк. сп. назначаетъ за коневую татьбу «потокъ»: «аще будеть коневый тать, выдати князю на потокъ;» выраженіе это неоднократно вводило въ заблужденіе изслѣдователей Правды, но, на основаніи объясненій Проф. Леонтовича (Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ Кіевск. Извѣст. 1865 г., №№ 2, 3, 4), мы полагаемъ возможнымъ примѣнить къ этому случаю только одно толкованіе. Коневая татьба отнесена Правдою, по размѣру наказанія, къ разряду наиболѣе важныхъ преступленій, къ которымъ принадлежатъ разбои и поджогъ. Предметомъ кражи въ этомъ случаѣ являются заводскія лошади (жеребцы), которыя имѣли особенную цѣну и случаи кражи которыхъ считался особенно вреднымъ. Проф. Леонтовичъ указываетъ на существованіе въ Литовскихъ Статутахъ аналогическаго постановленія о большой татьбѣ, «которая означала «покраденье свирни, свирепо скарбнаго, спижарнаго» (кражу цѣнныхъ заводскихъ лошадей изъ конюшни), за которую Статутъ назначаетъ высшую мѣру наказанія, въ видѣ выдачи татя на произволъ Князя, или истца (позднѣе смертную казнь). Въ Салическомъ законѣ тѣлесныхъ наказаній для свободныхъ не существуетъ, по тому и подобная кража цѣнныхъ, заводскихъ лошадей, «warannionis,» оплачивается только высшей пенею въ 45 сол. [157] (въ 90 сол., если дѣло идетъ о warannio regis).

Кража простыхъ лошадей подлежала тѣмъ правиламъ, какъ и вообще кража скота. Воровство домашняго скота наказывалось Правдою смотря по обстоятельствамъ дѣла; въ этомъ случаѣ различались большая, или меньшая, преступность дѣянія; кромѣ того Правда обращаетъ вниманіе и на соучастіе, опредѣляя, что, въ случаѣ большаго числа участниковъ кражи, каждый изъ нихъ отвѣчалъ одинаково. Кража изъ закрытаго помѣщенія, слѣдовательно, въ большей части случаевъ кража со взломомъ, считается особенно преступной и наказывается пеней въ 3 гривны 30 кунъ; напротивъ кража скота съ поля разматривается, какъ менѣе пре-

---

[157] Эта пеня представляется весьма значительною и назначается обыкновенно за весьма важныя раны, и въ одномъ случаѣ даже за убійство; по ея значенію и употребленію въ Законѣ Салическомъ она отвѣчаетъ отчасти нашей продажѣ въ 12 грив.; пеня же въ 90 сол. назначается за кражу только въ двухъ случаямъ: при кражѣ заводскимъ жеребцовъ и племенныхъ быковъ, принадлежащихъ Королю. Такимъ образомъ оба эти случая кражи особенно выдѣляются Салическимъ Закономъ, который считаетъ ихъ наиболѣе вредными.

ступная, и за нее полагается втрое меньшая, чѣмъ за первую,— пеня въ 60 кунъ (1 гривна 10 кунъ). [158] Кража скота была, по всей вѣроятности, весьма распространена въ разбираемую пору и производилась весьма часто шайкою; по сему Правда и упоминаетъ постоянно: «будетъ ли ихъ много, то всѣмъ (платить) по 3 гривны 30 кунъ» («или по 60 кунъ»); такимъ образомъ, по отношенію къ воровству, Правда не проводитъ ни малѣйшаго различія между совершеніемъ преступленія однимъ лицомъ, или шайкою. Указанная «продажа» остается неизмѣнною для всякаго рода домашняго скота; но, сверхъ того, если не было «лиця,» т. е., у ворованнаго скота, взыскивалось извѣстное частное вознагражденіе («оурокъ») въ пользу истца, которое значительно измѣнялось, смотря по цѣнности украденнаго животнаго. Въ этомъ случаѣ Правда постоянно и весьма подробно обозначаетъ цѣну каждаго домашняго животнаго. Низшій «оурокъ» равнялся ногати ($2^1/_2$ куны), высшій же доходилъ до 3-хъ гривенъ (150 кунъ). [159] При этомъ наша Правда выставляетъ иное основоположеніе, чѣмъ Салическій Законъ: такъ она назначаетъ урокъ только въ томъ случаѣ, если нѣтъ самаго украденнаго предмета; слѣдовательно, пострадавшій отъ преступленія, никакой имущественной выгоды отъ открытія вора

---

[158] Въ законѣ Салическомъ проведено то же основоположеніе, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ воровству поросятъ: назначая пеню въ 1 сол. (около 1-й трети гривны) за кражу поросенка съ поля («de campo»), онъ возвышаетъ эту пеню до 45 сол. (около 15 гривенъ) въ случаѣ кражи поросенка изъ закрытаго помѣщенія («de sude, quae clavem habet»). Въ этомъ случаѣ пеня чрезвычайно возвышается, что объясняется тѣмъ, что и простой взломъ оплачиваемъ по Салическому Закону пеней въ 30 сол.

[159] Большая часть этихъ частныхъ вознагражденій истца указана въ статьѣ 41 Троицк. сп., которая, опредѣливъ ихъ, заключаетъ: « тоти оуроци смердомъ, оже платять князю продажу.» Это выраженіе, разумѣется, не содержитъ въ себѣ ограничительнаго опредѣленія, что эти уроки платились только смердомъ. Указаніе на смердовъ должны мы принять только какъ примѣръ, имѣющій тѣмъ большее значеніе, что всѣ покражи, о которыхъ говоритъ статья 41-я, могли совершаться главнымъ образомъ у земледѣльческаго населенія, въ которомъ смерды, по своей многочисленности, занимали, вѣроятно, наиболѣе важное мѣсто.

Замѣтимъ, что при кражахъ различнаго рода скота довольно легко могло случиться, что частное вознагражденіе истца превышало размѣръ государственной пени, на пр., при кражѣ лошадей съ поля пеня равнялась 60 кунамъ, а оурокъ 2-мъ гривнамъ.

не получалъ, но ему возвращалось только его собственное; напротивъ въ Салическомъ Законѣ пострадавшій, кромѣ «capitale», т. е., цѣны самой вещи, платимой въ случаѣ ея утраты, получалъ еще «faida.»

По отношенію къ «урокамъ,» платимымъ при кражѣ скота, отличается Правда чрезвычайною полнотою, такъ что, какъ мы старались показать въ приложенной синоптической таблицѣ, нѣкоторыя животныя были оцѣнены не только по полу, но даже смотря по возрасту.

Различныя статьи о воровствѣ весьма близко касаются всѣхъ сторонъ быта нашихъ предковъ, при чемъ кража домашняго скота, необходимаго въ быту земледѣльческомъ, занимаетъ первое довольно важное мѣсто, такъ какъ дѣйствительно земледѣліе составляло въ то время, какъ оно составляетъ и теперь, главную отрасль нашей промышленности. Но, при существованіи необозримыхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, еще не расчищенныхъ рукою человѣка, изобилующихъ всякаго рода пушнымъ звѣремъ, естественно занималъ весьма важное мѣсто, на ряду съ земледѣліемъ, промыселъ охотничій.

Всѣ древнѣйшіе памятники нашей исторіи указываютъ на ту страсть къ охотѣ, которою отличались наши Князья и въ послѣдствіи Цари Московскіе; но, помимо этихъ свидѣтельствъ, доказывающихъ любовь нашихъ предковъ къ охотѣ, находятся въ нашихъ памятникахъ и несомнѣнныя указанія на существованіе охоты, какъ выгоднаго промысла.

Такъ главнымъ предметомъ торговли Русскихъ съ иностранцами являлись мѣха. Россія снабжала почти всю Европу мѣхами, и легко замѣтить, что извѣстныя мѣстности весьма дорожили своимъ исключительнымъ правомъ охотиться въ нѣкоторыхъ лѣсахъ, такъ что даже въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ Княземъ обыкновенно указывались мѣстности, гдѣ и въ какое время Князь имѣлъ право охотиться. [160] Въ слѣдствіе этого значенія охоты и

---

[160] По договорной Новгорода съ Великимъ Княземъ Ярославомъ Тверскимъ 1265 г.: «а въ Русу ти, Княже, ездити осень, а лѣтѣ не ездити; ездите на Озвадо звѣра гонитъ.» По договорной Новгорода 1327 г. съ Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ: «а въ Русу ти, Княже, ездити на третью зиму, по грамотѣ дѣда своего Ярослава, и лѣтѣ на Озвать звѣрий гонитъ.» Всѣ эти грамоты ограничиваютъ право охоты Князя, при чемъ замѣтно стараются назначить Князю время для охоты менѣе выгодное, лѣто, такъ какъ въ то время

занимается Правда весьма подробно различными возможными при этомъ правонарушеніями, которыя, въ большинствѣ случаевъ, подходятъ подъ понятіе кражи. За похищеніе чужой собаки назначаетъ Правда довольно значительное взысканіе, въ 3 гривны, опредѣляя частное вознагражденіе въ этомъ случаѣ въ 1 гривну.[161]

За кражу ястреба, или сокола, назначалась и та же пеня и то же вознагражденіе, при чемъ Троицкій списокъ прибавляетъ, что похищеніе совершено изъ чьего ни будь «перевѣса,»[162] Вмѣстѣ съ тѣмъ Правда старается обезпечить и неприкосновенность чужихъ орудій ловли птицъ, или животныхъ, уже пойманныхъ въ ловушку звѣрей, или птицъ. Такъ, если кто «подотнеть вервь въ перевѣсѣ,» то назначается пеня въ 3 гривны и частное вознагражденіе въ 1 гривну купъ за испорченную сѣть.[163] Вѣроятно, это же правило сохраняло свою силу и въ томъ случаѣ, когда были испорчены ловушка, или

пушный звѣрь не имѣлъ хорошаго мѣха. Даже послѣ побѣдоноснаго окончанія Иваномъ III его перваго похода на Новгородъ встрѣчаемъ мы въ договорной грамотѣ побѣдителя съ Новгородомъ (первый) ту же статью: «а въ Русу вамъ, Великимъ Княземъ, ездити на третью зиму; лѣте ѣздите на Въсвадъ звѣрей гонити.» (Договорныя грамоты Новгорода съ Князьями въ I-мъ томѣ Румянц. Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ, 20-хъ первыхъ нумеровъ 1—30 стр.).

[161] Мы полагаемъ, что въ статьѣ 37-й Акад. сп. Правда имѣетъ въ виду отдѣльный случай кражи цѣнныхъ охотничьихъ собакъ, по чему и сопоставляетъ его съ кражею сокола и ястреба, хотя разумѣется, подъ это постановленіе могла подойти и кража собакъ дворовыхъ. Правда не дѣлаетъ при этомъ тѣхъ различій между собаками которыя исчислены въ Салич. Законѣ, гдѣ проводится различіе между собаками охотничьими (45 сол.), пастушескими (3 сол.) и сторожевыми, которыя должны были, по словамъ закона, держаться въ запертѣ, «ne damnum faciant,» и выпускаются только ночью (15 сол.). Частное вознагражденіе въ одну гривну, назначаемое за собакъ и за ястребовъ и соколовъ, является, по тогдашнему времени, весьма высокимъ и указываетъ на значительную ихъ цѣну.

[162] Перевѣсъ представлялъ сѣть, повѣшенную для ловли птицъ; при этой сѣти находился ястребъ, или соколъ, для того, чтобы пугать птицъ, которыя или попадали въ сѣть, спасаясь отъ преслѣдованія этихъ хищниковъ, или падали подъ ихъ ударами.

[163] Это постановленіе представляетъ собственно случай поврежденія чужой собственности, но очень можетъ быть, что это поврежденіе чужой сѣти имѣло цѣлью похищеніе пойманныхъ птицъ; по тому для связи мы считаемъ возможнымъ разобрать эту статью, также какъ и ту, которая говоритъ о порчѣ чужихъ ловушекъ, въ отдѣлѣ о воровствѣ.

сѣти, для ловли звѣрей. [164] Эта статья показываетъ, что на подобныя нарушенія чьихъ либо правъ охоты смотрѣлъ законъ весьма зорко, требуя, чтобы вервь строго наблюдала за безопасностью частной охоты. Весьма легко объясняется это обстоятельство тѣмъ, что подобныя сѣти и ловушки ставились обыкновенно на мѣстахъ пустыхъ, гдѣ нельзя было наблюдать за ихъ сохранностью и гдѣ по тому всякое злонамѣренное ихъ поврежденіе, всякая кража, легче могли быть совершены и скрыты. По поводу похищенія пойманныхъ звѣрей упоминаетъ Правда только о кражѣ наиболѣе цѣннаго и при томъ рѣдкаго животнаго—бобра: за похищеніе бобра назначалась высшая «продажа» въ 12 гривенъ; о частномъ же вознагражденіи законъ не упоминаетъ. Весьма возможно, что статья эта имѣетъ въ виду не кражу пойманнаго въ чужую ловушку бобра, но и успѣшную охоту за бобромъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, по охотничьимъ обычаямъ, бобръ считался принадлежностью извѣстнаго охотника (понятіе, которое отчасти соотвѣтствуетъ Нѣмецкому Wilddiebstahl).

Въ связи съ охотою находится пчеловодство, которое первоначально составляетъ одну изъ отраслей охоты. Въ первобытныхъ лѣсахъ постоянно встрѣчаются дикіе ульи пчелъ, которые и служатъ предметомъ розысковъ пчеловодовъ. Первоначально пчеловодство, весьма распространенное въ древней Россіи, велось вполнѣ первобытнымъ образомъ, такъ что пчеловодъ, найдя въ лѣсу дерево, въ дуплѣ котораго находился улей, отмѣчалъ такимъ образомъ дерево и считалъ его своею собственностью. Это право собственности охранялось, какъ видно изъ Правды, закономъ: если бы кто ни будь срубалъ подобное отмѣченное дерево, хотя бы и не съ цѣлью воспользоваться сотами, онъ обязанъ былъ уплатить 3 гривны «продажи» и за дерево полгривны (25 кунъ); если кто выдиралъ пчелъ, т. е., переводилъ рой изъ этого дерева куда ни будь въ другое мѣсто и похищалъ медъ, то, при одинаковой «продажѣ» въ 3 гривны, частное вознагражденіе пчеловода согласовалось съ тѣмъ обстоятельствомъ, былъ ли улей изъ меду (т. е., вынималъ ли истецъ не задолго до покражи изъ него медъ, будетъ ли «олѣкъ»), или нѣтъ; въ первомъ случаѣ, когда воръ не могъ воспользоваться большимъ количествомъ меду, онъ платилъ истцу 5 кунъ;

---

[164] Эту послѣднюю статью разбирали мы, говоря объ обязанностяхъ верви (статья 63-я Троицк. списка).

въ противномъ случаѣ 10 кунъ. И въ этомъ случаѣ, какъ и въ первомъ, указанномъ при порчѣ ловушекъ и, вѣроятно, на тѣхъ же основаніяхъ, предписываетъ Правда верви гнать татя по слѣду. Довольно подробно останавливается Правда и на воровствѣ домашней птицы, къ которой она относитъ и лебедей и журавлей: за большихъ водяныхъ птицъ, какъ за гуся, лебедя, журавля и утку, назначается «продажа» въ 60 кунъ и «урокъ» въ 30 кунъ; за болѣе мелкую домашнюю птицу, какъ за куръ и за голубей, назначено только частное вознагражденіе, въ 9 кунъ. Какого рода существовала при этомъ «продажа,» мы не знаемъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ Правды.[165]

Говоря о кражѣ вещей, Правда особенно выдѣляетъ похищеніе зерна изъ житницъ. На это преступленіе обращаетъ вниманіе и Салическій Законъ, такъ что изъ этихъ постановленій о кражѣ хлѣба, и за тѣмъ изъ аналогическихъ о кражѣ сѣна, дровъ и т. п., ясно видно стремленіе обоихъ законодательствъ обезпечить земледѣліе. За похищеніе жита съ гумна, или ямы, назначается пеня въ 3 гривны 30 кунъ, при чемъ Правда предполагаетъ, что воровство совершено нѣсколькими соучастниками, и постановляетъ, чтобы каждый изъ нихъ платилъ выше указанную пеню. Относительно частнаго вознагражденія истца указываетъ законъ, что, при существованіи «лица», т. е., украденнаго жита, истецъ долженъ взять все покраденное, за убытки же полагалось частное взысканіе по полугривнѣ за лѣто;[166] «продажа» назначается при этомъ одинаковая съ платимой при кражѣ скота изъ закрытаго помѣщенія, по тому что въ этомъ случаѣ жито также было закрыто, или зарыто, и для его похищенія, вѣроятно, требовался взломъ. Гораздо снисходительнѣе смотритъ нашъ законъ на кражу сѣна, или дровъ: «продажа», платимая въ этомъ случаѣ, не указывается, но мы пола-

---

[165] Можно предположить, что «продажа» и въ этомъ случаѣ равнялась 60-ти кунъ, такъ какъ Правда не знаетъ низшаго размѣра продажи, которая можетъ вращаться по Правдѣ только между 60-ю кунами—1 гривнѣ, 10 кунамъ, и 12 гривнамъ.

[166] Изъ статьи 46 Троицк. списка видно, что въ пору Правды было возможно, отдавать медъ «въ наставъ,» или жито «во прісопъ», т. е., какъ бы за проценты. На этомъ основаніи и постановляетъ статья 39 того списка, что при покражѣ жита истецъ можетъ получить по полживны за «лѣто,» за все время, пока воръ держалъ краденое жито и, слѣдовательно, извлекалъ изъ него выгоду.

гаемъ, что она равнялась, по всей вѣроятности, 60-ти кунамъ; частное же вознагражденіе истца составляло иногда 9 кунъ, или же когда оно вычислялось по количеству украденныхъ возовъ, двѣ ногаты или 5 кунъ за возъ.

Правда не указываетъ, откуда совершались подобныя покражи сѣна, или дровъ, но Законъ Салическій прямо упоминаетъ о кражѣ дровъ, нарубленныхъ кѣмъ либо въ лѣсу, изъ лѣса, или о похищеніи скошеннаго сѣна съ луговъ. Судя по этому, мы полагаемъ, что и Правда имѣетъ въ виду тѣ же случаи похищенія сѣна и дровъ изъ незакрытаго помѣщенія, слѣдовательно, кражу безъ взлома.

По отношенію къ воровству вообще, Правда имѣетъ въ виду преимущественно похищеніе такихъ вещей, которыя пострадавшій могъ узнать по самому ихъ виду, и на этомъ основываетъ свои правила объ отыскиваніи вора. Законъ упоминаетъ особенно о двухъ предметахъ воровства: объ оружіи и о платьѣ («портъ,» по ст. 28 и 29 Троицк. сп.). [167] Единственнымъ средствомъ къ отысканію преступника считаетъ Правда сводъ, по чему и даетъ весьма подробныя правила объ его производствѣ. Сводъ извѣстенъ всѣмъ вообще первобытнымъ народамъ, какъ средство къ отысканію преступника. Онъ возникъ весьма рано изъ того права самосуда, которое принадлежитъ каждому въ обществѣ, находящемся на низкой ступени гражданственности. [168]

Первоначально сводъ, точно также какъ и описанное нами преслѣдованіе вора по слѣду, производился самимъ лицомъ пострадавшимъ; за тѣмъ, съ развитіемъ государственной жизни, это переходило на различные союзы, или даже въ руки самой го-

---

[167] Правда особенно выдѣляетъ еще одинъ родъ воровства—похищеніе чужихъ лодокъ; пеня, назначаемая въ этомъ случаѣ, доходитъ до 60 кунъ, частное же вознагражденіе простиралось, какъ мы старались указать въ прилагаемой таблицѣ, отъ 20 кунъ до 3 гривенъ, смотря по стоимости лодки. Въ Салическомъ же Законѣ, кромѣ цѣнности лодки, Законъ имѣетъ въ виду и обстоятельства самаго дѣла, такъ что за кражу лодки «de intro clavem,» т. е., со взломомъ, назначалась высшая пеня, въ 35 сол.; если же лодка была при томъ тщательно убрана, повѣшена и заперта на ключъ, взысканіе доходило до 45 сол.

[168] Подобное явленіе существовало, на примѣръ, до послѣдняго времени у, такъ называемыхъ, немирныхъ Горцевъ на Кавказѣ, гдѣ также воръ преслѣдовался въ нѣкоторыхъ случаяхъ по горячимъ слѣдамъ самимъ пострадавшимъ съ его родичами.

сударственной власти. По Правдѣ сводъ производился самимъ хозяиномъ украденной вещи.

Сущность свода состояла въ томъ, что и истецъ, найдя украденную вещь, шелъ съ нею отыскивать первоначальнаго продавца этой вещи, который не могъ указать на лицо, у котораго онъ самъ купилъ и, слѣдовательно, считался воромъ. Если кто ни будь, утративъ какую ни есть вещь, объявлялъ объ этомъ на торгу, [169] то, найдя ее въ послѣдствіи въ своемъ городѣ, онъ имѣлъ право взять ее, а тотъ, у кого вещь была найдена, платилъ «за обиду» три гривны «продажи.» Въ этомъ случаѣ сводъ не производился, по тому что, послѣ объявленія на торгу, каждый изъ жителей этого города обязанъ былъ представить вещь, и если онъ этого не дѣлалъ, а вещь у него находилась, то разсматривался какъ воръ и платилъ по тому «продажу» въ 3 гривны. Правда весьма пластически описываетъ самое производство свода: по ст. 29-й (Троицк. сп.) хозяинъ вещи, найдя свою украденную вещь, не долженъ требовать ее какъ свою собственность («то не рци и: се мое»), но долженъ былъ ити на сводъ. Такимъ образомъ сводъ открывался въ томъ случаѣ, если хозяинъ находилъ свою украденную вещь. Лицо, у котораго была найдена вещь, обязано было указать на того, у кого онъ самъ купилъ эту вещь; за тѣмъ это второе лицо, на котораго указалъ первый отвѣтчикъ, указывало, въ свою очередь, на того, у кого онъ купилъ и т. д. до того лица, которое не могло указать, у кого оно купило, и признавалось по тому воромъ. Подобный сводъ могъ продолжаться весьма долгое время, и по тому самъ законъ ограничиваетъ его въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ какъ сводъ могъ отвлекать отвѣтчика весьма далеко, то Правда и ограничиваетъ его извѣстнымъ образомъ въ отношеніи пространства. Это ограниченіе имѣло еще другое значеніе, по тому что предполагалось, что въ извѣстныхъ предѣлахъ, на пр., въ чертѣ своего города, или верви, истецъ могъ удачнѣе производить сводъ, зная большую часть народонаселенія. По отношенію къ пространству законъ предписываетъ ити до конца свода въ томъ случаѣ, если бы онъ производился въ чертѣ одного города; когда сводъ

---

[169] Подобное постановленіе указали мы по отношенію къ рабамъ; мы полагаемъ, что, по отношенію къ животнымъ и къ вещамъ, оно имѣло мѣсто только тогда, когда украденная вещь (или животное) легко могла быть узнана, т. е. рѣзко отличалась чѣмъ ни будь отъ другихъ себѣ подобныхъ.

шелъ по землямъ, т. е., когда при сводѣ истецъ долженъ былъ выйти изъ города и ити по землямъ, окружавшимъ городъ, то сводъ шелъ только до третьяго свода, и третій отвѣтчикъ долженъ былъ взять «лице,» т. е., самый украденный предметъ и, заплативъ истцу за него его стоимость, ити до конца свода. Если такимъ путемъ открывался истинный виновникъ, то онъ и платилъ «продажу» и за всѣ убытки, «лице» же возвращалось первоначальному хозяину, который отдавалъ обратно полученныя за него деньги. Разумѣется, что лица, купившія подобную ворованную вещь, также постепенно по своду получали отъ своихъ продавцовъ свои деньги. Это особенно выясняется статьею 32-ю Троицк. сп., гдѣ указывается, что если кто ни будь купилъ что либо ворованное на торгу и не знаетъ имени продавца, то онъ могъ, для своего оправданія, представить двухъ свободныхъ свидѣтелей (видоковъ), или «мытника,» [170] т. е., то должностное лицо, которое назначалось для сбора пошлинъ, извѣстныхъ подъ именемъ «мытей,» которые бы клятвенно подтвердили, что они видѣли самую покупку. Въ этомъ случаѣ истецъ получалъ свою украденную вещь, а покупатель, по словамъ Правды, долженъ былъ своихъ кунъ «желѣти» за то, что не знаетъ, у кого онъ купилъ. Если же онъ узнавалъ за тѣмъ продавца, то онъ могъ взыскать съ него свои «куны,» а Князю платилась этимъ послѣднимъ, какъ признаннымъ воромъ, «продажа.»

По словамъ Правды: «а и своего города въ чюжю землю свода нѣтуть,» т. е., нельзя было вести свода «въ чужю землю,» т. е., въ чужое Княжество. [171] Весьма понятно, что, при разрозненности

---

[170] Хотя внутреннія таможенныя пошлины, и въ особенности мытъ, извѣстный по памятникамъ не ранѣе XIV-го вѣка, но по тому положенію, которое занимаетъ по Правдѣ «мытникъ», слѣдуетъ предположить, что и во времена Правды существовали извѣстныя пошлины за продажу, для взиманія которыхъ былъ приставленъ мытникъ. Этимъ объясняется и то особенное значеніе, которое даетъ Правда его свидѣтельству.

[171] Мы объясняемъ такимъ образомъ это выраженіе, по тому что уже выше, по ст. 31-й Тр. сп., узаконялся сводъ по землямъ въ смыслѣ, противуположномъ городу, такъ что выраженіе разбираемой статьи не можетъ быть понято, какъ противуположность городу въ качествѣ окружавшихъ его земель, принадлежащихъ различнымъ сельскимъ обществамъ. Точно также нельзя предположить, что, по понятіямъ чужой земли, подразумѣвалась область чужой верви, такъ какъ въ самомъ городѣ могло быть нѣсколько вервей, а по Правдѣ сводъ въ городѣ могъ производиться до конца.

различныхъ Княжествъ, составлявшихъ совершенно независимое государство, сводъ не могъ производиться въ области чужаго Княжества. [172] По тому, если лицо, у котораго нашли вещь, указывало, что продавецъ находится въ чужомъ Княжествѣ, то онъ долженъ доказать свою невинность свидѣтельствомъ мытника, или послуховъ, при которыхъ оно купило, и возвратить вещь; никакого вознагражденія за утрату купленной воровской вещи онъ не получалъ; истецъ точно также получалъ только свою вещь и терялъ всю прибыль, которую бы могъ получить отъ нея за то время, пока она не находилась въ его владѣніи, вѣроятно, на его же долю приходились и издержки тяжбы: по статьѣ 35-й истцу «лице взяти, а прока ему желѣти, что съ нимъ погибла, а оному своихъ кунъ желѣти.»

Проф. Леонтовичъ указываетъ, что «сводъ Правды цѣликомъ встрѣчается въ древнемъ Чешскомъ Правѣ.» Кромѣ того и въ Литовскихъ Статутахъ встрѣчаются аналогическія постановленія о «сводѣ». Дѣйствительно, сводъ свойственъ всѣмъ вообще народамъ, находящимся на одной степени развитія. Но сводъ имѣлъ мѣсто только въ случаѣ удачнаго выполненія воровства; если же воръ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, то онъ могъ быть немедленно убитъ. [173] Такъ называемый «клѣтный тать,» если онъ былъ обнаруженъ сводомъ, или, пойманный на мѣстѣ преступленія, отправленъ къ Князю (а не убитъ), платилъ 3 гривны «продажи,» такъ что всякая обыкновенная кража подлежала этой 3-хъ гривенной продажѣ. Но если воръ былъ лицомъ несвободнымъ, «продажи» не взыскивалось, но платился двойной «урокъ» истцу. [174]

---

[172] Подтвержденіемъ нашего мнѣнія могутъ служить договорныя грамоты Новгорода съ Князьями, въ которыхъ и выставленъ особый порядокъ судопроизводства для жителей различныхъ Княжествъ.

[173] Статья 20 Академическаго списка, статья 36 Троицк. списка, ст. 37 Карамз. списка. Объэ томъ постановленіи Правды говорили мы въ отдѣлѣ о безнаказанномъ убійствѣ.

[174] Ст. 42 Троицк. сп.: «аже будуть холопи татие, любо княжи, любо боярстии, любо черничь, ихъ же князь продажею не казнить, зане суть не свободни: то двоиче платить ко истцю за обидоу.» Эта статья находится въ тѣсной связи съ 115 Троицк. сп., которая дополняетъ ее въ томъ смыслѣ, что господинъ преступныхъ рабовъ или выкупалъ ихъ платежемъ указаннаго двойнаго урока, или выдавалъ самихъ виновныхъ. Статья 115 при этомъ

Всѣ постановленія о воровствѣ Русской Правды показываютъ, что въ эту пору наше право находилось еще на первой ступени своего развитія: это подтверждаетъ статья о поимкѣ вора на мѣстѣ преступленія и всѣ статьи о сводѣ и о преслѣдованіи вора по слѣду.

Возможность убить вора на мѣстѣ преступленія существовала только въ наиболѣе отдаленную пору въ различныхъ Германскихъ кодексахъ и исчезла почти повсемѣстно съ развитіемъ правового сознанія въ законодательствѣ, такъ что въ Законѣ Салическомъ уже нѣтъ подобнаго постановленія.

Правила, выставленныя Правдою о сводѣ и преслѣдованіи вора по слѣду, составляютъ, какъ мы старались доказать, принадлежность всѣхъ первобытныхъ народовъ.

При томъ Правда выставляетъ сводъ въ его первоначальномъ наиболѣе грубомъ видѣ, такъ что позднѣйшіе памятники, на прим., Литовскіе Статуты, упоминая о подобномъ «сводѣ,» во многихъ чертахъ видоизмѣняютъ его характеръ. Lex Salica представляетъ нѣчто подобное въ главахъ 39-й: «De vestigio minando,» и 49-й: «De filtortis, hoc est, qualiter homo furatas res in tertiare debeat.»

добавляетъ, что если какъ бы то ни было участвовали въ совершеніи краж и свободные (хотя бы даже какъ укрывателя), то Князю «продажа.»

ВЗЫСКАНІЯ ПО РУССКОЙ ПРАВДѢ И

Предметы кражи.	Обстоятельства дѣла.	Взысканіе. Пеня.	Взысканіе. Частное вознагражденіе.
Холопъ, или раба	.....	12 гривенъ	5 или 6 гри
Заводскія лошади (коневая татьба)	.....	Потокъ	
Скотъ вообще	Кража изъ закрытаго помѣщенія, изъ хлѣва	3 гривн. 30 к.	
Скотъ вообще	Кража съ поля	60 кунъ	
Княжь конь (съ пятномъ)	.....	.....	3 гривны
Конь (смерда)	.....	.....	2 гривны
Кобыла	.....	.....	60 кунъ
Жеребецъ не объѣзженный	.....	.....	1 гривна кун
Жеребенокъ	.....	.....	6 ногатъ рав ны 15 кунам
Волъ	.....	.....	1 гривна
Корова	.....	.....	40 кунъ
Третьяка (т. е., три года корова	.....	.....	30 кунъ
Лоньщина	.....	.....	½ грив=25 к
Теленокъ	.....	.....	5 кунъ
Свинья	.....	.....	5 кунъ
Поросенокъ	.....	.....	1 ногата=2½ кунамъ
Овца	.....	.....	5 кунъ
Баранъ	.....	.....	1 ногата=2
Собака	.....	3 гривны	1 гривна к
Ястребъ	Кража изъ перевѣса	3 гривны	1 гривна
Соколъ	Кража изъ перевѣса	3 гривны	1 гривна
Курица	.....	.....	9 кунъ
Голубь	.....	.....	9 кунъ

ЗАВОРОВСТВО ЗАКОНАМЪ САЛИЧЕСКИМЪ.

Предметы кражи.	Обстоятельства дѣла.	Взысканіе. Пеня.	Взысканіе. Частное вознагражденіе.
Servus, aut ancilla		30 (по V 35) с.	Capitale
Warannio [1] regis		90 солидовъ	
Warannio hominis Franci		45 солидовъ	
Caballus, qui carrugam trahit	.....	45 солид.	
Caballus spadatus	.....	35 солид.	
Jumentum, aut caballus	.....	35 солид.	
Equa praegnans [2]	.....	45 сол. (30 по 1-й	
Poledrus anniculus vel binuus	.....	15 солид.	
Poledrus sequens	.....	3 солид.	
Bos	.....	35 солид.	
Taurus gregem regens	.....	45 солид.	
Taurus regis	.....	90 солид.	
Vacca domita [3]	.....	35 солид.	
Vacca sine vitulo	.....	30 солид.	
Binnuum aut anniculum animal	.....	15 солид.	
Vitulus lactans	.....	3 солид.	
Serova ducaria	.....	7½ солид.	
Porcellus lactans	.....	3 солид.	
Porcellus, qui sine matre vivere possit	Furtum de campo	1 солид.	
Porcellus	Furtum de sude, quae clavem habet	45 солид.	

[1] Выраженіе «Warannio» объясняетъ Пардессю (pag. 384 note 430), производя его изъ Саксонскаго «raene» (lascivus), какъ однозначащее съ выраженіемъ «equus admissarius», что обозначаетъ, по замѣчанію Варрона, заводскаго жеребца (étalon, destené à la reproduction). Замѣтимъ, что по «Lex Salica» кража «damissarius cum greqe» (7 или 12 лошадей) оплачивалась пеней 62½ солид.

На основаніи этого мы считали возможнымъ сопоставить понятіе коневой татьбы по Правдѣ съ кражею Waranionnis по Салическому Закону.

[2] Постановленіе это не совсѣмъ подходитъ подъ указанную въ Правдѣ кражу кобылъ, такъ какъ имѣетъ въ виду только исключительный случай этого рода.

[3] Мы предполагаемъ, что Правда имѣетъ въ виду только случай кражи скота домашняго, т. е., уже укрощеннаго, что подходитъ подъ понятіе «Vaccae domitae» Салическаго Закона.

Предметы кражи.	Обстоятельства дѣла.	Взысканіе.	
		Пеня.	Частное вознагражденіе.
Утка		60 рѣзанъ (кунъ)	30 кунъ
Гусь		60 рѣзанъ	30 кунъ
Лебедь		60 рѣзанъ	30 кунъ
Журавль		60 рѣзанъ	30 кунъ
Пчелы	«аже будуть пчелы не лажены»	3 гривны	10 кунъ
Пчелы	«будетъ ли олекъ»	3 гривны	5 кунъ
Бобръ		12 гривенъ	
Жито	съ гумна, или изъ ямы	3 гривны 30 кунъ	Полгривны (25 кунъ)
Сѣно			9 кунъ или по 2 ногаты (5 кунъ, за возъ.
Дрова			9 кунъ или по 2 ногаты (5 кунъ) за возъ.
Ладья морская		60 кунъ	3 гривны
Ладья набойная		60 кунъ	2 гривны
Челнъ		60 кунъ	20 кунъ
Стругъ		60 кунъ	1 гривна

Предметы кражи.	Обстоятельства дѣла.	Взысканіе.	
		Пеня.	Частное возмѣщеніе.
Berbis (anniculus, vel binnuus)		3 солид.	Capitale
Aqnus lactans		7 динар.	
Cannis		15 солид.	
Cannnis doctus		45 солид.	
Cannis pastor		3 солид.	
Accipiter	De pertiga [4]	15 солид.	
Accipiter	De arbore	3 солид.	
Accipiter	Intro clavem repositus (слѣдовательно, кража со взломомъ изъ закрытаго помѣщенія)	45 солид.	
Sparsarius		3 солид.	
Gallus, aut gallina		3 солид.	
Turtur	De rete alterius	3 солид.	
Anas		3 солид.	
Anser domesticus		3 солид.	
Cignum domesticum		3 солид.	
Grus domestica		3 солид.	
Vas apium		45 солид.	
Aper lassus, quem alieni canes moverunt. [5]		15 солид.	
Messis		45 солид.	
Foenum	In carro duxerit	15 солид.	
Foenum	quantum in dorso suo portare potuerit	3 солид.	
Signa aut materiamen alterius	Ex silva	15 солид. (по 1-й 3 солида за дрова, вырубленныя въ чужомъ лѣсу).	
Navis velascus		15 солид.	
Navis velascus	de intro clavem	35 солид.	
Navis velascus	De intro clave repositum et in suspenso pro studio positum	45 солид.	Capitale [6]

[4] Случай кражи сокола, или ястреба, птицъ, исключительно предназначенныхъ для охоты изъ «перевѣса», т. е., изъ мѣста ловли птицъ, соотвѣтствуетъ, по нашему мнѣнію, кражѣ этихъ птицъ «de pertiga» Салическаго Закона.

[5] Салическій Законъ не знаетъ подобнаго правонарушенія, какъ похищеніе бобра по Правдѣ. Аналогическимъ случаемъ является убіеніе, или кража, вепря, загнаннаго чужими собаками.

[6] «Capitale» по Салическому Закону, также какъ и нашъ «урокъ,» платилось только в этомъ случаѣ, если не существовало, или не могло быть возвращено истцу «лице,» т. е., сама украденная вещь. Кромѣ того въ Салическомъ Законѣ къ каждому взысканію за воровство прибавлялась «delatura.»

О взысканіяхъ за истребленіе чужаго имущества.

Съ воровствомъ тѣсно связано преступное истребленіе чужой собственности, которое иногда служитъ какъ средство къ воровству; въ большей части случаевъ это правонарушеніе совершается съ намѣреніемъ преступника получить извѣстную для себя выгоду изъ ущерба, причиняемаго другому. Иногда это намѣреніе вполнѣ ясно видно, напр., при порчѣ и истребленіи межевыхъ знаковъ, или въ особенности при взломѣ; иногда же оно не такъ ясно, напр., при поджогѣ, если при этомъ нѣтъ прямой цѣли воспользоваться происходящимъ смятеніемъ для грабежа. Эта сторона разбираемаго дѣянія представляетъ весьма много сходныхъ сторонъ съ воровствомъ, съ которымъ нѣкоторые случаи истребленія чужой собственности, напр., взломъ для кражи, неразрывно связаны. Но указанное преступленіе имѣетъ часто и совершенно другое значеніе: оно можетъ не приносить ни малѣйшей выгоды самому преступнику, но совершается только съ цѣлію повредить другимъ, подобно тому, какъ убійство «въ обиду» («пакощами»). Первое мѣсто въ ряду относящихся сюда преступленій занимаетъ поджогъ. Даже въ настоящее время, при преобладаніи (въ городахъ, по крайней мѣрѣ) каменныхъ построекъ, при значительномъ усовершенствованіи огнегасительныхъ снарядовъ, поджогъ остается, при томъ не только у насъ, въ Россіи, но и на Западѣ, однимъ изъ самыхъ опасныхъ преступленій, отнесенныхъ наукою уголовнаго права къ разряду, такъ называемыхъ, общеопасныхъ, угрожающихъ всему обществу. Понятно, что въ пору Правды поджогъ игралъ не менѣе важную роль. Нашъ законъ смотрѣлъ на это преступленіе крайне строго и назначалъ за него отдачу преступника «на потокъ» и разграбленіе его имущества, «переди пагубу исплатившю,» т. е., послѣ возмѣщенія убытковъ пострадавшимъ отъ пожара. Законъ не различаетъ, былъ ли совершенъ поджогъ съ цѣлью грабежа, или просто «въ обиду», но, въ виду той громадной опасности для всѣхъ, которая возникала изъ этого преступленія, онъ считаетъ необходимымъ во всякомъ случаѣ удалить преступника изъ общества. [175]

---

[175] Объ особенностяхъ выдачи преступника она потокъ» говорили мы выше. Разграбленіе служило только дополненіемъ къ главному наказанію; конечно, это возвышеніе наказанія лишеніемъ преступника его имущества должно

Литовскій Статутъ назначаетъ, по замѣчанію Проф. Леонтовича, за поджогъ сожженіе самого преступника, при чемъ имущество его идетъ на удовлетвореніе «шкоды.»

Салическій Законъ остается и въ этомъ случаѣ вѣренъ своей системѣ денежныхъ композицій, но, какъ мы старались показать, взысканіе, назначаемое по этому Закону за поджогъ, могло доходить до весьма значительной цифры, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда были зажигаемы жилыя строенія.

Изъ остальныхъ видовъ истребленія, или порчи, чужого имущества особенно выдѣляетъ Правда истребленіе межевыхъ знаковъ. Выдѣленіе этихъ правонарушеній въ особую статью, замѣчаемое и въ позднѣйшихъ Литовскихъ Статутахъ, объясняется важностью поземельныхъ и другихъ правъ, основанныхъ на существованіи этихъ знаковъ, которые въ ту пору, когда почти совершенно не существовало письменности, служили единственными доказательствами права собственности. Всякаго рода уничтоженіе границъ между отдѣльными земельными участками влекло за собою высшую «продажу» въ 12 гривенъ. Правда приводитъ, въ видѣ примѣровъ, нѣсколько возможныхъ случаевъ этого рода: если кто на полѣ разоретъ (т. е., сгладитъ, уничтожитъ, сдѣлаетъ незамѣтною, запашетъ) межу ролейную, разграничивающую различные полевые участки, или срубитъ дубъ «знаменьный» или межевый; [176] сюда же относится поставленіе тына поперекъ чужой межи, раздѣлявшей отдѣльные дворные участки.

считаться несправедливымъ, но и настоящее время, удерживая въ нѣкоторыхъ случаяхъ конфискацію имущества, не свободно отъ подобнаго упрека. Разграбленіе имущества преступника, упоминаемое Правдою два раза, вполнѣ сходно съ позднѣйшею конфискаціею, особенно развившеюся въ Среднія вѣка. Только сперва растаскивалъ имущество обвиненнаго народъ, который имѣлъ въ ту пору особенное значеніе; позднѣе же, съ развитіемъ единоличной государственной власти, послѣдняя приняла на себя эту заботу.

[176] Для обозначенія границы между различными земельными участками часто употреблялись въ то время деревья, растущія на самой межѣ, которыя и сохранялись обычаемъ весьма продолжительное время; въ пору язычества подобныя деревья получали нерѣдко священный характеръ, который и охранялъ ихъ отъ порубки; въ послѣдствіи, какъ мы это видимъ въ Правдѣ, самъ законъ беретъ на себя заботу о ихъ неприкосновенности. Дубъ естественно найболѣе часто исполнялъ подобное назначеніе, по чему въ древнѣйшія времена это дерево являлось у нѣкоторыхъ народовъ, на пр., у Германцевъ, священнымъ (die heilige Eiche).

Пчельники такъ же имѣли свои межи, отдѣлявшія владѣнія одного пчелевода отъ другихъ. За нарушеніе цѣлости этихъ границъ («аже разнамѣнаеть борть»), назначалась также 12-гривенная «продажа.» Во всѣхъ этихъ случаяхъ частное лицо, выгоды котораго нарушались однимъ изъ указанныхъ преступленій, не терпѣло никакого имущественнаго ущерба, такъ какъ границы возстановлялись въ прежнемъ отношеніи. [177] Въ слѣдствіе этого не было и никакого частнаго гражданскаго вознагражденія истца. Совсѣмъ другое видимъ мы во всѣхъ остальныхъ случаяхъ истребленія, гдѣ портилась, или истреблялась, какая ни будь чужая вещь, [178] на пр., сѣть для ловли птицъ (перевѣсъ), оружіе, платье и т. п., или разорялся улей. Говоря объ уничтоженіи чужихъ животныхъ, Правда прямо указываетъ на злонамѣренность дѣянія: «аще кто пакощами (т. е., съ цѣлью надѣлать вредъ другому) порѣжеть конь, или скотину.»... За подобное правонарушеніе назначалась высшая «продажа» въ 12 грив. и сверхъ того господину «за пагубу» гривну и «урокъ,» т. е., стоимость вещи (ст. 101 своди. списка Калачова). [179] При порчѣ чужого имущества, совершеннаго, по всей вѣроятности, случайно, не назначалось никакой пени, также какъ это существовало въ Законѣ Салическомъ, если виновный сознавался. Древнѣйшій Академическій списокъ, упоминая объ этомъ случаѣ, назначаетъ только частное вознагражденіе истцу, состоя-

---

[177] Межа, какъ полоса земли, раздѣляющая отдѣльные земельные участки, или различные природные знаки, какъ деревья, камни и т. п., не составляла предмета частнаго владѣнія, но имѣла только служащее значеніе, какъ видимый знакъ установленныхъ закономъ границъ. Въ ихъ разрушеніи, кромѣ корыстнаго умысла захватить часть чужой собственности, выказывалось презрѣніе къ закону; однако, въ случаѣ возстановленія прежнихъ границъ, частное лицо никакого имущественнаго убытка не терпѣло отъ самаго уничтоженія тѣхъ вещественныхъ знаковъ, которые первоначально составляли границы.

[178] Нѣкоторые подобные случаи истребленія чужой собственности разбирали мы въ главѣ о воровствѣ, и потому здѣсь упомянемъ только о тѣхъ случаяхъ этого рода, которые въ эту послѣднюю не вошли.

[179] Это постановленіе, если считать его вѣрнымъ въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ сводномъ спискѣ Н. В. Калачова, представляется исключеніемъ изъ общаго ряда статей объ имущественныхъ правонарушеніяхъ, гдѣ хозяинъ вещи всегда получалъ только «урокъ.» Въ разбираемомъ случаѣ Правда видитъ въ истребленіи чужого имущества «пакощами» желаніе оскорбить хозяина зарѣзаннаго скота, и назначаетъ въ его пользу одну гривну «за пагубу», съ цѣлью вознаградить его за понесенное оскорбленіе.

въ возвращеніи стоимости испорченной вещи, если виновный захочетъ удержать за собою, и въ платѣ за ея исправленіе, если онъ возвращалъ вещь законному ея хозяину (ст. 17 Академическаго списка о взысканіяхъ за незаконное пользованіе чужимъ имуществомъ). [180] Послѣднимъ видомъ имущественныхъ правонарушеній является незаконное пользованіе чужимъ имуществомъ. Это правонарушеніе занимаетъ весьма мало мѣста въ Правдѣ; почти то же замѣчаемъ мы и въ Законѣ Салическомъ, гдѣ этому виду имущественныхъ преступленій удѣлено немного больше мѣста, чѣмъ въ Правдѣ.

По Правдѣ относится къ этому разряду правонарушеній только одна статья, получившая громкую извѣстность, какъ одно изъ коренныхъ основаній, выставляемыхъ въ пользу теоріи заимствованія нашего законодательства изъ Скандинавскаго, какъ одно изъ существенныхъ положеній, на которыхъ строили теорію о чужеземномъ происхожденіи Правды. По списку Академическому статья эта: «аще кто поѣдеть на чюжемъ конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривны,» назначаетъ «продажу» въ 3 гривны за то, если кто ни будь, не спросивъ на то дозволенія у владѣльца, поѣдетъ на чужомъ конѣ. Статья эта составляетъ не только общую принадлежность Сѣверныхъ кодексовъ, но встрѣчается въ большей части всѣхъ вообще законодательствъ, относящихся къ этому періоду. Въ правѣ Салическихъ Франковъ встрѣчается вполнѣ сходное постановленіе: «De caballo sine permissu domini sui ascenso», согласно съ которымъ назначается за это правонарушеніе пеня отъ 15 до 30 сол. Законъ Франковъ Рипуарскихъ заключаетъ такую жа статью, но назначаетъ въ этомъ случаѣ единообразную пеню въ 30 сол. Причины такой распространенности этого постановленія легко объясняются тѣмъ образомъ жизни, который былъ свойственъ всѣмъ указаннымъ народамъ (Норманамъ, Фри-

---

[180] «Аже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнеть хотѣти его держать оу себе, то пріяти скота оу него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то скотомъ емоу заплатити, колько далъ будеть на немъ.» Замѣчательно, что эта статья два раза упоминаетъ «о скотѣ» въ смыслѣ денегъ. Мы имѣемъ еще одинъ случай подобнаго значенія слова скотъ: «а ты своего скота ищи при видоцѣ»; ст. 15 Академич. сп. Этотъ терминъ указываетъ, «что первоначально на Руси скотъ замѣнялъ иногда деньги и опредѣленная голова домашняго скота представляла собою извѣстную денежную цѣнность.

вамъ, Франкамъ и другимъ Германскимъ племенамъ и Славянамъ. Въ быту полуземледѣльческомъ, полукочевомъ, у народовъ, для которыхъ война служила прибыльнымъ промысломъ, лошади имѣли особенно высокую цѣну, въ чемъ легко убѣдиться изъ законодательства всѣхъ этихъ народовъ.

Понятно послѣ того, что подобное пользованіе чужою лошадью, безъ спроса ея хозяина, которое могло утомить и испортить лошадь, нанести существенный ущербъ ея хозяину, считалось преступленіемъ болѣе, или менѣе, важнымъ. При тогдашнихъ условіяхъ жизни это правонарушеніе, безъ сомнѣнія, случалось весьма часто, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что всѣ древнѣйшіе кодексы непремѣнно включаютъ его въ число преступленій имущественныхъ.

На основаніи разбора постановленій Правды о взысканіяхъ за различныя преступленія личныя и имущественныя можно вывести, что при преступленіяхъ личныхъ взыскивались въ пользу Князя: во 1-хъ, виры въ 40 и 80 гривенъ и полувира въ 20 гривенъ; во 2-хъ, пени въ 5 и 12 гривенъ за убійство лицъ низшихъ сословій, и въ 3-хъ, «продажи» въ 1 гривну, 60 кунъ (1 гривна 10 кунъ), 3 и 12 гривенъ.

При преступленіяхъ же имущественныхъ шла въ пользу Князя «продажа» въ 60 кунъ 3 гривны, 3 гривны 30 кунъ и 12 гривенъ. Истецъ же получалъ, какъ при преступленіяхъ личныхъ, такъ и при имущественныхъ, различнаго рода частное вознагражденіе «за вѣкъ» или «за пагубу», которое доходило отъ одной ногаты ($2\frac{1}{2}$ куны) до 10 гривенъ. По отношенію же къ высшему

Совершенно такъ! Сличите названіе «скотьница» у Новгородцевъ, въ ихъ письменныхъ памятникахъ, и также въ нашихъ лѣтописяхъ, въ смыслѣ сокровищница, aerarium, на примѣръ: «начаша скотъ събирати отъ моужа по .Д. коуны, а отъ старостъ по .І. гривьнъ, и отъ бояръ по .ѿ. гривьнъ, и приведоша Варягы, вдаша имъ скотъ.» П. С. Р. Л. 49, или въ Житіи Бориса и Глѣба (см. наше изданіе въ «Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Ист. и Древност. Росс».), и особо): «и начаша скотъ брати, отъ моужа по четыри коуны, а отъ старостъ по девяти гривенъ, а отъ бояръ по осмидесять гривенъ.» Слово «скотъ» сравните съ Лит. skatikas, гропъ, Гот. skatts, и ДС. scattr, Schatz, Abqabe и пр. Да и Латинское pecunia, деньги, отъ pecus, такъ какъ скотъ у народовъ въ пастушескомъ вѣкѣ составлялъ самое цѣнное его имущество, коимъ все оцѣнивается, и т. п. Сравните еще и Румунское, у Славянъ взятое, «скотельникъ,» казначей. О. Б.

вознагражденію подобнаго рода—головничеству, мы не можемъ сказать ничего положительнаго, хотя, на основаніи аналогіи, можно было бы предположить, что оно составляло, въ случаѣ судебнаго его назначенія, не болѣе половины самой пени за убійство.

29-го Ноября, 1875 г.

Примѣч. Изъ этого прекраснаго изслѣдованія ясно становится всякому, какъ важно историко-сравнительное изученіе юридическихъ памятниковъ съ памятниками Индо-Европейскихъ народовъ, въ особенности ближайшихъ между собою по чему бы то ни было. Для Русскихъ подобное изученіе важно и совершенно необходимо въ сличеніи ихъ памятниковъ законодательства, особенно древнѣйшаго, съ такими же памятниками прочихъ Славянъ—Булгаръ, Сербовъ, Чеховъ и Поляковъ. Тогда не пришлось бы изслѣдователю въ этомъ случаѣ ссылаться на слова того, или другого, учителя, а черпать прямо въ самомъ источикѣ: «Gratius aqua bibitur ex ipso fonte.» Для того, конечно, необходимо знаніе Славянскихъ нарѣчій, исторіи, письменности и законовъ, котораго, къ сожалѣнію, почти ни у кого теперь изъ нашихъ правовѣдовъ не замѣчаемъ; а пора бы уже и имъ обратиться къ усвоенію того, безъ знанія чего недалеко они уѣдутъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по древнему Русскому праву, будутъ вѣчно хромать на обѣ плесни О. Б.

00067488
ЮФ СПбГУ